

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Зло, его сущность и происхожденіе (продолженіе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	689—718
Обличительная рѣчь Господа Нашего Ісуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ (продолженіе). <i>Свящ. Григорія Мозолевскаго</i>	719—747
Можетъ ли древность религіозныхъ вѣрованій и учрежденій служить доназательствомъ ихъ истинности? * * *	748—758
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Разборъ возраженій Джона Стюарта Милля противъ теизма (продолженіе). <i>М. Лебедева</i>	539—555
Цѣнность жизни (продолженіе). Олэ-Дяпрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	556—576
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая награда.—Отчетъ о состояніи эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1895 годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 18 ⁹⁵ / ₉₆ уч. годъ.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Іюня 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Продолженіе *).

Сѣверные Индѣйцы хранятъ слѣдующее сказаніе ¹⁾. „Первый человекъ, по свидѣтельству отцовъ, назывался *Четивигъ*. На землѣ онъ нашелъ изобиліе питательныхъ средствъ и создалъ дѣтей, которымъ далъ два рода плодовъ, черные и бѣлые, но запретилъ имъ ѣсть черные. Давъ такимъ образомъ заповѣдь, которою должно было руководствоваться его семейство, онъ на нѣкоторое время отлучился и сдѣлалъ большое путешествіе, чтобы принести въ міръ солнце. Во все время этого отсутствія дѣти его были послушными и ѣли только бѣлые плоды, но истребили ихъ совершенно. Когда онъ отправился въ путешествіе во второй разъ, чтобы принести луну, дѣти его забыли о повелѣніи отца и, за неимѣніемъ другихъ плодовъ, стали ѣсть черные плоды. По возвращеніи, отецъ былъ крайне разгнѣванъ и сказалъ дѣтямъ, что на будущее время земля будетъ приносить только дурные плоды, а ихъ самихъ постигнутъ болѣзни и смерть, каковую участь раздѣляютъ теперь и ихъ потомки“. Въ этомъ сказаніи сходство съ Божественнымъ первооткровеніемъ о первоначальномъ блаженствѣ и грѣхопадении прародителей слишкомъ очевидно, чтобы можно было его не видѣть.

По сказанію *Чиппевеговъ* (племя, родственное сѣвернымъ индѣйцамъ), въ первое время земля была широкимъ океаномъ и не было никакого другого живого существа, кромѣ одной могу-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 9.

¹⁾ Franklin, Zweite Reise an die Küste des Polarmeeres in den Jahren 1825, 26 и 27. Стр. 308. У Любена Die Traditionen, стр. 126.

щественной птицы, глаза которой были огненные, ея взглядъ — молнія, а ея ударъ крыльевъ — раскаты грома. Однажды она сошла на океанъ, и какъ только коснулась его, тотъ-часъ на поверхность водъ всплыла земля и осталась въ равновѣсіи. Тогда птица повелѣла произойти изъ земли различнымъ существамъ, чтобы населить ее, только не чиппевегамъ, которые родились отъ собаки. Послѣ творенія міра, птица сдѣлала еще стрѣлу, которая должна сохраняться со всею тщательностію и къ которой прикасаться было строго *запрещено*. Но чиппевеги *имѣли легкомысліе даже унести ее*. Это разгнѣвало птицу до такой степени, что съ того времени она не стала никому показываться. Чиппевеги также вѣрують, что въ первыя времена ихъ отцы жили до тѣхъ поръ, пока ноги вслѣдствіе хожденія дѣлались негодными, а горло вслѣдствіе продолжительнаго употребленія пищи теряло силу — глотать ¹⁾.

У *Виандотовъ* пользуется большимъ распространеніемъ вѣрованіе, что вначалѣ Богъ создалъ двухъ братьевъ: добраго и злого; послѣдній убилъ свою мать и былъ за это наказанъ смертію, а бабушка, научившая его совершить это убійство, превращена была въ луну ²⁾. Здѣсь опять виновницею зла является *женщина* — бабушка.

По сказанію *Докатовъ* ³⁾, первые люди, созданные великимъ духомъ, сначала были просто деревьями, пустившими въ землю глубокіе корни, и потому неподвижными; но *змѣй* обгрызъ ихъ корни и чрезъ это они получили возможность свободно двигаться. Такимъ образомъ, *змѣй* здѣсь предоставляетъ людямъ поводъ къ проявленію безграничной свободы или произвола!

Ирокезы ⁴⁾ передаютъ слѣдующее сказаніе. „Вначалѣ, еще до сотворенія земли, было шесть человѣкъ. Такъ какъ земли еще не было, то они блуждали въ воздухѣ. Между прочимъ, они узнали, что на небѣ (въ раю) находится *женщина*, и по-

¹⁾ Срв. Mackenzie, voy. dans l' Interieur de l' Am. Sept. etc. p. 272; у Люкена Die Traditionen, стр. 126. Ebrard, Apologetik, 2-ter Th. 1875. §. 302, стр. 498; а въ рус. перев. II, стр. 535.

²⁾ Ebrard, Apolog. II, § 302. Стр. 498; а въ рус. перев. II, стр. 535.

³⁾ Тамъ-же стр. 497; а въ рус. перев. стр. 534.

⁴⁾ Lafiteau, Moeurs des Sauvages Ameriq. 1724. T. I. p. 93; Allgem. Geschichte der Länder и Völk. v. Amerika. I. c. S. 45. У Люкена Die Traditionen, стр. 127 — 129.

тому рѣшили, что одинъ изъ нихъ, называвшійся *Голуаго*, т. е., *волкомъ*, долженъ отправиться туда. Птицы понесли его на своихъ крыльяхъ и поставили на мѣсто. Тамъ, онъ поджидалъ подъ деревомъ, пока женщина, по своему обыкновенію, пришла къ находившемуся внизу колодцу почерпнуть воды. Когда она явилась, онъ вступилъ съ нею въ разговоръ и сдѣлалъ ей подарокъ изъ медвѣжьяго сала, которое она и съѣла. Такимъ образомъ, не смотря на пребываніе на небѣ, женщина была соблазнена. Владыка неба, разгнѣванный этимъ, изгналъ ее и низринулъ внизъ. Когда она упала внизъ, черепаха взяла ее на свою спину; рѣчная выдра и рыбы принесли илъ изъ глубины моря и сдѣлали изъ него малевкій островъ, который постепенно увеличивался и, наконецъ, принялъ видъ теперешней земли. Сначала у этой женщины было только два сына, изъ которыхъ одинъ, носившій разбойническое оружіе, умертвилъ другого, не имѣвшаго никакого вредоноснаго оружія. Послѣ этого она имѣла еще многихъ другихъ дѣтей, отъ которыхъ и происходятъ всѣ люди“. Въ этомъ преданіи многія черты положительно поражаютъ своимъ близкимъ сходствомъ съ библейскимъ повѣствованіемъ о грѣхопадении Евы и о первомъ братоубійствѣ.

По другому сказанію *Ирокезовъ* ¹⁾ люди созданы были изъ *онія* (камень, земля). Великій духъ вдохнулъ въ двѣ сдѣланныя изъ земли фигуры изъ своихъ устъ дыханіе и жизнь, и такимъ образомъ явились „первый человекъ и его подруга“. Но первый человекъ *Юскека* убилъ своего брата и чрезъ это сдѣлался единоличнымъ обладателемъ всего міра.

У *Мандановъ* (въ средней Америкѣ) довольно распространено слѣдующее преданіе ²⁾. „Первый человекъ *Нуманк-Махана* и злой духъ—*Орки-Гаддахъ* были противниками съ самаго начала. Послѣдній соблазнилъ прекрасную дѣву съѣсть часть его бока, имѣвшаго вкусъ буйволового мяса. Дѣва родила сына, умерщвленнаго первымъ человекомъ“.

По сказанію *Лениленатійцевъ* ³⁾, первый человекъ—*Нанабуиш* или *Нанабуишъ*, по повелѣнію великаго духа, создалъ

1) У Эбрарда Apolog. II, § 302 стр. 497; а въ рус. перев. стр. 534—535.

2) У Люкена Die Traditionen, стр. 129.

3) У Эбрарда Apolog. II, стр. 498; а въ рус. перев. стр. 535.

растения и животныхъ, но самъ возсталъ противъ бога за то, что богъ умертвилъ его брата.

Мексиканцы (тольтеки), подобно почти всѣмъ другимъ языческимъ народамъ, знаютъ ¹⁾ о существованіи четырехъ вѣковъ міра, хотя называютъ ихъ не по металламъ, какъ греки, но по основнымъ стихіямъ природы: водѣ, воздуху, землѣ и огню. Мѣстность рая они представляли себѣ въ видѣ высочайшей горы въ мірѣ, на которой покоятся облака и обитаетъ духъ воды—*Тлалокъ*, который и называется поэтому „владыкою рая“; онъ посылаетъ оттуда дожди и источники для оплодотворенія всей земли. Перваго человѣка перваго вѣка мексиканцы называютъ *Кветцалкоатль* („покрытая перьями змѣя“); онъ владычествовалъ въ *Тулъ* и *Холулъ*. Онъ былъ почитаемъ мексиканцами какъ богъ воздуха и въ сущности есть одно и то же лицо съ *Тлалокомъ*—владыкою рая и богомъ воды. Время *Кветцалкоатла* изображается какъ самое счастливое и беззаботное. Земля при немъ была такою плодородною, что человѣкъ едва могъ поднять колосъ съ земли, а длина колоса превосходила даже ростъ человѣка. Хлопокъ окрашивался самъ собою; множество птицъ, чудно поющихъ и украшенныхъ прелестными перьями, наполняли воздухъ; всѣ люди были богаты и пользовались всеобщимъ миромъ и счастьемъ. Но такъ какъ *Кветцалкоатль* жилъ въ столь великомъ счастьи, то завистливый *Тецкатлипока* (великій духъ) восхотѣлъ изгнать его изъ страны. Спустившись съ неба по свитой изъ паутины веревкѣ, *Тецкатлипока* явился дочери царя *Гуэмака*, *Ціоакоатлѣ* („жена змѣя“), въ видѣ молодого прекраснаго продавца перечной шелухи и соблазнилъ ее, послѣ чего произошло всеобщее растлѣніе нравовъ. *Кветцалкоатлу* онъ далъ напитокъ, который долженъ былъ будто бы даровать ему безсмертіе, но вмѣсто того вселилъ въ него только непреодолимое желаніе странствовать и искать отдаленной страны *Тлапаллана*. Такъ исчезъ *Кветцалкоатль*, а вмѣстѣ съ нимъ и его счастливый вѣкъ. Но прежде чѣмъ исчезнуть самому, *Кветцалкоатль* разрушилъ свой дворецъ, состоявшій изъ золота и серебра (райскій го-

¹⁾ У Люкена *Die Traditionen*, стр. 130; у Эббарда *Apolog.* II, § 296 стр. 452—453; а въ рус. перев. II, стр. 486—487.

родъ), превратилъ свои фруктовыя деревья въ сухіе кустарники, (терніе и волчцы) и заставилъ всѣхъ пѣвчихъ птицъ сопровождать его и воодушевлять его во время его путешествія. Впрочемъ, мексиканцы ожидаютъ, что нѣкогда Кведалкоатль возвратится снова, а вмѣстѣ съ нимъ возвратится и его счастливый вѣкъ.

Кромѣ того, у мексиканцевъ есть еще и другое сказаніе, представляющее для насъ не малый интересъ, какъ содержащее въ себѣ повѣствованіе о происхожденіи первой женщины. Вотъ оно ¹⁾. *Ксолотль*, первобытный великанъ и первый чело-вѣкъ, произошелъ отъ первыхъ супруговъ—*Ометеуктли* и *Омецигуатла*, жившихъ въ небесномъ раѣ, но въ началѣ теперешняго вѣка изгнанныхъ изъ него на землю. Онъ восхотѣлъ создать родъ чело-вѣческой и изъ кости чело-вѣка образовалъ мать чело-вѣческаго рода, которая была названа *Цигуакогуатль*, т. е., „женщина съ змѣею“, а также *Квилляли* и *Тонакацигуа*, т. е., „женщина отъ нашей плоти“. Она была матерью двухъ братьевъ—близнецовъ.—На одномъ мексиканскомъ гіероглифѣ она изображена разговаривающею съ змѣею; позади ея стоятъ близнецы—сыновья ея, на различный характеръ которыхъ указываетъ ихъ различный цвѣтъ, и одинъ изъ нихъ хочетъ убить другого.

Дикари, обитающіе въ *Гуатемалѣ* также хранятъ преданіе о грѣхопадении ²⁾. Хитростию злого духа, говорятъ они, первый родоначальникъ чело-вѣчества *Гун-гун-ану* былъ заманутъ въ пещеру и тамъ долженъ былъ умереть. Его голова, которую у него отрѣзали, была воткнута на колъ. Но вдругъ колъ этотъ началъ пускать побѣги и даже давать плоды, называемые теперь *шкаро* (*Crescentia*), въ которые превратилась голова *Гун-гун-ану*. Дѣвица *Кеквижъ* (т. е. первая мать), дочь одного могущественнаго князя *Кухумаквики*, захотѣла увидѣть этотъ плодъ. Она обратилась къ древу смерти и воскликнула: *Какіе прелестные плоды!* Не умру, если не сорву хотя одного изъ нихъ. И затѣмъ произошелъ разговоръ между дѣвучкою и

¹⁾ Lüken's Die Traditionen, стр. 131—132.

²⁾ Scherzer nach der Handschr. des C. Fr. Ximener. 1856 стр. 518; у Люкена Die Traditionen, стр. 133.

головою Гун-гун-апу, превратившеюся въ плодъ. Послѣ этого *дѣвица протянула свою руку къ плоду* и накапала на нее жизненный сокъ плода; отъ этого она зачала и стала матерью *двухъ сыновей—Гунапу и Кебаламкве* („тигра“ и „оленя“). Впослѣдствіи эти сыновья ея, выросши въ горахъ въ уединеніи, стали мстить своему отцу, князю подземнаго міра“.

По сказаніямъ дикихъ обитателей Южной Америки ¹⁾, причиною появленія и распространенія зла въ мірѣ также является именно *женщина*. Индѣйцы въ *Боготъ* представляютъ ее *женою перваго человека Бохики*, чрезвычайно красивою, но слишкомъ злою, противодѣйствовавшею своему мужу во всемъ, что только онъ предпринималъ онъ для счастья людей. За ея злость Бохика, наконецъ, прогналъ ее на весьма далекое разстояніе отъ земли, и тогда она стала луною, которая по ночамъ освѣщаетъ нашу землю.

Таманаки въ Гвіанѣ такъ объясняютъ причину, по которой люди стали смертными ²⁾. *Амалевака*, первый человекъ, создавшій міръ вмѣстѣ съ своимъ братомъ *Фокки*, нѣкогда жилъ среди таманаковъ и захотѣлъ такъ устроить рѣку Орекоко, чтобы по теченію ея всегда можно было плавать на кораблѣ и вверхъ и внизъ и чтобы такимъ образомъ гребцы никогда не чувствовали усталости. Проживъ съ таманаками нѣкоторое время, онъ оставилъ ихъ и поплылъ на кораблѣ въ Канатъ по другую сторону моря, откуда впрочемъ скоро возвратился снова. При своемъ вторичномъ отъѣздѣ онъ обратился къ таманакамъ и сказалъ имъ въ приточной формѣ: „вы будете по временамъ измѣнять кожу“. Подъ этими словами онъ разумѣлъ то,—говорятъ таманаки,—что наши предки не должны были умирать, но должны были постоянно обновляться юностію и мѣнять кожу, какъ сверчки и змѣи. Но одна старая *женщина*, услышавъ это, съ удивленіемъ сказала: „Охъ!“ этимъ она дала понять, что она не вѣритъ словамъ Амалеваки. Такое поведеніе женщины такъ сильно разсердило Амалеваку, что онъ сказалъ

¹⁾ Humboldt, Aus. der Cordill. Th. I, стр. 27; у Люкена Die Traditionen, стр. 134.

²⁾ Nachrichten von dem Lande Guiana, dem Orenokofluss und den dortigen Wilden. Hamb. 1785. стр. 431; у Люкена Die Traditionen, стр. 134.

ясными словами: „вы должны умирать“. Если бы та старуха повѣрила, прибавляютъ таманаки, то мы не умирали бы“.

Сказаніе другого племени, обитающаго въ голландской Гвіанѣ, — *Майнуровъ*, — гласитъ такъ ¹⁾: *Куруруманиъ*, создавшій людей, вскорѣ послѣ сотворенія ихъ, пришелъ въ міръ, но нашелъ людей настолько *злыми*, что они посягнули даже на его собственную жизнь; за это онъ отнялъ у нихъ безсмертіе и отдалъ ихъ животнымъ, мѣняющимъ кожу.

Дикіе обитатели *Боливіи* (Юрукарцы) рассказываютъ о происхожденіи зла въ мірѣ слѣдующее ²⁾. „Одна дѣва (первая мать) увидѣла въ лѣсу красивое дерево *Уле*, все покрытое цвѣтами. Она подкрасила его краскою *року*, и дерево превратилось въ мужа, который взялъ ее себѣ въ жену. Сначала они жили очень счастливо, пока *Уле* не былъ растерзанъ *ягуаромъ*. Жена его нашла, впрочемъ, растерзанные и разбросанные члены мужа, сложила ихъ вмѣстѣ и онъ ожилъ. Но такъ какъ одной части недоставало въ его лицѣ, то въ такомъ видѣ онъ уже самъ не хотѣлъ быть спутникомъ ея въ жизни, и бросилъ ее. Сынъ *Уле* назывался *Тири* и былъ властителемъ надъ всею природою. Но будучи совершенно одинокимъ и желая имѣть друга, онъ изъ ногтя своего пальца на ногъ создалъ перваго человѣка *Кару*, у котораго отъ птицы *Гокко* родился сынъ. Но вскорѣ сынъ этотъ умеръ, и былъ зарытъ въ землю. На его могилѣ выросъ кустъ *Мани* съ фисташковыми орѣхами. Тогда *Тири* сказалъ *Кару*: твой сынъ опять возвратится къ жизни; но ты не долженъ ѣсть плодовъ съ этого дерева. *Кару* однако-же, вопреки запрещенію *Тири*, съѣлъ одинъ фисташковый орѣхъ, выросшій на могилѣ его сына. Тогда *Тири* сказалъ ему: „Такъ какъ ты былъ непослушливъ и проглотилъ своего сына, то ты и всѣ люди должны быть смертными, должны претерпѣвать страданія и работать“.

У *Караибовъ* западно-европейскіе ученые отыскивали слѣдующее сказаніе ³⁾. „*Луоуо*, караибъ, былъ первымъ человѣкомъ“.

1) Aussätze zur Kunde ungebildeten Völker. 1789. стр. 151; у Люкена Die Traditionen, стр. 134. Эбрарда Apolog. II, § 283 стр. 379; рус. пер. II, стр. 407.

2) Lüken's Die Traditionen, стр. 135. Эбрарда Apolog. II, § 286; стр. 393; § 288. Стр. 408—409; а въ рус. пер. II, стр. 422. 438—439.

3) De la Borde, recueil de divers voyages. 1684., стр. 385; Mejer, Mythol.

Такъ какъ небо существовало отъ вѣчности, то онъ создалъ только землю и море. Въ началѣ земля была совершенно *мягкая, гладкая и безъ горъ*, пока не пришло солнце и не раскалило землю также сильно, какъ и тѣ прелестные сады на небѣ (рай), гдѣ еще находятся пышные луга и гдѣ есть *источники*, въ которыхъ вмѣсто воды течетъ *квирконъ* (караибскій напитокъ). Тамъ, въ этомъ раю, находятся и великолѣпные дома, въ которыхъ живутъ *хемеены* (боги) и куда также войдутъ и караибы послѣ своей смерти. Луогуо сошелъ съ неба на землю и долго жилъ тамъ. Изъ его пупка и его бедръ произошли люди. Однимъ изъ первыхъ созданныхъ имъ людей былъ *Ракумонъ*. Онъ, впрочемъ, скоро превратился въ *большую змью*, съ человѣческою головою, постоянно находившуюся на *Кабатъ*—чрезвычайно высокомъ и прямо распущенномъ деревѣ. Ракумонъ—змѣй самъ питался только плодами этого дерева—большими сливами или маленькими яблоками и предлагалъ ихъ всѣмъ *проходившимъ мимо*. Впослѣдствіи онъ превратился въ звѣзду. Караибы (первые люди) вначалѣ *жили очень долго, не подвергаясь болѣзнямъ*, и питались рыбами, которыя никогда не старѣли“.

Арауканцы вѣруютъ въ бытіе злого духа *Гуэнкубу*, котораго они почитаютъ какъ бога вражды, войны и смерти и отъ котораго произошло первоначальное зло, господствующее въ мірѣ.

Мунски смѣшиваютъ несомнѣнно слабое воспоминаніе о грѣхопадении прародительницы съ слабымъ воспоминаніемъ о потопѣ. По ихъ сказаніямъ, явившійся съ востока старикъ *Ботшика*, имѣвшій три головы, научилъ людей обрабатывать поля, дѣлать себѣ одежды и почитать боговъ. Но его красивая, хотя и злая, жена, по имени *Гунтака* или *Чиа*, разстроила всѣ его начинанія и сдѣлала то, что рѣка *Фунижа* наводнила всю страну, причинивъ людямъ страшныя бѣдствія ¹⁾.

Змѣя—демона знаютъ также и *Саливы*, обитающіе въ *Новой Гранады*. По ихъ сказаніямъ, этотъ змѣй нѣкогда уничтожалъ народы при *Оренокко*. Тогда сынъ Бога *Пуру* сошелъ съ неба

Taschenbuch 1813, стр. 6. У Люкена Die Traditionen, стр. 135. Эбрарда Apolog. II, § 281, стр. 369—370; а въ рус. перев. 396.

1) У Эбрарда Apolog. II, § 289, стр. 413—414; а въ рус. пер. II, стр. 444—445.

и побѣдилъ змѣя къ радости всѣхъ людей, а потомъ сказалъ ему: „иди въ адъ, проклятый; ты никогда не долженъ возвращаться въ мой домъ“. На одномъ гіероглифѣ, найденномъ въ Мексикѣ, изображенъ *Тецкатлипока* раздирающимъ на части змію ¹⁾).

Перуанцы, согласно своимъ преданіямъ, утверждаютъ, что „Кона, духъ безъ плоти и костей, создалъ сначала міръ, а потомъ человѣка, которому предоставилъ все роды пищи и удовольствій. Но человекъ оскорбилъ Кона и былъ наказанъ тѣмъ, что у него была отнята эта пища, а земля стала пустынею. Весь родъ человѣческій былъ превращенъ въ отвратительныхъ, черныхъ животныхъ, пока *Пахакамакъ*, сынъ Кона, не создалъ настоящаго поколѣнія людей ²⁾. По вѣрованію перуанцевъ, люди жили на землѣ первоначально нагими и не имѣли законовъ ³⁾. Кроме того, у перуанцевъ еще есть и другое сказаніе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что одинъ братъ изъ зависти подвергъ другого гибели и смерти и—именно въ то время, когда послѣдній „поклонялся высочайшему Богу“ ⁴⁾).

Европейскіе изслѣдователи ⁵⁾ нашли также преданіе о грѣхопадении прародителей (въ искаженномъ, конечно, видѣ) и у *бразильскихъ индѣйцевъ*. Эти дикари рассказываютъ, что *мисса*, какъ злой духъ, повергла ихъ въ немилость у ихъ бога—великой сѣверной звѣзды,—что вначалѣ они жили счастливо и покойно, не имѣли даже нужды заботиться о пищѣ, а теперь вслѣдствіе той немилости бога они должны вести жить, полную труда и заботъ.

Даже у дикарей, обитающихъ на островахъ Тихаго океана и считающихся самыми грубыми и неразвитыми, встрѣчается очень много сказаній о первоначальномъ райскомъ блаженствѣ прародителей и ихъ грѣхопадении, какъ источникѣ зла, охватившаго весь міръ. Жители *Тонги*, напр., знаютъ о существо-

¹⁾ Humboldt Aus. der Cord. 2. стр. 41. У Люкена Die Traditionen, стр. 136.

²⁾ Lüken's Die Traditionen, стр. 136.

³⁾ У Эббарда Apolog. II, § 287, стр. 403; а въ рус. перев. II, стр. 433.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Barläus, Brasilianische Geschichte 1619., стр. 711; у Люкена Die Traditionen, стр. 137.

ваніи рая, который они называютъ островомъ блаженныхъ—*Болотугъ*. По ихъ вѣрованію, рай находился на самомъ морѣ и оттуда произошли всѣ люди, которые первоначально жили тамъ, какъ слуги боговъ. Онъ былъ полонъ прекрасныхъ *деревьевъ съ безсмертными плодами*, которые, если были срываемы, тотъ-часъ замѣнялись новыми. Никто изъ смертныхъ не могъ войти въ него. Только однажды какъ-то нѣкоторые случайно зашли въ него. Но что-же случилось? Увидѣвъ прекрасные плоды, они хотѣли сорвать ихъ, но—вмѣсто плодовъ хватали только одну тѣнь; а вышедши изъ рая, они тотъ-часъ умерли. Въ частности о грѣхопадении прародителей эти дикари рассказываютъ слѣдующее: „Земля, т. е., Тонга крючьями Тонгалоа была вытащена изъ моря. Въ одно мгновеніе она покрылась травой и цвѣтами, такъ что ею любовались даже боги. Въ то время младшіе боги стремились освободиться отъ опеки старшихъ въ раю (*Болотугъ*) и прибыли на землю. Они въ изобиліи вдыхали въ себя благовонный воздухъ земли, и *ѣли вкусные плоды*. Однако *тѣ, которые ѣли плоды, теряли свою божественность, становились смертными и лишились радостей рая*. Великъ былъ ужасъ боговъ въ *Болотугъ* отъ этого, почему и сдѣлано было *запрещеніе*—оставлять небо и *ѣсть плоды*. Но дочь слѣпого бога Лангуи, *первая женщина, Фиттимо-Полоа*, соблазнилась, прибыла на землю. Между смертными тогда произошла страшная битва изъ-за прелестной богини, пока Лангуи не раздѣлилъ сражавшихся громовою стрѣлою. Дочь же свою Лангуи немилосердно преслѣдовалъ и въ послѣдствіи превратилъ ее въ *ящерицу*.

Подобныхъ сказаній, распространенныхъ между дикарями, живущими на островахъ Тихаго океана, можно привести множество; но всѣ они довольно однообразны по своему содержанию и отличаются другъ отъ друга только весьма незначительными вариантами. Остановимъ поэтому свое вниманіе еще лишь на томъ, что рассказываютъ жители одного изъ *Каролинскихъ* острововъ *Алеи*. „Сестра *Эмулана*, т. е., бога или перваго человѣка, называвшаяся *Либундъ*, вмѣстѣ съ тремя своими дѣтьми снизошла на землю. Къ ея удивленію, земля была безплодна и суха; но, по ея могучему слову, поверхность

земли мгновенно была покрыта травами, цвѣтами и различными фруктовыми деревьями. Вскорѣ Лигобундъ населила землю также и разумными существами—людьми. Люди тогда еще не знали никакихъ страданій и *не умирали*; но вмѣсто того, чтобы умирать, въ концѣ каждаго мѣсяца впадали въ краткій сонъ и снова просыпались при первомъ появленіи луны на горизонтѣ, какъ бы пробуждаясь отъ пріятнѣйшаго дреманія. *Эрилересъ, злой духъ, позавидовалъ однако-же такому блаженству людей и ввелъ среди нихъ родъ смерти, противъ которой нѣтъ никакого средства.* Съ того времени кто умираетъ, тотъ умираетъ навсегда“.

Жители Фидчевыхъ острововъ такъ объясняютъ себѣ происхожденіе зла или—точнѣе—смерти. „Когда первый человѣкъ умеръ и былъ погребенъ своими дѣтьми, къ нимъ пришелъ богъ и приказалъ имъ отрыть могилу. *По невѣрью они отказались исполнить это повелѣніе бога,* хотя богъ обѣщалъ имъ снова оживить трупъ ихъ умершаго отца. Тогда богъ сказалъ: „Этимъ вы запечатали свою собственную судьбу. Но если бы вы послушались меня, то, когда бы вы оставляли этотъ міръ, вы были бы только зарываемы въ землю, какъ зарываютъ райскую смоковницу (обыкновенное дерево), не для того, чтобы вы гнили въ ней, а для того, чтобы вы созрѣвали. Теперь же, въ наказаніе за ваше непослушаніе, вы будете умирать и гнить“.

Жители Сандвичевыхъ острововъ думаютъ, что рай находился на островѣ *Таити* ¹⁾, и рассматриваютъ, что тамъ именно пребывалъ *Когоаріи*, создавшій солнце, и что тамъ все было въ изобиліи и даже въ излишествѣ. Въ раю протекалъ, между прочимъ, источникъ *Вай Ора Роа* („вода продолжающей жизни“), который все дѣлалъ юнымъ и уничтожалъ старость. Въ частности о грѣхопадении людей они знаютъ слѣдующее: „*Этуа Роно*, всемогущій богъ, жилъ сначала на Сандвичевыхъ островахъ и при немъ былъ золотой вѣкъ. Но блаженство обитателей этихъ острововъ было непродолжительно и скоро было утрачено. Именно,—Роно *разиньвался* на свою *супругу* за ея невѣрность. Онъ низринулъ ее со скалы, хотя впоследствии

¹⁾ Ellis, Reise nach Owaïi, Hamb. 1827, стр. 220. 243. У Люкена Die Traditionen, стр. 139. Эбрадъ, Apolog. II, § 270 стр. 300; а въ рус. перев. II, стр. 321.

пожалѣлъ объ этомъ и потому самъ рѣшилъ оставить Сандвичевы острова. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаль нѣкогда снова возвратиться на пловучемъ островѣ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, чего только можетъ желать человѣкъ, и отбѣхалъ на кораблѣ въ отдаленную страну. Послѣ его исчезновенія прекратилось блаженство золотого вѣка; явились войны и человѣческія жертвы“.

На одномъ изъ Сандвичевыхъ острововъ, *Овагу*, въ помещеніи, служившемъ храмомъ, *Коцебу* нашелъ женскую и мужескую статуи, изъ которыхъ первая, оборотясь къ послѣдней, срываетъ плодъ съ дерева, находящагося между ними и увѣшаннаго бананами, а мужчина только простираетъ руку къ плоду. Что это изображеніе указываетъ на Адама и Еву,—съ этимъ согласенъ и *Гумбольдтъ* ¹⁾.

Изъ народовъ Азіи *буряты*, обитающіе у Байкальскаго озера, хранятъ многія преданія, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее ²⁾. „Земля была необитаема и пуста, наполнена безцвѣтными водами, надъ которыми летали птицы. По повелѣнію бога—*Бурхана*, явилась водяная птица *Анлута*, которая, опустившись на дно моря, своимъ клювомъ достала маленькій кусочекъ *красной* земли, выбросила ее на поверхность воды, образовала пѣну, а потомъ—и твердую землю. Далѣе слово бога повелѣло, чтобы созданы были животныя. Прежде всего явилась собака, кожа которой была однакоже тогда гладкою и безъ шерсти. Затѣмъ богъ создалъ людей, сначала, впрочемъ, безъ души, но за то тѣло ихъ было чрезвычайно красиво и свободно отъ всякихъ болѣзней. Когда богъ восходилъ на небо, чтобы принести душу, охрану тѣла онъ поручилъ собакамъ и повелѣлъ ей внимательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто не приближался къ его любимому творенію. Но отъ вѣчности существовалъ еще злой духъ—врагъ бога—*Эрмонъ* или *Албигу*. Онъ воспылялъ страстію—увидѣть то тѣло, которое было столь красиво и безболѣзненно. Поэтому въ отсутствіе бога онъ приползъ къ нему и убѣждалъ собаку позволить ему хотя прикоснуться къ тѣлу человѣка и немного погладить его рукою. Но собака оставалась вѣрнымъ

¹⁾ Срв. Эббарда *Apologetik*, II, § 272, стр. 313; а въ рус. перев. II, стр. 336.

²⁾ У Люкена *Die Traditionen*, стр. 100.

стражемъ и не позволила себя обмануть. Не достигнувъ такимъ путемъ своей цѣли, злой духъ, полный гнѣва и досады, возвратился на сѣверъ и повелѣлъ оттуда подуть такому холодному вѣтру, что отъ его холода собака свернулась въ комокъ. Этимъ моментомъ воспользовался злой духъ, подпрыгнувъ и плюнулъ на человѣческое тѣло. Возвратившись, богъ нашель свое созданіе оскверненнымъ и не захотѣлъ тогда же восстановить его прежней красоты. Правда, онъ все таки повелѣлъ небесной душѣ войти въ него, но зерно для болѣзней и смерти уже было имъ воспринято, и съ тѣхъ поръ осталось у человѣка навсегда. Собака также потеряла свою прежнюю красоту и съ тѣхъ поръ стала покрытою грубою и косматою шерстью“.

Вогулы также вѣрують, что вначалѣ люди были безсмертными, но что впослѣдствіи болѣзни и смерть явились какъ наказаніе Божіе.

Колы, обитающіе въ передней Индіи, признають бытіе единого, личнаго, невидимаго Бога, какъ Творца міра, и называютъ Его *Зинг-бонгою* (свѣтлѣйшимъ солнца, богомъ лучезарнымъ). *Женщину* они считаютъ виновницею всякаго зла и указываютъ на нее, какъ на орудіе злыхъ духовъ. По ихъ сказаніямъ, Зинг-бонга сотворилъ тѣло человѣка въ видѣ *дитяти*; но пришла лошадь и хотѣла опрокинуть его. Тогда Зинг-бонга создалъ еще собаку, чтобы она охраняла человѣка и не допускала къ нему лошади. Послѣ этого уже богъ далъ человѣческому тѣлу жизнь и затѣмъ создалъ еще *дѣвочку*. —Что, по сказанію *коловъ*, Богъ создалъ первыхъ людей въ видѣ *мальчика и дѣвочки*,—въ этомъ, очевидно, нельзя не видѣть указанія на первобытное невинное состояніе прародителей. Какъ произошло грѣхопаденіе людей, *колы*, повидимому, не знаютъ; но они все таки утверждаютъ слѣдующее: „Зинг-бонга сказалъ человѣку: „ты будешь пастъ, утирая потъ, текущій съ головы, работая, воздѣлывая землю плугомъ и вскапывая ее“. Кромѣ того *колы* говорятъ: мужчины съ самаго начала подверглись тяжелому труду, а женщины болѣзнямъ рожденія“¹⁾.

1) Срв. Эбрарда *Apologetik*, II, § 274 стр. 324; а въ рус. перев. II, стр. 347.

У славянъ мифическая космологія никогда не была особенно развита. Христіанство скоро и безвозвратно уничтожило у нихъ многія языческія вѣрованія; отъ другихъ же остались только безцвѣтные и отрывочные слѣды. Тѣмъ не менѣе въ такъ называемыхъ *былинахъ* еще можно видѣть древне-славянское вѣрованіе, что бѣдствія людей (преимущественно-же смерть) причинило какое-то страшное чудовище, являющееся чаще всего во образѣ змѣя (Змѣй-Горынычъ).

И такъ, мы представили вниманію своихъ читателей съ достаточною подробностію всѣ преданія какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ о первоначальномъ блаженствѣ прародителей въ раю и объ ихъ грѣхопадении, которое всѣми народами согласно признается причиною съ одной стороны утраты этого блаженства, а съ другой—появленія зла, господствующаго въ мірѣ. Эти преданія мы изложили по спеціальному труду *Люкена*, а также *Эбрарда*, *Зенна*, *Рождественскаго* и др. ученыхъ, заслуживающихъ полного довѣрія и съ надлежащею критикою отнесшихся къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ они заимствовали свои свѣдѣнія объ этихъ преданіяхъ. Кромѣ того, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы указали и другіе источники, по которымъ скептики имѣютъ полную возможность провѣрить приведенныя нами сказанія народовъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, какъ фактъ, что никто изъ самыхъ крайнихъ раціоналистовъ, даже тѣхъ, которые съ непонятнымъ легкомысліемъ превращаютъ въ пустой мифъ всю исторію Божественнаго Откровенія, никто изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ супранатурализма никогда не высказывалъ до сихъ поръ сомнѣнія относительно подлинности и фактическаго существованія сообщенныхъ нами народныхъ преданій; никто еще не дерзалъ утверждать, что эти преданія измышлены тѣми или другими историками, хранителями народныхъ преданій (напр. *Гезіодомъ*, *Платономъ*, *Плутархомъ*, *Виргиліемъ*, *Страбономъ*), путешественниками, миссіонерами, или—что они взяты не у тѣхъ народовъ, которымъ они приписываются. Съ другой стороны, съ полнымъ довѣріемъ къ дѣйствительному существованію этихъ преданій у различныхъ народовъ относятся и всѣ ученые филологи и мифологи, какъ напр., *Гумбольдтъ*, *Макс*

Мюллеръ, Гриммъ, Фишеръ, Ляссенъ, Штигелъ, Штифбельгагенъ, Зимрокъ, Гудшонъ, Преллеръ, Дункеръ, Тэйлоръ, Арнимъ и мн. др., не мало посвятившіе вниманія и труда на изученіе этихъ народныхъ преданій. Поэтому и мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ фактическому существованію приведенныхъ нами вѣрованій и преданій у различныхъ народовъ, ибо мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что эти преданія сообщены учеными изслѣдователями со всею безукоризненною добросовѣстностію.

Кромѣ того, всѣ согласны,—даже и раціоналисты всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и направленій,—что эти преданія народовъ, отличаясь между собою въ частностяхъ, въ сущности имѣютъ своимъ содержаніемъ одинъ и тотъ же предметъ—блаженство прародителей въ раю и его утрату чрезъ грѣхопаденіе.

Наконецъ, всѣ изслѣдователи, какъ раціоналисты, такъ и не-раціоналисты, совершенно согласны между собою въ томъ, что въ приведенныхъ нами народныхъ преданіяхъ повторяются тѣ именно черты, на которыя указываетъ Божественное первооткровеніе, какъ, напр., а) въ описаніи рая и райскаго блаженства: чудный садъ, древо жизни, древо съ необычайными, смертоносными для людей плодами, рѣка и источники, пребываніе Самаго Бога или боговъ въ раю, бессмертіе людей, отсутствіе скорби, болѣзней, грѣха, трудовъ и непріятностей; б) въ описаніи грѣхопаденія: женщина, какъ главная виновница грѣхопаденія, ея любознательность и высокомѣріе, божественная заповѣдь или повелѣніе, яблоко или другой какой-либо плодъ, змѣй или какое-либо чудовище, разговоръ жены съ змѣемъ, проклятіе, изгнаніе изъ рая и тяжкія послѣдствія грѣхопаденія: труды, болѣзни, скорби, смерть, терніе и волчцы вмѣсто изобилія и плодородія земли.

Къ сожалѣнію, согласіе между учеными различнаго направленія исчезаетъ тотъ-часъ-же, какъ только имъ предстоитъ рѣшить вопросъ относительно смысла и значенія этихъ народныхъ преданій, а равно и источника, изъ котораго они происходятъ. А между тѣмъ, казалось бы, нѣтъ ничего проще, какъ опредѣлить внутренній смыслъ и значеніе этихъ сказаній, въ которыхъ такъ просто и безхитростно излагается всеобщее

и всегдашнее вѣрованіе народовъ въ существованіе первоначальнаго райскаго блаженства прародителей и его утрату чрезъ грѣхопаденіе, состоявшее въ возстаніи противъ Бога, неповиновеніи Его волѣ, нарушеніи или неисполненіи данной имъ заповѣди.

Уже Цицеронъ ¹⁾, указывая на фактъ существованія вѣры въ бытіе Божіе у всѣхъ народовъ, выставляетъ какъ положеніе, что „то, въ чемъ согласна природа всѣхъ, необходимо истинно“, т. е., необходимо признавать истиннымъ то, въ чемъ согласны всѣ люди; несомнѣнность факта вполне устанавливается свидѣтельскими показаніями нѣсколькихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Это положеніе хотя и можетъ вызывать противъ себя возраженія со стороны чисто философскаго отвлеченнаго (теоретическаго) мышленія, но само въ себѣ оно, безъ сомнѣнія, истинно. Пусть доказываютъ философы, что и *все* люди, взятые вмѣстѣ, какъ человѣчество, могутъ ошибаться и заблуждаться даже тогда, когда они высказываютъ вполне согласное сужденіе объ одномъ и томъ же предметѣ, доступномъ воспріятію нашихъ чувственныхъ органовъ. Пусть они, по обычаю, ссылаются на извѣстный историческій фактъ *мнѣнія* всего человѣчества относительно того, что земля стоитъ неподвижно, а солнце движется непрерывно вокругъ нея. Пусть говорятъ они объ обманчивости нашихъ органовъ чувственнаго воспріятія и т. д. Но здравый человѣческій разумъ, непосредственное наше убѣжденіе и разумное сознаніе человѣчества представляютъ намъ также не менѣе важныя доказательства и въ свою пользу. И мы не можемъ согласиться съ тѣмъ безотраднымъ приговоромъ теоретиковъ, по которому все человѣчество будто-бы осуждено на то, чтобы вѣчно вращаться только въ безконечномъ заблужденіи, никогда не выходя изъ границъ лжи, обмана и погрѣшностей. Заблужденіе есть зло, а потому оно можетъ быть явленіемъ случайнымъ, а не всеобщимъ и необходимымъ, для всѣхъ и всегда одинаковымъ. Въ противномъ случаѣ для человѣка не оставалось бы ничего, кромѣ безпомощнаго отчаянія и мрачнаго скепти-

¹⁾ De nat. deorum кн. I гл. 17.

цизма. Какъ ни уважаемъ мы великіе умы философовъ элеатовъ, Спинозы, Беркеле, Фихте, Шопенгауэра и др., но мы не можемъ признавать окружающаго насъ міра только покровомъ Майи, пустымъ призракомъ, обманомъ чувствъ, произведеніемъ нашей фантазіи, бытіемъ кажущимся неистиннымъ и т. п. Въ самомъ бытіи внѣшняго міра мы однако-же убѣждаемся только потому, что вѣримъ нашимъ чувствамъ и непосредственному сознанию всего человѣчества. Цицеронъ высказалъ свое положеніе, желая доказать, что потребность вѣры въ бытіе Божіе врождена самой природѣ человѣческой. Преданія народовъ, приведенныя нами, имѣютъ не менѣе важное значеніе, какъ доказательства дѣйствительнаго существованія тѣхъ событій, о которыхъ они рассказываютъ. Они суть, такъ сказать, *свидѣтельскія показанія* о совершившемся фактѣ. Правда, мы знаемъ о нихъ, мы слышимъ эти свидѣтельскія показанія не отъ самыхъ очевидцевъ данныхъ событій. Но ихъ *полное согласіе* между собою относительно существенныхъ чертъ передаваемыхъ событій даже въ частностяхъ служить для насъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что они первоначально вышли непосредственно отъ тѣхъ лицъ, которыя были свидѣтелями—очевидцами самыхъ событій. Замѣчательно, что самые народы, которымъ принадлежатъ эти преданія, обыкновенно ссылаются на *первопреданіе* и свои вѣрованія прямо относятъ или къ первымъ людямъ, которыхъ они почитаютъ уже за высшія существа, или же къ Самому Богу. Конечно, послѣдняго, т. е., признанія бытія Бога, какъ высчайшаго Существа,—мы не можемъ допустить вполнѣ. „Но что не вполнѣ истинно,—не безъ основанія говоритъ Люкенъ ¹⁾), —то можетъ быть истинно хотя отчасти. Это согласное указаніе столь многихъ народовъ (на источникъ ихъ преданій) и нельзя понимать иначе, какъ признавъ, что дѣйствительно позднѣйшей системѣ мѣровъ предшествовало традиціональное основаніе, на которое и могло опираться то указаніе. Такъ какъ духовная жизнь народовъ одичала и у людей, поврежденныхъ грѣхопадениемъ, получила перевѣсъ грубая жизнь при-

---

¹⁾ Die Traditionen, стр. 10.

роды, то вокругъ засыхающаго ствола первопреданія и выросъ миѡъ, подобно тѣмъ дикимъ „терніямъ и волчцамъ“; которые, какъ дѣйствіе проклятія, сама собою произвела почва человѣческаго сердца, оставленная попечительною рукою Бога“.

Ни одинъ языческій народъ не хранитъ преданія, *которое отвергло бы преданія всѣхъ другихъ народовъ* о первоначальномъ блаженствѣ прародителей и о послѣдующей утратѣ его чрезъ грѣхопаденіе. Ни одинъ народъ не вѣруетъ, чтобы вначалѣ люди были подвержены страданіямъ, скорбямъ, болѣзнямъ, смерти, а потомъ стали блаженствовать и наслаждаться счастіемъ. Слѣдовательно, приведенныя нами преданія народовъ суть *единогласное* свидѣтельское показаніе *всего* человѣчества, и потому даетъ намъ право на слѣдующее заключеніе: 1) что вначалѣ люди жили въ раю и блаженствовали, но потомъ, оскорбивъ Бога нарушеніемъ Его заповѣди, они стали въ противорѣчіе какъ съ собственною природою, такъ и съ Божественнымъ планомъ мірозданія, и потому не только утратили свое первоначальное блаженство, но и были наказаны Богомъ, чѣмъ и объясняется появленіе и распространеніе зла въ мірѣ; 2) что сами прародители сообщили своимъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и т. д. какъ о своемъ первоначальномъ блаженствѣ, такъ и о своемъ паденіи, и такимъ путемъ преданіе объ этомъ переходило изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока не дошло до тѣхъ народовъ, отъ которыхъ оно стало извѣстно уже и намъ. Что къ этому первоначально совершенно истинному преданію, по временамъ, примѣшивались грубыя и чувственныя представленія позднѣйшихъ поколѣній, это совершенно понятно, и этимъ вполне объясняются тѣ варіаціи, которыя мы встрѣчаемъ въ народныхъ преданіяхъ, при полномъ согласіи относительно существенныхъ чертъ передаваемыхъ событій. Когда опытный реставраторъ снимаетъ грубыя позднѣйшія наслоенія, произведенныя не искусною рукою на стѣнахъ величественнаго древняго храма и открываетъ предъ нашимъ взоромъ древнюю мозаику и фрески, мы восхищаемся цѣльностью произведенія и благородствомъ эстетическаго вкуса первыхъ строителей этого храма.—и только сожалѣемъ о тѣхъ жалкихъ невѣждахъ, которые своею грубою кистью впослед-

ствіи испортили первоначальную красоту созданій искусства. Нѣчто подобное нужно сказать и объ язычествѣ. Снимите всѣ грубыя и чувственныя наслоенія чисто языческаго происхожденія на приведенныхъ нами народныхъ вѣрованійхъ и преданійхъ и вы увидите ту величественную истину, которую искажилъ помраченный грѣхомъ человѣческой разумъ, по которой находится въ полномъ согласіи съ истинами самаго Божественнаго Откровенія. Само собою понятно, что приведенныя нами преданія народовъ могли идти только самостоятельнымъ путемъ, безъ всякой генетической связи съ библейскимъ повѣствованіемъ о райскомъ блаженствѣ и грѣхопадении прародителей. Библейское повѣствованіе имѣло своимъ источникомъ сверхъестественное откровеніе, данное непосредственно Моисею; преданія народовъ предполагаютъ для себя естественный источникъ—въ разсказахъ самихъ прародителей.

Такъ именно и смотрятъ на приведенныя нами преданія народовъ ученые изслѣдователи, не ослѣпленные предубѣжденіемъ и ложными школьно-философскими тенденціями. Нашъ, такъ рано, къ сожалѣнію, умершій ученый апологетъ *Н. П. Рождественскій*, на основаніи взаимнаго согласія народныхъ преданій, вынужденъ былъ придти къ заключенію, „что всѣ они имѣютъ для себя объективный первоначальный источникъ, что въ нихъ воспроизводится, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ одинаково точно, первоначальное истинное преданіе о первобытномъ состояніи, которое въ чистомъ его видѣ сохранено въ Библии“ ¹⁾. Къ тому же результату пришли Зейпъ, Эбрардъ и Люкенъ, пятнадцать лѣтъ употребившій на непрерывное и неустанное изученіе преданій языческихъ народовъ, находящихся въ согласіи съ Божественнымъ Откровеніемъ ²⁾.

Совершенно иной взглядъ на преданія языческихъ народовъ о первоначальномъ блаженствѣ прародителей и объ ут-

¹⁾ Христ. Апол. II, стр. 285.

²⁾ Собранныя имъ языческія преданія относятся къ вѣрѣ во единого Бога, творенію міра, сотворенію человѣка, къ раю, блаженству и грѣхопадению первыхъ, людей, къ допотопнымъ патріархамъ,—Канну, Авелю, Сифу, Еноху, къ потоку Снгу, Хаму, Іафету, къ вавилонской башнѣ, смѣшенію языковъ, разсѣянію народовъ, къ ожиданію Искупителя, къ ученію о концѣ міра, безсмертіи, небѣ, адѣ, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи, къ ученію о духахъ и ангелахъ.

ратъ его чрезъ грѣхопаденіе высказываютъ рационалисты, какъ вообще и всѣ тѣ мыслители, которые не могутъ примирить своего міровоззрѣнія съ ученіемъ Божественнаго Откровенія. Они признаютъ подлинность языческихъ преданій, но совершенно отвергаютъ объективное значеніе тѣхъ событій или фактовъ, которые составляютъ содержаніе этихъ преданій. Что у языческихъ народовъ существовали и существуютъ рассказы о первобытномъ блаженномъ состояніи ихъ родоначальниковъ и объ утратѣ его чрезъ грѣхопаденіе, въ этомъ рационалисты нисколько не сомнѣваются; но они безусловно отрицаютъ, что въ дѣйствительности первые люди блаженствовали въ раю и что они потеряли это блаженство чрезъ нарушеніе божественной заповѣди. Какимъ же образомъ нужно, по ихъ мнѣнію, объяснить существованіе самыхъ преданій у языческихъ народовъ? Что нужно думать объ ихъ происхожденіи?

По мнѣнію рационалистовъ, преданія народовъ о раѣ и его потерѣ суть дѣло пустой фантазіи. Горестное положеніе человѣчества въ настоящее время, скорби, болѣзни, потеря друзей и родныхъ, неудачи въ жизни, вражда, гнѣвъ, клевета, несправедливость,—вотъ что будто бы заставило *всѣхъ* людей создать въ своемъ воображеніи рай въ прошедшемъ, перенести на него всѣ свои чаянія и надежды, озолотить, такъ сказать, начало человѣческой жизни, и въ этой отрадной картинѣ *прошлое* искать для себя утѣшенія въ скорбяхъ *настоящаго*. Такимъ же путемъ произошло будто бы и самое библейское повѣствованіе. Что же касается грѣхопаденія прародителей, то рассказъ о немъ, по мнѣнію тѣхъ же рационалистовъ, измышленъ просто для объясненія зла, господствующаго въ мірѣ въ настоящее время, почему фантазією народовъ онъ и поставленъ въ связь съ рассказомъ о райскомъ блаженствѣ.

Что сказать объ этомъ рационалистическомъ объясненіи и столь отважномъ рѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ?

Нужно слишкомъ легкомысленно относиться къ рѣшенію вопросовъ народной психологіи, чтобы хотя на нѣкоторое время удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ такого универсальнаго и общечеловѣческаго факта, какъ вѣрованія народовъ, содержащіяся въ преданіяхъ о раѣ и грѣхопаденіи. Когда пес-

симисты на основаніи указанныхъ предположеній хотятъ объяснить происхожденіе народныхъ вѣрованій въ рай *будущій*, въ вѣчное блаженство, въ безсмертіе души и загробную жизнь, когда къ тому же приходитъ Фейербахъ, исходя отъ мнимыхъ требованій человѣческаго эгоизма,—въ этихъ гипотезахъ больше смысла, чѣмъ въ предположеніяхъ о раѣ *прошедшемъ*. И если бы въ возрѣніяхъ всѣхъ народовъ не соединилось вмѣстѣ съ представленіемъ о будущемъ раѣ также представленіе о будущемъ *адѣ, тартарѣ, вѣчныхъ мученіяхъ* и т. п., то въ гипотезахъ пессимистовъ и Фейербаха о происхожденіи вѣрованія въ рай будущій христіанскіе апологеты, очевидно, встрѣтили бы для себя не малое затрудненіе. Но какое разумное основаніе могло бы имѣть даже и страждущее нынѣ человѣчество для измышленія никогда небывалаго райскаго блаженства? Допустимъ, что мы находимся сейчасъ въ крайне бѣдственномъ и тяжеломъ положеніи; какую намъ пользу принесетъ или какое облегченіе мы получимъ, если мы станемъ выдумывать, будто бы мы когда-то были счастливы, если такого счастья никогда въ дѣйствительности не было? Легче ли намъ станетъ отъ этого? Людямъ свойственно возлагать свои надежды и ожиданія всегда только на будущее. „Тяжело теперь; но, Богъ дастъ, *будетъ* лучше!“ И всѣ люди всегда въ будущемъ ищутъ своего счастья!—Иное дѣло, если признать,—какъ оно въ дѣйствительности и было,—что люди вначалѣ своей жизни пользовались блаженствомъ и наслаждались счастіемъ, а потомъ, по своей собственной винѣ, потеряли это блаженство. Тогда понятно, что тяжелое *настоящее* каждый разъ невольно *должно* вызывать у нихъ скорби, сожалѣніе, раскаяніе, воздыханія и безпрестанныя воспоминанія объ утраченномъ прошедшемъ, о первобытномъ блаженствѣ, о потерянномъ раѣ. И не пустою, неразумною фантазіею, а этою *постоянною* скорбію объ утраченномъ блаженствѣ нужно объяснить себѣ то обстоятельство, что *всѣ языческіе* народы съ удивительною вѣрностію *хранятъ* (а не измышляютъ) свои преданія о раѣ и грѣхопаденіи и свои воспоминанія о томъ, откуда они вышли и за что они страдаютъ отъ господствующаго въ мірѣ зла. Эти преданія и воспоминанія суть для нихъ то драгоценное

наслѣдство, которое имъ досталось отъ самихъ прародителей и передается однимъ поколѣніемъ другому.

Преданія языческихъ народовъ о первоначальномъ райскомъ блаженствѣ и грѣхопадєніи прародителей, говорятъ раціоналисты, измышлены пустою и праздною фантазією. Но какъ же объяснить еще и то обстоятельство, что *всѣ* народы, какъ ни различны они по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, условіямъ внѣшней жизни, развитію, духовному просвѣщенію, по своему географическому положенію, климату, культурѣ и т. п., *вполнѣ согласны* между собою въ передачѣ существенныхъ чертъ этихъ событій? Раціоналисты хотятъ объяснить это согласіе народныхъ преданій о райскомъ блаженствѣ и грѣхопадєніи прародителей „согласнымъ ходомъ идей и одинаковымъ путемъ развитія религіознаго сознанія“. Но кто можетъ согласиться съ подобнымъ объясненіемъ? Кто можетъ допустить, чтобы „согласный ходъ идей“ или „одинаковый путь развитія религіознаго сознанія“ привели *всѣхъ* людей и *все* человѣчество именно къ мысли о томъ, что женщина была главною виновницею грѣхопадєнія, что въ раю было четыре источника, что господствующее въ мірѣ зло находится въ связи съ какимъ-то яблокомъ, что грѣхопадєніе человѣка связано именно съ существованіемъ змѣя и т. д., и т. д. Очевидно, все это—такія частности и притомъ—имѣющія такой случайный характеръ, что къ нимъ никогда не приведетъ *необходимо* никакой „ходъ идей“, никакой „путь развитія религіознаго сознанія“; объяснить же такое поразительное совпаденіе случайныхъ частныхъ въ сказаніяхъ самыхъ различныхъ и многочисленныхъ народовъ одною простою случайностію было бы и ненаучно и неразумно. „Нельзя допустить, говоритъ Н. П. Рождественскій ¹⁾, чтобы подъ вліяніемъ одного общаго мотива—недовольства настоящимъ—фантазія разныхъ народовъ повсюду создавала одни и тѣ-же образы, однѣ и тѣ-же, иногда до поразительности сходныя, картины первобытнаго времени. Хотя фантазія безспорно есть общечеловѣческая способность, однако-же не лишено справедливости

1) Христ. Аполог. II, стр. 284.

и то, что у каждаго человѣка, а также и у каждаго народа, своя фантазія. Если бы преданія о раѣ были самостоятельными и независимыми другъ отъ друга продуктами фантазій разныхъ отдѣльныхъ народовъ, въ такомъ случаѣ эти преданія, кромѣ самаго общаго сходства, въ подробностяхъ и частности не представляли бы или ничего сходнаго друга съ другомъ, или весьма немного. Въ преданіяхъ разныхъ народовъ о первобытномъ состояніи конечно есть нѣкоторыя не—незначительныя различія въ частности, но разности эти представляютъ не болѣе, какъ только варіаціи на одну и ту же тему“. Прекрасное разсужденіе по этому же поводу предлагаетъ и Эббардъ. „Со времени раціонализма,—говоритъ онъ ¹⁾, стало модою изъ сопоставленія языческихъ сказаній съ повѣствованіемъ книги Бытія выводить заключеніе: „языческіе народы имѣли совершенно подобныя же сказанія; слѣдовательно, и повѣствуемое въ книгѣ Бытія, также должно быть только такого же рода сказаніемъ“. Но здѣсь долженъ возникнуть вопросъ: какъ это случилось и какъ могло быть, что столь *различные* народы *разнаго* происхожденія и *отдѣленные* другъ отъ друга по мѣсту жительства, каковы: Индійцы, Бактріане, Мидо-персы и Израильтяне, въ такое время, когда *никакимъ образомъ* не могло быть никакой соприкосновенности между ними, каждый умѣлъ рассказать о *своихъ* предкахъ одни и *тѣ же* событія (и притомъ, по мѣстамъ, съ мелкими подробностями)? Это можно объяснить только въ томъ случаѣ, если допустить, что у всѣхъ племенъ *дѣйствительно были одни и тѣ же* предки. Общность сказаній вынуждаетъ къ заключенію объ общности и единствѣ ихъ происхожденія. Племя *a* ничего не могло бы знать о предкахъ племени *b*, если бы эти предки племени *b* не были также и его собственными предками. Упомянутыя преданія (иранскія) переданы были въ наследство этимъ различнымъ народамъ общими предками семитическихъ Израильтянъ и индогерманскихъ Иранцевъ и Индійцевъ. А отсюда вытекаетъ дальнѣйшее заключеніе,—что если эти общіе предки *разсказали* своимъ потомкамъ вышеупомянутыя исторіи о раѣ, о

¹⁾ Apologetik. II, § 224, стр. 90.

грѣхопадєніи, о сокрушителѣ змѣя, о потопѣ и ковчегѣ, то они должны были и видѣть все это на опытѣ. Не смотря, однако-жъ, на это, не хотятъ принимать такого заключенія, а, напротивъ того, усиливается открыто доказывать возможность предположенія (конечно, страннаго), что помянутые общіе предки не на самомъ дѣлѣ испытали все это, а всѣ совмѣстно только создали это своимъ воображеніемъ, и что это было дѣломъ поэтическаго вымысла“.

Не менѣе безосновательно и то предположеніе рачіоналистовъ, будто бы преданія народовъ о грѣхопадєніи прародителей измышлены народною фантасією только для объясненія зла, существующаго въ мірѣ. Развѣ можно что-либо объяснить себѣ (успокаивать себя) своею собственною *ложью*? Всякое объясненіе предполагаетъ по крайней мѣрѣ исканіе истины, а не измышленіе небывалыхъ событій. Какъ свидѣтельствуютъ сами рачіоналисты своимъ отношеніемъ къ Божественному Откровенію, даже *фактъ* грѣхопадєніа прародителей не для всякаго представляется удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ. Было и есть много людей, которые находятъ для себя рѣшеніе этого роковаго вопроса въ самомъ существованіи матеріи, считая ее источникомъ чувственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ зла. Другіе отрицаютъ и самый фактъ существованія зла. Наконецъ, персидскія преданія убѣждаютъ насъ въ томъ, что можно признавать для зла особое, даже вѣчное начало и въ то же время вѣровать въ фактъ грѣхопадєніа прародителей. Если же, какъ показываетъ опытъ, разумъ человѣческой можетъ предлагать *различныя* рѣшенія вопроса о происхожденіи зла, то какъ же можно согласиться съ рачіоналистами, что *всѣ* народы какъ древняго, такъ и новаго міра надѣялись найти такое рѣшеніе только въ измышленіи мифа или сказанія о небываломъ грѣхопадєніи прародителей?

Впрочемъ, предположеніе, что сказанія народовъ о первобытномъ райскомъ блаженствѣ и послѣдовавшемъ за *нимъ* грѣхопадєніи прародителей, при ихъ всеобщемъ распространеніи и поразительномъ согласіи между собою въ существенномъ, можно объяснить какъ результатъ пустой фантасіи на почвѣ песси-

мистическаго пониманія жизни,—настолько неосновательно само по себѣ, что отъ него мало-по-малу стали уже отказываться и сами раціоналисты новѣйшаго времени. Чѣмъ же однако они думаютъ замѣнить его? Такъ какъ возвращеніе къ библейскому пониманію для нихъ было бы равносильно совершенному отреченію отъ всего своего раціоналистическаго міровоззрѣнія, съ которымъ они такъ уже сжились, что оно вошло какъ бы въ ихъ кровь и плоть, то очевидно, они и теперь будутъ стараться найти для себя объясненіе факта существованія указанныхъ нами народныхъ вѣрованій не въ Божественномъ Откровеніи, а гдѣ-либо внѣ его. И дѣйствительно они хотятъ проложить себѣ новый путь—самостоятельный, надѣясь найти объясненіе *естественное* или, какъ они говорятъ, *научное, не библейское*. Они допускаютъ возможность непосредственнаго духовнаго воздѣйствія одного народа на другой, вслѣдствіе чего естественно предполагать, что взгляды, преданія, миѳы и міровоззрѣнія одного народа могутъ быть усвояемы другими народами, стоящими на низкой ступени культурнаго развитія. Такимъ-то именно духовнымъ взаимодействіемъ между іудействомъ и язычествомъ раціоналисты и надѣются объяснить себѣ фактъ существованія у *всѣхъ* народовъ согласныхъ преданій о первоначальномъ блаженствѣ людей и о послѣдовавшемъ затѣмъ грѣхопадѣніи ихъ.

Но здѣсь рождается новый и для рѣшенія весьма трудный вопросъ: кто же на кого производилъ въ данномъ случаѣ это духовное воздѣйствіе? Язычество ли на іудейство или наоборотъ—іудейство на язычество?

Сначала раціоналистическіе мыслители выдавали за аксіому, что іудейское міровоззрѣніе, какъ оно изложено въ книгахъ ветхаго и даже новаго завѣта, не самостоятельно, что оно заимствовано у язычниковъ. Особенно въ этомъ случаѣ любили указывать на Персію, откуда будто бы іудеи и вынесли свое ученіе о діаволѣ и злыхъ духахъ вообще. Этимъ же путемъ заимствованія,—думаютъ раціоналисты,—нужно объяснить и появленіе у іудеевъ сказанія о грѣхопадѣніи, чрезъ которое первые люди утратили свое мнимое первобытное блаженство

въ рай. Кромѣ того, предполагали, что на складъ вѣрованія іудеевъ оказали будто бы значительное вліяніе египтяне, хананеи или финикіяне, ассиріяне, вавилоняне, даже греки и т. д. Было время, когда вліяніемъ язычества хотѣли объяснить не только появленіе у евреевъ ученія о грѣхопадєніи и наслѣдственности прародительскаго грѣха, но и всю исторію искупленія,—изъ язычества старались вывести всю христіанскую догматику.—Конечно, нельзя отрицать *вообще* возможности вліянія вѣрованій одного народа на ходъ развитія и складъ вѣрованій другого народа. Напротивъ можно даже фактически доказывать возможность такого вліянія. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, что такое вліяніе египтяне и восточно-азиатскіе народы имѣли, наир., на возрѣнія и вѣрованія грековъ. Но тѣмъ не менѣе такимъ вліяніемъ язычества нельзя объяснить происхожденія библейскаго повѣствованія о райскомъ блаженствѣ и грѣхопадєніи прародителей. Прежде всего ставится старыи, но для раціонализма неразрѣшимый вопросъ: откуда такое вѣрованіе могло явиться у самихъ персовъ, египтянъ, финикіянъ и т. д.? Очевидно, опять пришлось бы говорить о пессимистическомъ пониманіи жизни и дѣятельности народной фантазіи, т. е., пришлось бы опять прибѣгать къ тѣмъ же самымъ предположеніямъ, отъ которыхъ уже отказываются и болѣе благоразумные изъ раціоналистовъ. Затѣмъ противъ такого рѣшенія вопроса говоритъ очевидная первоначальность, и непосредственность Божественнаго Откровенія,—возвышенность, чистота, ясность и искренность библейскаго повѣствованія въ сравненіи съ грубыми, чувственными, отрывочными и нескладными сказаніями языческихъ народовъ. Далѣе,—въ настоящее время христіанскими экзегетами и учеными филологами уже неоспоримо доказано, что библейское повѣствованіе, изложенное въ Пятокнижїи Моисея, существовало въ то время, когда были немыслимы никакія сношенія для евреевъ ни съ персами, ни съ вавилонянами; напротивъ древность многихъ языческихъ литературныхъ памятниковъ нынѣ подвергнута сильному сомнѣнію ¹⁾. Наконецъ, сами раціоналисты (или, по крайней

¹⁾ Считававшийся до сихъ поръ древнѣйшимъ персидскїи сборникъ—*Авеста*, по изслѣдованіямъ Бергера и Дармштетта, написанъ только около 170 г. до Р. X.

мѣрѣ, болѣе безпристрастные изъ нихъ) признають невозможнымъ объяснить такимъ предположеніемъ *всеобщаго* распространенія преданій о раѣ и грѣхопадении, такъ какъ эти преданія встрѣчаются и у такихъ народовъ, которые никогда не могли находиться въ какихъ либо сношеніяхъ ни съ персами, ни съ вавилонянами.

Вотъ почему въ послѣднее время, особенно благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ философовъ и мѣологовъ, раціоналисты, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, приходятъ уже къ противоположному предположенію, и *всеобщее* распространеніе между всѣми народами преданій о райскомъ блаженствѣ и грѣхопадении хотять объяснить вліяніемъ библейскаго ученія на языческія вѣрованія, а не наоборотъ. Такъ, опираясь на изслѣдованія *Штгеля*, въ настоящее время уже многіе склонны думать, что іудеи, бывшіе въ плѣну вавилонскомъ, оказали сильное вліяніе на персидскія вѣрованія, при чемъ обыкновенно указываютъ на пророка Давида и его значеніе при дворѣ Навуходносора въ качествѣ „князя волхвовъ“ и т. д. Конечно, нельзя отрицать возможности вліянія со стороны носителей Божественнаго Откровенія на языческія вѣрованія различныхъ народовъ. Съ другой стороны, въ новомъ поворотѣ раціоналистическаго пониманія заключается уже нѣкоторая выгода и для христіанскихъ апологетовъ: Божественное Откровеніе начинаютъ, по крайней мѣрѣ, признавать уже болѣе древнимъ и первоначальнымъ, чѣмъ какимъ считали его до сихъ поръ. Но тѣмъ не мѣняѣ *всеобщее* распространеніе сказаній о райскомъ блаженствѣ и грѣхопадении прародителей среди *всѣхъ* языческихъ народовъ нельзя объяснить и непосредственнымъ вліяніемъ богооткровеннаго ученія, потому что можно указать множество такихъ народовъ, которые никогда не находились съ древними евреями ни въ какихъ сношеніяхъ и однако-же хранятъ указанная преданія, нерѣдко даже въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ народы, соприкасавшіеся съ ветхозавѣтнымъ іудействомъ.

Правда, серьезное изученіе различныхъ языческихъ преданій, особенно въ первое время ихъ открытія, на *нѣкоторыхъ* христіанскихъ апологетовъ произвело столь сильное и порази-

тельное впечатлѣніе, что они доходили до крайностей и приписывали этимъ сказаніямъ даже такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Достаточно сказать, что были апологеты (напр. Ринкъ и Зеппъ), которые въ язычествѣ думали отыскать вѣрованія, соотвѣтствующія всѣмъ частнымъ пунктамъ христіанскаго вѣроученія и усматривали въ немъ преданія, будто бы относившіяся ко всѣмъ событіямъ изъ земной жизни Спасителя. Конечно, это—крайность,—хотя, впрочемъ, такихъ апологетовъ и немного. Говоря же вообще, христіанскіе апологеты относятся къ языческимъ сказаніямъ даже какъ-то боязливо, съ крайнею разборчивостію и осторожностію, дѣлаютъ слишкомъ большія уступки рационализму, охотно допускаютъ возможность вліянія со стороны ученія Божественнаго Откровенія на вѣрованія языческихъ народовъ,—и при всемъ томъ все таки приходятъ къ неизбѣжному заключенію, что преданія народовъ имѣютъ свой самостоятельный и объективный источникъ, и что въ нихъ нельзя не видѣть единогласнаго свидѣтельства всего рода человѣческаго о томъ, что Богъ зла не создалъ, что Онъ даровалъ людямъ только блаженство, для котораго они и были созданы, но что люди утратили это блаженство своимъ возстаніемъ противъ Бога, своею неблагодарностію къ Нему, своимъ высокомеріемъ и гордостію, и что слѣдовательно, причиною зла, господствующаго въ мірѣ, нужно признавать не Бога, а самаго человѣка, какъ разумно-свободное существо.

Прекрасный примѣръ того, какъ нужно относиться къ преданіямъ языческихъ народовъ о первоначальномъ блаженствѣ прародителей и ихъ грѣхопаденіи, какъ причинѣ господствующаго въ мірѣ зла, представляетъ современный апологетъ христіанскій—*Вейссъ*. „Согласіе народныхъ преданій,—говоритъ онъ ¹⁾),—всегда является если не вполне цѣннымъ доказательствомъ, то во всякомъ случаѣ сильною вѣроятностію въ пользу истинности того, что согласно признается столь различными народами и въ столь различныя времена. Объявлять ложными такого рода возрѣнія, пользующіяся столь всеобщою распространенностію не только слишкомъ смѣло, но и погрѣшительно.

¹⁾ Apologie des Christenthum, В. II., 1895., стр. 73.

Ошибочное мнѣніе есть слабость духа. Но слабость или ошибка есть нѣчто случайное и находится внѣ природы. Таковое (заблужденіе или слабость духа) всегда и у всѣхъ не можетъ встрѣчаться въ одинаковомъ видѣ. Иначе слѣдовало бы признать, что природа сама собою необходимо ведетъ къ заблужденію и притомъ къ опредѣленному и повсюду одинаковому заблужденію. Но это немыслимо. Слѣдовательно, признанію, въ которомъ во всѣ времена и повсюду были согласны всѣ люди, не можетъ быть отказано въ несомнѣнной истинѣ. Но чтобы доказать фактъ этого согласія, нужна не-незначительная осмотрительность и точность. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые апологеты впали въ ошибку и, не смотря на свои наилучшія намѣренія, скорѣе принесли дѣлу вредъ, чѣмъ пользу... Если новѣйшая наука здѣсь обнаруживаетъ сдержанность, доходящую часто до намѣреннаго отрицанія, то въ этомъ и мы должны усматривать благоразумное предостереженіе для себя, чтобы вмѣсто одного раза десять разъ подвергать своему изслѣдованію факты... Мы должны опасаться научно оправдывать свою вѣру такимъ произвольнымъ образомъ, какъ поступаетъ часто, по своему младенчеству, наука сравнительнаго изученія религій съ этими древними воспоминаніями. Они требуютъ такого же строгаго изслѣдованія своего истиннаго содержанія, какъ и золотистый мулъ, вытаскиваемый изъ рѣкъ, и не менѣе тщательнаго истолкованія, какъ и какое либо мѣсто изъ Св. Писанія или изъ классиковъ. И только послѣ этого они могутъ обильно вознаградить насъ за потраченный трудъ. Ибо что при такомъ веденіи дѣла будетъ утеряно въ отношеніи къ количеству доказательствъ, то будетъ вполне вознаграждено ихъ несомнѣнностію".—Но и при такомъ крайне осторожномъ и благоразумно-научномъ отношеніи къ языческимъ народнымъ преданіямъ, подвергая своему всестороннему и безпристрастному изслѣдованію только тѣ изъ нихъ, которыя не вызываютъ уже никакого возраженія со стороны какъ раціоналистовъ, такъ и ученыхъ филологовъ миеологовъ, Вейссъ все таки приходитъ къ тому заключенію, что приведенныя нами народныя языческія преданія суть несомнѣнное свидѣтельство о дѣйствительныхъ событіяхъ—какъ первоначальномъ

блаженствѣ, такъ и грѣхопадѣніи прародителей, что они не находятся ни въ какой генетической зависимости отъ библейскаго повѣствованія, но имѣли для себя самостоятельный и объективный источникъ въ непосредственномъ разсказѣ самихъ прародителей.

Такимъ образомъ, и Божественное первооткровеніе, какъ оно изложено въ книгѣ Бытія, и ученіе всего Св. Писанія какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, и народныя языческія преданія одинаково согласно свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что зло въ мірѣ есть явленіе случайное, что оно не входило въ Божественный планъ мірозданія и что грѣхопадѣніе прародителей, какъ свободно-разумныхъ существъ, подпавшихъ вліянію духа злобы, есть первоначальный источникъ его происхожденія.

Теперь посмотримъ еще, какъ рѣшается вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ человѣческимъ разумомъ въ лицѣ выдающихся представителей человѣческой мысли—*философовъ*.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

Обличительная рѣчь Господа Нашего Іисуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ.

Опытъ толкованія главы XIII Евангелія отъ Маттея.

(Продолженіе *).

Ст. 11-й. *Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга*—или другими словами: *Кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій* (Лук. XII, 26). Жизнь христіанъ и взаимныя отношенія между главами и начальствующими лицами христіанскихъ общинъ должны были устраиваться на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ какія видны въ отношеніяхъ между книжниками и фарисеями съ одной стороны и руководимымъ ими народомъ, съ другой. Ученики Христа должны поступать совершенно иначе. Тѣ, которые получаютъ какія-нибудь преимущества предъ своими братьями, апостолы, пророки, евангелисты, пастыри, учителя, должны знать, что эти дары вручены имъ не для того, чтобы ими гордиться, предъ жившими, а для служенія послѣднимъ. А потому, если ты имѣешь даръ свыше, не ищи для себя почестей и отличій, а смиренно служи этимъ даромъ другимъ—неимущимъ. „Кто Павелъ и кто Аполлосъ, они только служители“ (I К. III, 5), изъ которыхъ каждому дано проявленіе Духа на пользу вѣрующихъ (I Кор. XII, 17), „на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Еф. IV, 12). Поставленные не для господства надъ вѣрующими, (I Петр. V 3), но на дѣло служенія, начальствующіе въ христіанской общинѣ—рабы вѣрующихъ (I Кор. IV,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11, за 1894 г.

5), которымъ принадлежатъ и Павелъ, и Аполлосъ, и Кифа и все (I Кор. III, 22). Получается нѣчто совершенно противоположное тому, что практиковали книжники и фарисеи и само собою разумѣется, что такому истинному главѣ христіанской общины прилично называться и учителемъ, и отцемъ, и наставникомъ, и ни сколько не вредно и не опасно, потому что онъ во имя Христа, по любви къ людямъ и Богу, бываетъ дѣйствительно и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; но книжники и фарисеи стремились называться такъ, но не быть такими на самомъ дѣлѣ.

И такъ, большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга, ст. 12, *ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ, а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится.* Вотъ тотъ путь, которымъ долженъ идти всякій ученикъ Христовъ и который ведетъ къ высшимъ почестямъ въ Его царствѣ. Этимъ путемъ прошелъ и Самъ Христосъ, Который „смирилъ себя“ и Котораго „посему и Богъ превознесъ и далъ Ему имя выше всякаго имени (Фил. II, 8—9). Этимъ-же путемъ приниженія и смиренія себя долженъ идти всякій христіанинъ, а тѣмъ болѣе тотъ, кто стоитъ во главѣ другихъ вѣрующихъ. Вспомнимъ притчу о Мытарѣ и Фарисеѣ. Это и понятно, почему именно смиреніе—непремѣнное условіе не только вступленія въ царство Божіе, но и затѣмъ дальнѣйшаго роста духовной жизни въ человѣкѣ. Царство Божіе—это внутренняя настроенность человѣка, опредѣляемая съ одной стороны любовью къ Богу и желаніемъ стать въ возможно близкія отношенія къ Нему, а съ другой—сознаніемъ своего великаго недостойнства не только приблизиться къ Богу, но даже возвести очи къ Нему. Дѣйствительно, кто изъ насъ такъ чистъ, чтобы могъ требовать, какъ должнаго, своего приближенія къ Богу? Отсюда, дѣло простой справедливости и прямой честности со стороны человѣка—исповѣдывать постоянно и утверждать факты своего недостойнства. Признающій этотъ фактъ стремится уже и освободиться ото всего того, что служитъ препятствіемъ къ его чистотѣ. Признающій себя грѣшникомъ и стремящійся къ своему исправленію—смирненъ и онъ стоитъ на правомъ пути. Наоборотъ, кто хоть и хочетъ единенія съ Богомъ, но въ то же время не хочетъ видѣть своихъ грѣховъ, признаетъ себя чистымъ и святымъ, въ дѣйствительности не будучи такимъ,

тотъ не смирененъ, онъ носить въ себѣ такіе элементы, которые тормозятъ и даже совершенно останавливаютъ ростъ въ немъ Царствія Божія. Первому Богъ помогаетъ въ его борьбѣ съ грѣхомъ и своею помощію содѣйствуетъ ему достигать все высшаго и высшаго совершенства. Второго Онъ оставляетъ въ его мнимой праведности, а въ дѣйствительной грѣховности. Отсюда, понятно, почему мытарь притчи вышелъ изъ храма оправданнымъ болѣе, чѣмъ фарисей: „Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“, говоритъ ап. Петръ (I, V, 5). Итакъ, всякій, кто смиренно исповѣсть предъ Богомъ свою грѣховность и свое недостоинство, кто унижаетъ себя, тотъ получитъ себѣ въ помощь божественную благодать и будетъ возвышенъ,—а кто считаетъ себя все же за нѣкую величину предъ Богомъ и будетъ требовать соотвѣтственнаго почета, т. е. будетъ возвышать себя, тотъ останется при своей лжи и въ своемъ дѣйствительномъ ничтожествѣ.—Эту истину прекрасно понимали и раввины. (См. Wünsche, раньше цитов. соч. S. 281 и слѣд.).

Этимъ, 12-мъ стихомъ, заканчивается первая часть обличительной рѣчи Христа, обращенная къ народу и ученикамъ. Предупредивъ и тѣхъ, и другихъ отъ увлеченія честолюбіемъ и заповѣдавъ ни въ чемъ не подражать книжникамъ и фарисеямъ, Христосъ уже и въ первой части своей рѣчи обличаетъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ указываетъ на тѣ предметы, на которые обращено все вниманіе книжниковъ и фарисеевъ и на тѣ побужденія, которыми послѣдніе руководятся во всей своей дѣятельности. Но теперь Христосъ обращается уже прямо къ самымъ книжникамъ и фарисеямъ, „вы, вамъ“, говоритъ Онъ. Основная мысль слѣдующей части рѣчи, обличительной въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, та, что книжники и фарисеи своими предписаніями и своимъ примѣромъ настолько исказили законъ и сбили съ праваго пути народъ, что ни сами, ни руководимый ими народъ не войдутъ въ Царствіе Божіе.

Ст. 13. *Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное челомъкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти, не допускаете.*

Горе вамъ—такъ Христосъ начинаетъ каждый новый, такъ

сказать, пунктъ въ своемъ обличеніи книжниковъ и фари́сеевъ, и въ этомъ отношеніи Онъ приближается къ образу выраженія древнихъ пророковъ. Исая, обличая израильтянъ, говоритъ: „горе вамъ“, „горе тѣмъ“ (V, 8, 10, 18 и др., Авв. II, 6, 9, 12 и др.). Послѣ „горе вамъ“ всегда слѣдуетъ „книжники и фари́сеи, *лицемѣры*“. Лицемеріе—это отличительная черта обличаемыхъ; это, такъ сказать, общій фонъ, на которомъ Христомъ отмѣчаются тѣ или другіе пункты; это общій характеръ, свойственный безусловно всѣмъ фари́сеямъ (о немъ мы будемъ говорить, когда зайдетъ рѣчь специально о лицемеріи книжниковъ и фари́сеевъ, при толкованіи ст. 27—8); потому то Христосъ каждый разъ, послѣ горе вамъ, книжники и фари́сеи, прибавляетъ еще и лицемеріе. Всѣ же эти слова вмѣстѣ представляютъ собою величественное и грозное обращеніе и въ то же время прекраснѣйшую форму перехода отъ одного предмета рѣчи къ другому.

Царство Небесное—*βασιλεία τῶν οὐρανῶν* понятіе специально новозавѣтное¹⁾. Раввинское выраженіе *matchut schamaim*, царство небесное, значитъ собственно царство Божіе, такъ какъ раввины изъ боязни нарушить третью заповѣдь слово „небо“ обыкновенно употребляли вмѣсто слова Господь Богъ²⁾. Выраженіе Царство Божіе—выраженіе чисто ветхозавѣтное и заключаетъ въ себѣ только ту мысль, что Господь Богъ властитель надъ всѣмъ міромъ³⁾. Но совершенно иное значеніе имѣетъ новозавѣтное выраженіе „Царство Небесное“. Оно заимствовано, какъ признаютъ толкователи, изъ книги пророка Даніила (VII, 13, 14), гдѣ рассказывается, что послѣ четырехъ царствъ настанетъ наконецъ царство такое, гдѣ вся власть, все значеніе будутъ предоставлены людямъ святымъ, и что главою этого царства будетъ Сынъ человѣческой, шествующій на облакахъ небесныхъ. Отсюда возникло, или лучше сказать, создано было и введено въ употребленіе, какъ предполагаетъ Keil⁴⁾, или

1) Keil, S. 93 ff.

2) Vuxtorfii, p. 2440. Ср. Лук. V, 18.

3) Keil, p. 93. Schoettgenii, De regno ceologum, p. 1147, гдѣ указаны различныя значенія этого выраженія.

4) S. 94.

Іоанномъ Крестителемъ или скорѣе Самимъ Іисусомъ Христомъ выраженіе „Царство Небесное“, которое указываетъ на Царство, которое нѣкогда Богъ неба оснуетъ на землѣ чрезъ сшедшаго съ неба Сына Божія. Будучи подготовлены пророчествами, іудеи эти рѣчи Крестителя и Іисуса Христа иначе и понимать не могли. Вопросъ только являлся еще тотъ, какого-же рода должно было быть это Царство. Іоаннъ Креститель и Іисусъ Христосъ, начавшіе свою проповѣдь о наступленіи Царства Божія призывомъ къ покаянію, очевидно всецѣло стояли на почвѣ древнихъ пророчествъ, по которымъ это царство—будетъ временемъ, когда Богъ заключить съ людьми новый Завѣтъ, который написанъ будетъ на ихъ сердцахъ, изольетъ Духа Своего на всякую плоть и проститъ людямъ грѣхи ихъ. Лучшіе люди среди еврейскаго народа такого Царства, вмѣстѣ съ возстановленіемъ Давидовой династіи, и ждали (Лук. I, 77—79). Однако въ отличіе отъ этихъ народныхъ чаяній Христосъ подъ Царствомъ Небеснымъ разумѣлъ исключительно Царство духа, такое настроеніе, которое всецѣло опредѣляется совершенной преданностію Богу и Его волѣ. Вступаетъ въ это Царство, только тотъ, кто покается, переменитъ свою настроенность и образъ жизни и увѣруетъ въ главу и начальника этого Царства—Христа. Царство Божіе—это совершенная противоположность царству міра сего, вступить въ первое можно только путемъ отреченія отъ послѣдняго и путемъ вѣры въ то, что Царство Божіе основано небесными силами и имѣетъ своимъ главою Бога, Сына Божія.

Книжники и фариसेи *затворяютъ* Царство Небесное—выраженіе образное. Царство Небесное представляется въ видѣ комнаты или дома, двери котораго книжниками и фарисеями затворены. Этотъ образъ поясняется въ дальнѣйшихъ словахъ Христа: *ибо они сами не входятъ и хотящихъ войти не допускаютъ*, т. е. книжники и фариसेи стали въ такія отношенія къ Царству Небесному, которыя можно уподобить тому, какъ если бы кто взялъ и затворилъ домъ, въ который нужно было бы войти другимъ, и, такимъ образомъ, самъ не захотѣлъ войти туда и другихъ не допустилъ.

Что такое разумѣетъ Христосъ подъ этой образной рѣчью?

Св. Лука передаетъ рѣчь Христа нѣсколько иначе: книжники и фарисеи *взяли ключъ разумнiя* и потому *сами* они не вошли и входящимъ воспрепятствовали. Выраженiе тоже образное, взятое прямо изъ дѣйствительности: книжники и фарисеи носили нѣкогда въ качествѣ единственнаго украшенiя ключъ, который долженъ былъ показывать, что они имѣютъ ключъ знанiя, отворяющiй человѣку двери Царствiя Божiя. „Когда умеръ Самуиль меньшiй, то его ключъ и *rugillages* (таблички) повѣсили на саркофагъ, потому что онъ умеръ бездѣтнымъ ¹⁾).

Итакъ, этотъ ключъ знанiя или просто богословскiя познанiя книжниковъ и фарисеевъ и составляли главное препятствiе къ тому, чтобы они вступили въ Царство Небесное; а не вступая сами, они и другихъ своимъ примѣромъ и своими учеными изслѣдованiями отвлекаютъ отъ вступленiя туда. Что дѣйствительно то знанiе, которымъ обладали книжники и фарисеи, служило помѣхой для вступленiя ихъ въ открывающееся Царство Небесное, доказательство тому даютъ и наши евангелiя. Фарисеи и книжники однажды рѣшили схватить Иисуса Христа въ то время, какъ Онъ училъ народъ въ храмѣ. Однако посланные ими не взяли Его и возвратившись заявили, что „никогда человѣкъ не говорилъ такъ“. Фарисеи возразили на это: „неужели и вы прельстились?“ Увѣровалъ ли кто изъ начальниковъ и фарисеевъ? Но этотъ народъ (который одинъ увѣровалъ въ Него), невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ (Иоан. VIII, 45—49). Народъ, убѣжденный дивными дѣлами и непобѣдимой силой рѣчи Христа, вѣровалъ въ Него. Непосредственное чувство влекло народъ ко Христу. Но по мнѣнiю фарисеевъ, это потому, что народъ былъ совершеннымъ невѣждою въ законѣ. Если бы онъ хоть немного былъ свѣдушъ въ послѣднемъ, то онъ не пошелъ бы за Христомъ, подобно тѣмъ, кто, какъ книжники и фарисеи, стоятъ на вершинѣ разумнiя закона и Царства Божiя.

Раньше мы замѣтили, что для вступленiя въ Царство Небесное необходимо было раскаянiе во всѣхъ грѣхахъ, прежде всего, съ твердымъ рѣшенiемъ измѣнить свой грѣховный образъ

¹⁾ Schoettgenii, p. 199.

жизни: „покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное“, звалъ Іоаннъ Креститель (Мѣ. III, 2).

Книжники и фари́сеи были далеки отъ всякой мысли о необходимости какого бы то ни было покаянія и въ этомъ отноше́ннн вполнѣ походили на сухое, бесплодное дерево.

Ставши духовными вождями народа и посвятивши себя всестороннему изученію закона, книжники и фари́сеи, однако, не достигли въ этомъ отноше́ннн до истины. Изученіе и знаніе ихъ остановились только на буквѣ закона, нисколько не проникая въ его духъ, въ его, таящійся за буквой, внутренній смыслъ. Все ихъ пониманіе и исполненіе закона ограничивалось одною внѣшностію, обрядностію, формою. Отсюда отъ вниманія книжниковъ совершенно ускользало основное, существенное назначеніе для человѣка закона—именно, приводить людей къ познанію своего грѣха (Рим. III, 20, VII, 7). Ограничивая теперь всю праведность исполненіемъ обрядовъ и храненіемъ отеческихъ преданій, они мало по малу, но все больше и больше, теряли сами и подавляли въ народѣ сознаніе человѣческой немощи и совершеннаго безсилія въ дѣлѣ исполненія божественнаго закона, съ одной стороны, и крайней необходимости божественной помощи—съ другой. Но этого мало. Ставъ исключительно на почву формальнаго выполненія закона, и дѣйствительно, достигнувъ въ этомъ отноше́ннн полнаго совершенства, книжники и фари́сеи, естественно, должны были думать о себѣ, какъ о настоящихъ праведникахъ. Они не такіе, „какъ прочіе люди“ (Лук. XVIII, 11), но безукоризненные и безгрѣшные хранители и блюстители закона и преданій,—люди, которые должны занимать вездѣ и всюду самыя высшія и почетнѣйшія мѣста, въ качествѣ законной дани ихъ святости ¹⁾. Ослабленіе сознанія своей грѣховности и наоборотъ, усиленное утвержденіе себя въ своей формальной праведности—съ потерєю всякаго представленія о существованіи еще праведности внутренней,—таково общее направленіе, или лучше, таковъ характеръ религіозной жизни народа послѣ плѣна. До-плѣнный іудей легко падалъ, легче, чѣмъ іудей разсматриваемаго періода. Но за то, подѣ

1) Прем. и благ. Божіи въ судьбахъ м. и чел. стр. 305 и далѣе.

вліяніемъ строгихъ рѣчей пророковъ или карающей десницы Божіей въ немъ легко пробуждалось чувство покаянія и жгучая потребность искупленія и очищенія. Со времени плѣна іудей живетъ чище и правильнѣй, но зато онъ все меньше и меньше чувствуетъ въ себѣ угрызеніе совѣсти, сознаніе своего недостойнства и необходимости искупленія. Жертвоприношеніе, выражающее сознаніе грѣха и надежду прощенія, послѣ-плѣнный іудей охотно замѣняетъ милостыней, т. е. наружнымъ добрымъ дѣломъ и тѣмъ соблюдаетъ форму божественнаго закона. Изъ книги Товита видно, какую важность придавали такого рода удовлетворенію. Это не только лѣвая рука, знающая, что творитъ правая, но и сердце, ликующее и мечтающее объ осуществленіи совершенной праведности¹⁾. Понятно, что подобнаго рода настроеніе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, какое необходимо для вступленія въ царство Мессіи: здѣсь мѣсто не самооправданію и самовозвеличенію, а смиренію и покаянію. Потому то Христосъ и говоритъ своимъ ученикамъ: „говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фари́сеевъ, то вы не войдете въ Царство небесное“ (Мѡ. V, 20). Отсюда становится понятнымъ отношеніе книжниковъ и фари́сеевъ къ проповѣди о наступленіи Царства Божія и къ крещенію. Какъ только по всей странѣ прошелъ слухъ, что на Іорданѣ явился какой то аскетъ, который проповѣдуетъ приближеніе Царства Небеснаго и креститъ, фари́сеи, „ожидавшіе наступленія этого Царства и весьма боявшіеся пропустить что бы то ни было, необходимое для вступленія въ него“²⁾, спѣшатъ вмѣстѣ съ другими къ пророку на Іорданъ. Но познакомившись съ сущностію проповѣди Крестителя, услышавъ этотъ неумолкающій призывъ: „покайтесь и креститесь“, они остаются только въ положеніи зрителей, но не участниковъ соотвѣтствующихъ проповѣди народныхъ движеній. И понятно почему: въ чемъ-же имъ каяться и для чего принимать это крещеніе покаянія,—имъ, завѣдомо людямъ святымъ и праведнымъ (Лук. VII, 30)? Гордые и ослѣпленные своею наружною праведностію, книжники и фари́сеи были далеки отъ

1) Прессансэ, *ibid.* стр. 61.

2) Keil, s. 100.

Царствія Божія. Потому то Христосъ и говоритъ имъ: „истинно говорю вамъ, что мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ Царство Небесное (Мѡ. XXI, 31).—Ученыя изысканія фарисеевъ завели ихъ совершенно не туда, куда они стремились, но они, въ своемъ ослѣпленіи, считали этотъ путь путемъ жизни.

Второе условіе вступленія въ Царство Божіе—вѣра въ Іисуса Христа, какъ Мессію, какъ главу этого Царства. Но для книжниковъ и фарисеевъ, кажется, не было ничего болѣе труднаго и невозможнаго, какъ повѣрить въ Іисуса Христа.

Мессіанская идея ко времени Христа въ сознаніи народа потерпѣла значительныя измѣненія Съ одной стороны, въ Александріи подъ вліяніемъ философіи, она все больше и больше „разрѣшалась въ паръ и туманъ“, съ другой, въ самой Палестинѣ подъ вліяніемъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ народное пониманіе обѣщанныхъ благъ все больше и больше удалялось отъ мысли откровенія“, „все болѣе и болѣе забывалось небесное существо“ мессіанской идеи ¹⁾. Правда, всякая теократія ведетъ къ тому, чтобы духовный глава былъ въ то же время и главой свѣтской, государственной, и потому еврейское сознаніе не могло представить себѣ Мессію, который бы въ то же время не предназначень былъ занять выдающееся положеніе и во внѣшней исторіи еврейской націи. Но теперь эта послѣдняя сторона въ дѣятельности и существѣ Мессіи вытѣснила собою всѣ остальные и Мессія, благодаря этому, принялъ въ сознаніи еврейскаго народа тотъ образъ, который такъ ясно очерченъ въ апокрифическихъ псалмахъ Соломона (явились въ половинѣ перваго стол. до Р. Хр.). Это просто человекъ—царь (XVII, 23, 47), но праведный (XVII, 35), чистый отъ всякаго грѣха, святой (XVII, 41, 46), одаренный во Св. Духѣ могуществомъ, мудростію и справедливостію (XVII, 42). Это потомокъ Давида царя, который взоидетъ на престолъ послѣдняго, чтобы господствовать надъ Израилемъ, разгромить его враговъ и очистить Іерусалимъ отъ язычниковъ (XVII, 23—27). Онъ соберетъ святой народъ будетъ судить племена его; во дни его не будетъ неправды (XVII, 28 и сл.) ²⁾. Дни Мессіанскаго

¹⁾ Langen, D. Judenthum in Pal. Zur Zeit Christi, s. 392.

²⁾ См. Псалмы Соломона въ нѣмецк. переводѣ у Strack—Zöckler, Kurzgef. Komm. Abtheil 9, Apokryphen d. Alt. Testam. S. 417.

царства—дни величайшей радости, мира и всевозможныхъ утѣхъ (кн. Юбилеевъ у Schürer'a, В. II, s. 432). Короче говоря, по представленію іудеевъ, Мессіанское царство будетъ чудесное, но тѣмъ не менѣе земное царство среди другихъ земныхъ царствъ, которыя покорятся Мессіи. Понятно, въ какое противорѣчіе съ этими народными представленіями о Мессіи и Его Царствѣ попадала проповѣдь Христа. Рѣчи Христа о Его предвѣчномъ существованіи и равенствѣ съ Богомъ Отцемъ книжникамъ и фари́сеямъ казались какими то бреднями, не имѣющими никакого отношенія къ царству Мессіи и Мессіанскому призванію (Іоан. VIII, 52—9). „Онъ одержимъ бѣсомъ и безумствуетъ, что слушаете Его“? (Іоан. X, 20)—вотъ единственный смыслъ, какой только могли найти они въ словахъ Христа... Равнымъ образомъ, никто изъ книжниковъ и фари́сеевъ не могъ отвѣтить Христу на вопросъ, какъ Мессія можетъ быть сыномъ Давида, если самъ Давидъ по вдохновенію называетъ Его Господомъ (Мѡ. XII, 42—46)? Непонятны были книжникамъ и фари́сеямъ, равно какъ и всему народу, рѣчи Христа о Царствѣ Небесномъ, какъ о чемъ то невидимомъ, существующемъ только въ душахъ,—непонятно было, почему это Онъ систематически уклоняется отъ того, что Его народъ хочетъ поставить царемъ (Іоан. VI, 15). Совершенно противорѣчили ихъ представленіямъ какъ тѣ заявленія Христа, что въ Царство Мессіи вводятъ не происхождение отъ Авраама (Іоан. VIII, 39), но вѣра и благочестіе, дѣлающія всякаго сыномъ Авраама, такъ и тѣ, что Царство это принесетъ послѣдователямъ Его не безконечныя наслажденія и неизреченную славу земную, а напротивъ крестъ, самоотречение (Мѡ. XVI, 24—26), говенія, скорби и страдавія (Мѡ. V, 11—44).

Но затѣмъ и другіе, частнѣйшіе признаки Мессіи, какъ ихъ опредѣлила іудейская мысль, совершенно не подходили ко Христу. Мессія долженъ былъ происходить изъ Вифлеема (Іоан. VII, 42), Христосъ былъ изъ Галилеи; тамъ жила Его Мать (Лук. I, 26), тамъ жилъ и Онъ Самъ (Мѡ. II, 23, III, 13),—но изъ Галилеи трудно было ожидать чегонибудь добраго (Іоан. I, 46); во всякомъ случаѣ не оттуда придетъ Мессія.

Затѣмъ, Мессія, родившись, непременно скроется до того времени, когда Ему необходимо будетъ явиться въ качествѣ царя ¹⁾, и когда Онъ сразу заявитъ о себѣ и своею славою, и чудесами, и особыми знаменіями, спеціально данными для удостовѣренія Его Мессіанскаго достоинства; но откуда придетъ Мессія—этого никто не будетъ знать (Іоан. VII, 27). Между тѣмъ, Христось, хотя и творилъ необыкновенныя дѣла, но упорно отказывался дать какое-нибудь знаменіе для удостовѣренія своего Мессіанскаго достоинства, съ одной стороны, а съ другой—Онъ былъ извѣстенъ народу съ самаго дѣтства (Іоанн. VI, 42), извѣстно было всѣмъ, откуда Онъ пришелъ, какъ жилъ до этого времени, однимъ словомъ, былъ на виду у всѣхъ своихъ соотчичей, что крайне смущало весь народъ при одной мысли о Мессіанскомъ достоинствѣ Христа (Іоан. VII, 27).

Еще болѣе страннымъ казалось всѣмъ ученіе Христа о томъ, что Онъ, какъ Мессія, не на вѣки останется на землѣ въ видимомъ образѣ, но что ему подобаешь вознестись (Іоан. XII, 32. 34), сперва на крестъ, а потомъ на небо,—что Ему „должно много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ и быть убиту“ (Мѡ. XVI, 21). Мысль объ искупительныхъ страданіяхъ Мессіи современному Христу іудейству была совершенно чужда, такъ что „оффиціальное, такъ сказать, толкованіе 53 главы прор. Исаяи допускаетъ, что вообще эта глава относится къ Мессіи за исключеніемъ только тѣхъ стиховъ, въ которыхъ говорится о страданіяхъ раба Божія“ ²⁾.

Итакъ, Христось не соотвѣтствовалъ тѣмъ представленіямъ о Мессіи, которыя были выработаны іудеями. Правда, что эти воззрѣнія на Мессію раздѣляли не одни книжники и фарисеи, но весь народъ, они были всеобщіи. „Но, спрашивается, кто же ввелъ въ народъ такія понятія и чувственныя ожиданія, удалявшія народъ отъ Мессіи? Опять тѣ же книжники и фарисеи, какъ учителя народа и руководители въ законѣ. Въ своей самомечтательной праведности они исключительно устремляли умы и взоры къ предъизображенному пророками свѣтлому образу царственнаго величія и славы Мессіи, любили созерцать сію сла-

1) Lightfootii, p. 1029.

2) Schürer, B. II, S. 466.

ву, въ которой думали быть главными участниками, съ самоуслажденіемъ созерцали сіе грядущее царство, въ которомъ конечно обѣщали себѣ первыя мѣста. Порабощенные и ослѣпленные страстями, подъ личиной своей праведности, люди чувственные и неспособные къ духовному служенію Богу, они не могли понять сего Царства въ его духовномъ значеніи, а представляли его себѣ, какъ царство видимое и земное, и возвѣщаемое въ немъ обиліе благодатныхъ даровъ они поняли какъ обиліе чувственныхъ радостей и утѣхъ для Израиля. Наполнявшая ихъ души мечта о своей святости и чистотѣ скрывала отъ нихъ глубокое поврежденіе человѣка, невозможность примиренія съ Богомъ собственными силами, необходимость искупленія. Пророчества объ уничиженіи Мессіи, о Его болѣзняхъ и страданіяхъ ради насъ, о взятіи Имъ на себя грѣховъ міра, объ Его искупительной смерти, всѣ сіи пророчества, несогласныя съ односторонними и чувственными понятіями фарисеевъ, они или вовсе устраняли изъ вниманія, какъ непонятныя и необъяснимыя, или перетолковывали ихъ сообразно съ своими взглядами и самомечтательными ожиданіями. Свои одностороннія и чувственныя понятія о Мессіи они передали и народу: и сами не видѣли, и отъ народа скрывали въ Мессіи грядущаго Искупителя, а указывали въ Немъ только Царя, славнаго земною славою и неисто щимо богатаго земными дарами и благами¹⁾.

Но кромѣ сказаннаго, существовали и другія обстоятельства, которыя мѣшали книжникамъ и фарисеямъ увѣровать во Христа. Явился Христосъ. Ученіе Его—духъ и жизнь (Іоан. VI, 63), является совершенно противоположнымъ ученію книжниковъ и фарисеевъ. Этимъ послѣднимъ предстояло одно изъ двухъ, или признать свое ученіе одностороннимъ и недостаточнымъ, а самихъ себя заблуждавшимися, или наоборотъ, признать ученіе Христа новымъ, противорѣчащимъ закону. Легко угадать, что книжники и фарисеи, безконечно увѣренные въ своемъ непогрѣшимомъ и глубокомъ знаніи закова (Іоан. VII, 48, 49, IX, 34), изберутъ именно послѣдній исходъ. Евангелія дѣйствительно даютъ самыя ясныя доказательства тому: по мнѣ-

¹⁾ Прем. и благ. Бож. стр. 321 и слѣд.

нію книжниковъ и фари́сеевъ, Христосъ только обольщаетъ народъ (Іоан. VII, 12); это учитель, вопреки закону совращающій народъ съ праваго пути, и это потому только, что въ Немъ они не видѣли своей рабской привязанности къ буквѣ закона:—Онъ „не отъ Бога, потому что разоряетъ субботу“ (Іоан. IX, 16 и др.), позволяя Своимъ ученикамъ срывать въ субботу колосья, да и Самъ исцѣляетъ больныхъ и проч. Подобное отношеніе Христа къ субботнему покою въ томъ его видѣ, какъ его понимали книжники и фари́сеи, приводило послѣднихъ не только къ непризнанію Христа, но и просто вселяло въ нихъ чувство злобы, порой они приходили въ бѣшенство“ (Лук. VI, 11) и рѣшали его погубить (Іоан. V, 16 и др.). Ослѣпленіе полнѣйшее, мѣшавшее книжникамъ и фари́сеямъ ясно видѣть и понимать ученіе Христа, не давало имъ возможности увѣровать во Христа, какъ истиннаго Христа и Спасителя.

Но еще больше мѣшала имъ сдѣлать это ихъ гордость. Если бы въ книжникахъ и фари́сеяхъ дѣйствовало одно заблужденіе и ослѣпленіе, то они все же въ концѣ концовъ должны были бы сознаться въ этомъ и понять это. Но противъ Христа у нихъ дѣйствовала и возгла страшную злобу одна изъ ужаснѣйшихъ страстей—духовная гордость. Не сила и направленіе мысли только, но внутренній характеръ фари́сейства, духъ нравственныхъ убѣжденій книжниковъ и фари́сеевъ, состоящій въ высокомъ мнѣніи о своей святости и праведности, заставлялъ ихъ стать въ оппозицію ко Христу. Гордые и самолюбивые, ослѣпленные всеобщими почестями и уваженіемъ, безгранично увѣренные въ своей праведности, они, конечно, были глубоко убѣждены, что Мессія, какъ только явится, тотъ-часъ же обратится къ нимъ, какъ вѣрнѣйшимъ блюстителямъ и знатокамъ закона, и что они первые, такъ сказать, кандидаты не только на Царство Божіе, но даже на первыя мѣста въ немъ. Но вотъ является кто-то, несомнѣнно человѣкъ замѣчательный, и даже необыкновенный, который называетъ себя Сыномъ Божіимъ, пришедшимъ спасти людей, и странно, онъ и открываетъ, и продолжаетъ свою проповѣдь спеціально среди простого народа, какъ бы игнорируя и обходя книжниковъ и фари́сеевъ, которые только по дошедшимъ до нихъ слухамъ узнаютъ объ умно-

женіи Его учениковъ (Іоан. IV, 1). Христосъ, не выключая изъ своихъ слушателей книжниковъ и фари́сеевъ, въ то же время вовсе не выказываетъ того особеннаго вниманія, на какое они твердо надѣялись. Но мало того. Вскорѣ послѣ начала проповѣднической дѣятельности Христа, ихъ гордость потерпѣла страшный ударъ: Христосъ прямо и открыто заявилъ своимъ слушателямъ, что если ихъ праведность будетъ такова же, какъ праведность книжниковъ и фари́сеевъ, то они не войдутъ въ Царство Небесное (Мѡ. V, 20),—это съ одной стороны, съ другой,—Христосъ прямо и открыто входилъ въ самыя близкія сношенія съ людьми, завѣдомо грѣшными (Мѡ. IX, 10—11), къ которымъ книжники и фари́сеи относились съ величайшимъ презрѣніемъ (Іоан. VII, 48—49), и всякаго общенія и прикосновенія къ которымъ они избѣгали всѣми силами ¹⁾. Если мы представимъ себѣ то необычайное честолюбіе книжниковъ и фари́сеевъ, которое побуждало ихъ гоняться и за первыми мѣстами за столомъ, и за почетомъ и уваженіемъ вездѣ и всюду, и въ видахъ сохраненія своей репутаціи самыхъ святыхъ людей—отдѣляться отъ всякаго обыкновеннаго человѣка, если мы представимъ себѣ эту гордость, нагло требующую отъ народа преклоненія предъ собою—какъ чего-то своего, не какъ дара, а какъ законную подать, то мы тогда поймемъ, что должны были чувствовать фари́сеи, слыша и видя все отмѣченное выше. Оскорбленные въ своей гордости, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они сомнѣваются въ пророческомъ достоинствѣ Христа, и отвѣчаютъ на его рѣчи тѣмъ самымъ презрѣніемъ, съ какимъ они относились къ грѣшникамъ, называя его въ насмѣшку „другомъ мытарей и грѣшниковъ“ (Мѡ. XI, 19). Понятно, могли ли они увѣровать во Христа, стать въ ряды его послѣдователей? Для этого книжникамъ и фари́сеямъ необходимо было перестать быть ими самими.

Итакъ, книжники и фари́сеи не входятъ, не хотятъ войти въ Царство Небесное. Но своимъ примѣромъ они уже и народу затрудняли входъ туда; сами не вѣровали во Христа и этимъ самымъ уже и народъ отвлекали отъ вѣры въ Него. Народная мас-

¹⁾ Wünsche, S. 123. 459.

са всегда темна и охотно довѣряется тѣмъ, кто сумѣетъ взять ее подъ свое руководство. То же въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было, было и здѣсь: еврей, безъ руководства ученаго раввина, не дерзалъ не только разрѣшить такой важный вопросъ, какъ Мессія-ли Христось, но даже и помыслить о томъ, что это можетъ сдѣлать кто-нибудь другой, кромѣ книжниковъ. Евангелія даютъ ясное указаніе, что народъ затруднялся рѣшить вопросъ, какъ ему смотрѣть на Христа: „много толковъ было о Немъ въ народѣ, замѣчаетъ ев. Іоаннъ (VII, 12). Совершаемыя Христомъ чудеса, необычайныя и неслыханныя, приводили народъ къ мысли, что Онъ именно и есть обѣтованный Мессія (Мѡ. XII, 23; Іоан. VII, 31 и др.); однажды народъ готовъ былъ даже провозгласить Его царемъ, Мессіею, и только ждалъ, какъ рѣшатъ это дѣло книжники и фариसेи и съ недоумѣніемъ спрашивалъ, не удостовѣрились-ли они, что Іисусъ подлинно Христось (Іоан. VII, 26)? Что же дѣлаютъ книжники и фариसेи? Евангелія раскрываютъ предъ нами съ неопровержимой ясностію, что они выступили съ ожесточенной оппозиціей Христу, которая, все болѣе и болѣе усиливаясь, вызвала, наконецъ, и настоящую обличительную рѣчь Христа. Они употребляютъ всѣ усилія, чтобы отвлечь народъ отъ Христа. Евангелія рассказываютъ намъ, какъ книжники и фариसेи слѣдятъ и наблюдаютъ за Христомъ, и стараются не пропустить ни малѣйшаго случая, чтобы такъ или иначе уронить новаго, ненавистнаго имъ, Учителя предъ глазами народа,—они называютъ Его нарушителемъ закона, оскорбителемъ субботы, богохульникомъ, (Мѡ. IX, 14, Лук. VI, 1—4, Мар. VII, 2 и др.) усердно распространяютъ въ народѣ мысль, что Христось не только грѣшникъ (Іоан. IX, 24), не только самарянинъ (Іоан. VIII, 48), но что Онъ просто одержимъ бѣсомъ, и свои чудныя дѣла творить именно силою бѣсовскою (Мѡ. XII, 24 и др.). Разумѣется, что такое отношеніе книжниковъ и фариसेевъ ко Христу не оставалось безъ вліянія на народъ, и умъ, и сердце, и вѣрованія, и понятія котораго были въ полной власти ихъ. Но кромѣ этого, книжники и фариसेи, въ цѣляхъ отклоненія народа отъ вѣры во Христа, прибѣгли, какъ сообщаютъ намъ евангелія, къ мѣрамъ

преслѣдованія. Они „сговорились, чтобы кто признаетъ Иисуса за Христа, того отлучать отъ синагоги“ (Іоан. IX, 22). Мѣра эта была очень дѣйствительна и многіе боялись быть отлученными, такъ какъ это значило—попасть въ крайне тяжелыя житейскія отношенія: отлученный не окончательно (болѣе легкая форма отлученія) послѣ публичнаго обличенія въ синагогѣ, удалялся отъ общенія съ своими домочадцами въ пищу и питъѣ на одинъ мѣсяць, а отлученный совершенно, кромѣ того, лишался права быть членомъ синагоги, входить въ зданіе молитвеннаго дома, и въ какія бы то ни было сношенія съ другими людьми; онъ долженъ былъ жить уединенно въ шатрѣ; къ нему приближаться можно было не больше, какъ на четыре локтя ¹⁾. Понятно, что немного находилось среди еврейскаго народа такихъ мужественныхъ лицъ, какъ евангельскій слѣпорожденный (Іоан. IX, 1—38).

Такимъ то образомъ, книжники и фариसेи и сами не входятъ въ царство небесное, οὐδὲ τοὺς εἰσερχομένους ἀφίεσαι ἐσελθεῖν, собственно „ни входящимъ позволяете войти“, какъ по славянски—ни входящихъ оставляете внити“. Что значить „входящихъ?“ спрашиваетъ св. Златоустъ. Оно означаетъ способныхъ“ ²⁾. Итакъ, первое „горе“ книжникамъ и фарисеямъ Христосъ возвѣщаетъ за то, что они ни сами не входятъ и другихъ не пускаютъ въ Царство Небесное. Книжники и фариसेи „не только ничего не дѣлали сами, но, что гораздо пагубнѣе, развращали еще и другихъ. Это суть люди, которыхъ должно назвать язвою, поставляющіе своимъ дѣломъ пагубу другихъ и совершенно противоположны истиннымъ учителямъ. Ибо, если дѣло учителя спасать погибающаго, то погублять желающаго спастись дѣло губителя“ ³⁾. „Сильное это обличеніе“, замѣчаетъ Евфимій Зигабень ⁴⁾. По мнѣнію Оригена, обличеніе это относится и къ тѣмъ изъ насъ, „которые грѣшатъ; потому что всѣ тѣ, которые худымъ поведеніемъ даютъ народу примѣръ ко грѣху и такимъ образомъ поступаютъ несправедливо въ отношеніи къ немощнымъ и несовершеннымъ во Христѣ, запираютъ Царство Не-

¹⁾ Никитина, *ibid.* стр. 158—9.

²⁾ Бесѣды, стр. 339.

³⁾ *Ibid.* стр. 339.

⁴⁾ Толк. Ев. стр. 340.

бесное передъ людьми и сами не входятъ, и другимъ не позволяютъ войти. Этимъ грѣхомъ можетъ быть запятнанъ и простой человѣкъ, но въ особенности-же тѣ учителя, которые людей учатъ евангельской правдѣ, а сами не исполняютъ того, чему учатъ, такъ какъ они худые пастыри; по этой причинѣ они не щадятъ овецъ и не заботятся о спасеніи ихъ, но все вниманіе свое всегда обращаютъ на тѣ выгоды, которыя получаютъ отъ народа. Народъ повидимому пасутъ, хотя на дѣлѣ не пасутъ его... Горе тѣмъ, которые запираютъ Царство Небесное передъ людьми такимъ путемъ или инымъ, и блаженны тѣ, которые открываютъ его или словомъ, или своими добрыми дѣлами, ибо чѣмъ больше кто успѣваетъ въ благочестіи, тѣмъ больше онъ открываетъ Царство Небесное людямъ. Итакъ, полагаю, продолжаетъ Оригенъ, что тѣ, кто въ церкви, совершенно запираютъ Царство Небесное людямъ своимъ худымъ поведеніемъ, и открываютъ добрыми дѣлами. Преимущественно же это тѣ, кто наиболѣе славенъ въ церкви—каковы епископы, пресвитеры, діаконы. Ибо хорошо живя и хорошо уча слову истины, открываютъ Царство людямъ, и поскольку входятъ сами, постольку призываютъ и другихъ войти туда. Худые-же, которые не суть пастыри, но наемники, запираютъ Царство Небесное“¹⁾).

Слѣдующаго—14 стиха во многихъ древнихъ рукописяхъ и комментаріяхъ, какъ наприм. у Оригена, вовсе нѣтъ²⁾). Такъ какъ едва ли справедливо думать, что онъ нѣкоторыми переписчиками просто по недосмотру пропущенъ, то въ виду этого большинство толкователей и изслѣдователей текста приходятъ къ тому предположенію, что его здѣсь и на самомъ дѣлѣ не было и что онъ потомъ внесенъ сюда изъ ев. Луки, XX, 47 или ев. Марка XII, 40. Въ другихъ спискахъ замѣчается въ этомъ мѣстѣ иная особенность: 14-й стихъ стоитъ впереди только-что изъясненнаго 13-го, такъ наприм. у св. Златоуста. Принимая во вниманіе оба эти обстоятельства, равно какъ и внутреннюю связь 13, 14 и 15 стиховъ, едва ли можно отрицать, что связь 14-го стиха нѣсколько испорчена. Ибо тѣ два

¹⁾ Origenis, *ibid.* p. 859 Scq.

²⁾ См. Тишендорфа, Вебера и др.

„горе“, ст. 13 и 15, представляются въ тѣсной связи. Такъ какъ фарисеи, съ одной стороны, запираютъ Царство Небесное людямъ, а съ другой, озабоченно ищутъ послѣдователей своей секты или чтобы обратить въ иудейство хоть одного язычника, такъ съ одной стороны, препятствуютъ однимъ войти въ Царство Небесное, такъ же, съ другой, самыхъ прозелитовъ лишаютъ той вѣры и благочестія, которыя въ иномъ случаѣ язычники могли бы найти. Поэтому, если должно удержать ст. 14, то лучше помѣщать его, какъ у греческихъ отцевъ, тотчасъ въ началѣ этой части обличительной рѣчи“¹⁾.

Ст. 14. *Горе вамъ, книжники и фарисеи, что поядаете дома вдовъ и лицемерно долго молитесь.*

„Бсть, поядать дома“—это очень употребительное на востокѣ и у классическихъ народовъ выраженіе для выраженія мысли „захватывать, похищать, расхищать чье нибудь имущество“: такъ, наприм., о женихахъ Пенелопы говорится, что они поѣдали домъ Одиссея²⁾.

Вдовы у евреевъ стояли подъ особымъ покровительствомъ закона: „вдовы не притѣсняйте“ (Исх. XXII, 22), „вступайтесь за вдову“ (Ис. I, 17), „не суди превратно вдову и у вдовы не бери одежды въ залогъ“ (Вт. XXIV, 17),—вотъ ясныя и категорическія повелѣнія закона по этому предмету. Для бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и пришельцевъ не должно запрещать входъ въ виноградникъ (Втор. XXIV, 24), на нивѣ они могутъ срывать колосья (*ibid.* XXIV, 25). Каждый израильтянинъ не долженъ до конца дожинать свое поле и убирать дочиста свой виноградникъ и оливки въ тѣхъ видахъ, чтобы остатками могли воспользоваться еще и вышеуказанныя лица (Втор. XXIV, 19—22). Защитникомъ и покровителемъ вдовъ объявляетъ себя Самъ Богъ. Изъ особенностей въ покровительствѣ вдовамъ и сиротамъ можно отмѣтить слѣдующее: имъ наряду съ сиротами и увѣчными отдѣлялись извѣстныя части военной добычи (II Макк. VIII, 28. 30); имущество ихъ и сиротское хранилось въ храмовой сокровищницѣ (II Макк. III, 10). Впрочемъ не-

1) Knabenbauer, II, p. 285.

2) У Wetstenius'a, p. 482.

обходимо замѣтить, что послѣднее не было исключительной привилегіей вдовъ и сиротъ, такъ какъ, ко времени Христа, повидимому, среди евреевъ было особенно распространеннымъ обычаемъ хранить свои сокровища въ храмовой сокровищницѣ, какъ совершенно неприкосновенномъ мѣстѣ, такъ что даже достаточные Іудеи ограничивались тѣмъ, что строили себѣ изъ своихъ средствъ домъ, а все остальное влагали въ сокровищницу храмовую¹⁾. И однако же, не смотря на то, что въ отношеніи ко вдовамъ Законъ предписываетъ возможно полное милосердіе и сострадательность, и рекомендуетъ оказывать имъ всевозможное покровительство, алчность книжниковъ и фарисеевъ была такова, что заставляла ихъ забывать всѣ эти предписанія Закона и отнимать у вдовъ ихъ „дома“ т. е. имущества, средства къ жизни, въ чемъ бы они ни заключались. Фарисеевъ наши евангелія хорактеризуютъ между прочимъ, какъ людей „сребролюбивыхъ“. Благочестіе обяывало ихъ къ скромной и даже бѣдной жизни, къ нестяжательности и безкорыстію²⁾, но книжники и фарисеи прекрасно понимали цѣну деньгамъ, они отлично сознавали, что деньги даютъ человѣку положеніе и вліяніе, что бѣднякъ въ гражданскомъ отношеніи всѣми приравнивается просто къ мертвому³⁾ и что богатство при ихъ благочестіи вещь весьма не лишняя (чтобы, напримѣръ, имѣть возможность производить публичную раздачу милостыни Мѡ. VI, 2). Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что для массы фарисеевъ ихъ благочестіе было чѣмъ то въ родѣ ремесла, которымъ человѣкъ живетъ и изъ котораго наживается, то нисколько не будетъ удивительнымъ, что фарисеи развили у себя хищническіе инстинкты. Жертвами ихъ алчности становились прежде всего и больше всего вдовы. По мнѣнію нѣкоторыхъ, широкій и полный просторъ для этого рода злоупотребленій давалъ фарисеямъ обычай вдовъ помѣщать свои сбереженія въ сокровищницу храма, откуда книжники и фарисеи подъ различными благочестивыми предлогами и растаскивали

1) Іосиф. Фл. Война, VI, 5. 2. ср. II Макк. III, 11.

2) См. множ. изреч. въ этомъ родѣ въ Pirke Aboth.

3) Wünsche, S. 466.

ихъ ¹⁾. Но доказать, что дѣло такъ именно обстояло, едва ли возможно. Это только догадка, не имѣющая пока за себя какихъ-нибудь ясныхъ и положительныхъ доказательствъ, и при томъ, догадка, основанная на истолковываемомъ мѣстѣ нашей главы. Можетъ быть это и было такъ, но положительно утверждать это за отсутствіемъ историческихъ данныхъ невозможно.. Но кромѣ того, эта догадка должна потерять значительную долю своей достовѣрности, если мы примемъ во вниманіе, что въ храмѣ хозяевами, такъ сказать, были саддукеи—священники, а не фарисеи, и что церковною казною и всякими вкладами туда завѣдывали именно первые, а не послѣдніе какъ это видно изъ Мѡ. XXVII, 6: *первосвященники*, взявши сребренники, сказали: непозволительно и проч., равно какъ и изъ Мѡ. XXVI, 14—15, гдѣ именно первосвященникъ представляется распоряжающимся казною храмовою ²⁾. Затѣмъ, и самое выраженіе „поядаете дома“ указываетъ на то, что книжники и фарисеи мало по малу прибирали къ своимъ рукамъ не только деньги вдовъ, но и все вообще имущество вдовъ съ домами въ собственномъ смыслѣ слова, и что, слѣдовательно, хищеніе книжниковъ и фарисеевъ имѣло болѣе широкія границы и далеко не ограничивалось только денежными вкладами въ храмовую казну. Въ виду всего сказаннаго, кажется, будетъ гораздо вѣроятнѣе дѣло представлять такъ. Ев. Лука сообщаетъ, что за Христомъ ходили *многія жены, которыя служили Ему имѣніемъ своимъ* (VIII, 3). Вѣроятнѣе всего, что въ большинствѣ случаевъ это исцѣленные Христомъ и глубоко увѣровавшія въ Него женщины, которыя, слѣдуя за Нимъ, снабжали Его и Его учениковъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ всѣмъ потребнымъ въ жизни и, можетъ быть, даже деньгами, чтобы можно было купить нужное. Это, отмѣченное евангелистомъ явленіе, вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ, что бывають только въ исключительные моменты въ жизни народа: оно несомнѣнно имѣло мѣсто еще до Христа, какъ имѣетъ мѣсто и въ наши дни. Одинъ изъ классическихъ писателей замѣчаетъ: „женскій полъ наиболѣе

1) Richm, *ibid.* art. Witwen, II, S. 1765.

2) Сравн. II Мак. III, 8—23.

склоненъ къ благочестію“¹⁾). Эта всегдашняя склонность женщинъ къ благочестію порождаетъ во всѣ времена явленія въ томъ-же родѣ, что и отмѣченное евангелистомъ. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что женщины по своей неизмѣнной склонности къ благочестію способны беззавѣтно привязываться къ той личности, въ которой онѣ видятъ осуществленіе своего религіозно-нравственнаго идеала, и во имя этого послѣдняго, приносить такой личности всевозможныя жертвы. Книжники и фари́сеи несомнѣнно и пользовались этой чертой женскаго характера, что для нихъ было тѣмъ легче, что съ этой стороны они прекрасно расчистили себѣ путь, уча, что служить книжнику величайшая заслуга. „Кто старается поддержать ученаго (книжника) и содержать на свои средства, тотъ дѣлаетъ то же, какъ если бы онъ заключилъ союзъ съ Богомъ“, а „кто радушно принимаетъ у себя книжника, кормить его и одаряетъ изъ своего имущества, тотъ какъ бы приносить ежедневную жертву“ и „всѣ пророки предсказывали спасеніе тому, кто или выдастъ свою дочь за книжника, или доставить ему возможность заработать или же позволить ему пользоваться изъ своего имущества“²⁾). Такого рода наставленія, съ одной стороны, и лицемѣрное благочестіе съ другой, способны были, конечно, усыпить бдительность и осторожность женщинъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что фари́сеи и книжники втираются въ довѣріе послѣднихъ и потомъ это довѣріе эксплуатируютъ въ свою пользу самымъ наглýmъ образомъ. Иосифъ Флавій отмѣчаетъ въ своихъ повѣствованіяхъ, что фари́сеи пользовались вліяніемъ на женщинъ, и что послѣднія были преданы имъ³⁾, и тоже готовы были охотно жертвовать своимъ имуществомъ для фари́сеевъ: однажды Иродъ наложилъ на фари́сеевъ, отказавшихся дать ему присягу, денежный штрафъ, и знатныя женщины тотчасъ же поспѣшили внести потребную сумму⁴⁾. Въ Римѣ одинъ іудеянинъ, „представлявшій изъ себя толкователя Моисеева закона (слѣд. книжникъ),

1) У Wetstenius'a, p. 485.

2) Wünsche, s. 140 и 142.

3) Др. XVII, 2, 4.

4) Ibid. XVII, 2, 4.

приобщивъ къ себѣ еще троихъ, во всемъ подобныхъ себѣ товарищей, преклонилъ одну знатную римскую жену, по имени Фульвію, принявшую по ихъ наставленію законъ Моисеевъ, чтобъ она послала отъ себя въ даръ во храмъ іерусалимскій золота и порфиру. Но когда обманщикъ эти дары получилъ отъ нея въ свои руки, то расточилъ ихъ съ своими товарищами на собственные безпутства, для чего собственно и старался выманить ихъ отъ Фульвіи ¹⁾, рассказываетъ еще Іосифъ Фл. Обманщики эти потерпѣли наказаніе, но, конечно, благодаря только тому, что обманутая принадлежала къ лицамъ, приближеннымъ къ трону. Но мы можемъ себѣ представить, сколько разъ эти люди могли поступать подобнымъ образомъ надъ лицами, хотя и достаточными, но не знатными. При томъ же Фульвія имѣла мужа, который, собственно, и выступилъ противъ обманщиковъ. Но отсюда ясно, что подобная продѣлка осталась бы и не обнаруженной и не наказанной, если бы она была вдовой. Но если фарисеи отваживались на подобныя продѣлки съ лицами, отъ которыхъ всегда могли ожидать себѣ и кары, то можно себѣ представить, что они могли продѣлывать съ беззащитными вдовами и сиротами. Они скорѣе и вѣрнѣе другихъ становились жертвами фарисейской алчности и лицемѣрія: неумѣнье распорядиться своими средствами, неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, незнаніе людей и постоянное стремленіе всѣ свои дѣла совершать путемъ покровительства—все это несомнѣнно облегчало фарисеямъ, этимъ виртуозамъ въ темныхъ продѣлкахъ, дѣло опутыванія и грабежа вдовъ и сиротъ. Фарисеи доходили въ этомъ отношеніи до такого безстыдства, что зачастую дѣтей вдовъ употребляли въ качествѣ средства къ высасыванію имущества матери—вдовы.—По признанію самихъ раввиновъ, „есть такіе фарисеи, которые совѣтуются съ дѣтьми (сиротами), чтобы восхитить доходы вдовы“ ²⁾. А когда раввинъ Саббатай расхитилъ имущество одной вдовы и послѣдняя пришла съ жалобой къ раввину Елеазару, то послѣдній сказалъ ей: фарисейскій бичъ

¹⁾ Ibid. XVIII, 3. 5.

²⁾ Schoettgenii, p. 199,—Wetstenii, p. 483.

коснулся тебя (*plaga pharisaeorum tetegit te*). Очевидно, что такія вещи были дѣломъ обыкновеннымъ и фарисейскій бичъ носился постоянно, поражая вдругъ то того, то другого. Припомнимъ здѣсь и поведеніе фарисеевъ въ отношеніи къ царицѣ Александрѣ, о которой мы упоминали выше. „Александра, будучи набожна больше другихъ, слушала фарисеевъ. А эти по простотѣ Александры, вкравшись къ ней въ довѣріе, сдѣлались тотъ-часъ правителями всѣхъ дѣлъ“..., но при томъ такъ поставили дѣло, что „они пользовались выгодами царства, а расходы и трудности сносила Александра“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы облегчать положеніе вдовъ и сиротъ, фарисеи грабили ихъ, пользуясь въ этихъ цѣляхъ всевозможными средствами; но самымъ лучшимъ средствомъ, и приступить къ своей жертвѣ, и затѣмъ покрыть свое преступленіе было—благочестіе. Въ этихъ видахъ фарисеи *мичетрно долго молились*.

Молитва, какъ непосредственное обнаруженіе религіознаго чувства и сознанія, была издревле главнымъ способомъ, посредствомъ котораго человѣкъ выражалъ свои отношенія къ Богу, и со времени Еноса стала непремѣнной частью общественнаго богослуженія (Быт. IV, 26). Молитва была настолько дѣломъ обычнымъ въ жизни человѣка, что Моисей не далъ какого нибудь спеціальнаго предписанія на этотъ счетъ, потому что въ немъ не было никакой необходимости: при совершеніи всѣхъ храмовыхъ церемоній она подразумѣвалась, какъ непремѣнная часть ихъ. Но со времени плѣна молитва заняла среди другихъ религіозныхъ проявленій іудея самое первое мѣсто. Въ плѣну, лишенный святилища и соединенныхъ съ нимъ религіозныхъ церемоній, іудей могъ только молиться и молиться. Теперь молитва „стала великой силой времени“ и съ этимъ значеніемъ великой силы она перешла и въ христіанство. Въ послѣдствіи молитва была приурочена къ синагогальнымъ собраніямъ и стала составною частію синагогальнаго богослуженія. По ревности къ благочестію, равно какъ и въ силу общаго нарушенія религіозности послѣ-плѣннаго іудея,

1) Иос. Фл. Война.

теперь было точно опредѣлено, сколько разъ въ день, и когда нужно было молиться, что нужно было читать и какъ читать. Но справедливо замѣчаетъ Schürer ¹⁾, что какъ только молитва, этотъ центръ религіозной жизни, попадетъ въ оковы окоченѣлаго механизма, тогда едва ли уже можетъ быть рѣчь о живомъ благочестіи. Молитва лишается своего духа, становится только дѣломъ устъ, но не сердца (Ис. I, 15,—XXIX, 13). Это и случилось ко времени Христа.

Главными частными молитвами въ это время были *Шма*, названная такъ по первому начальному слову и *Шмоне Езре*, обыкновенная дневная молитва ²⁾. Какъ составная часть *Шмы*, ежедневно были прочитываемы и тѣ отрывки изъ Второзаконія, которые были начертываемы на филактеріяхъ (см. выше). Сообразно смѣнѣ дня молитва была приурочена къ тремъ пунктамъ времени, утру, полудню и вечеру, соответственно утреннему и вечернему жертвоприношенію и старинному обычаю молиться въ полдень. *Шма* должна быть прочитываема два раза, утромъ и вечеромъ,—*шмоне езре*—три раза. Раввины постарались прежде всего точно ограничить тѣ предѣлы времени, когда можно было молиться. Это раннее утро, какъ только можно бываетъ отличить голубой цвѣтъ отъ бѣлаго или свѣтлозеленаго, и, начиная съ этого момента, весь день и конецъ первой ночной стражи—вотъ эти предѣлы времени. Но въ этомъ промежуткѣ времени еще точно опредѣлили время для чтенія *шмы* утренней и вечерней ³⁾. Въ Иерусалимѣ благочестивые люди къ этому времени спѣшили обыкновенно въ храмъ, чтобы здѣсь, вмѣстѣ съ куреніемъ жертвы, вознести и свои молитвы; въ провинціи собирались въ синагоги. Тѣ, которыхъ время молитвы заставало за дѣлами или на пути, если были благочестивы, останавливались и тутъ же на улицахъ и площадяхъ совершали положенныя молитвы. Особенно строго придерживались этого книжники и фарисеи, которыхъ очень часто можно было видѣть молящимися на перекресткахъ и площадяхъ, такъ какъ они, повидимому, нарочито старались, въ

¹⁾ В. II, s. 408.

²⁾ Ibid. В. II, s. 408. Wünsche, s. 80.

³⁾ Schürer, II, s. 408 ff.

цѣляхъ поддержанія славы о себѣ, какъ людяхъ, въ высшей степени благочестивыхъ, появляться въ эти минуты въ самыхъ людныхъ частяхъ города, перекресткахъ и площадяхъ, чтобы показаться съ этой стороны возможно большому числу людей. (Мѡ. VI, 5). Затѣмъ точно было опредѣлено, когда и какой необходимо было употребить пріемъ, какъ читать свою молитву, очень отчетливо или нѣтъ, такъ ли громко, чтобы слышали другіе, или только, чтобы самому только было слышно или совсѣмъ молча; что нужно было дѣлать, если вдругъ кто нибудь сбивался и проч., проч. ¹⁾). Очевидно, и молитва должна была испытать ту же участь, какъ и всякое другое проявленіе религіозной жизни и подвергнуться самой тщательной и точной регламентаціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все ближе и очевиднѣе становилась опасность низвести молитву на степень однихъ лишь чисто механическихъ процессовъ, вычитыванія извѣстнаго ряда словъ, продѣлыванія пріемовъ и проч., на степень чего то, въ существѣ дѣла, совершенно бесполезнаго, но необходимаго лишь потому, что такимъ образомъ человѣкъ зарабатываетъ себѣ у Бога извѣстное вознагражденіе въ будущей жизни. Повидимому, современное Христу іудейство дошло и до этого. И это прекрасно понимали и лучшіе изъ раввиновъ, отсюда ихъ усиленные и настойчивыя напоминанія, что кто молится, тотъ долженъ молиться передъ Богомъ, что молитва—бесѣда сердца съ Богомъ, что молящійся долженъ представлять предъ собою Бога и проч. ²⁾).

Другая крайность, всецѣло опредѣляемая взглядомъ на молитву, какъ на нѣчто внѣшнее, состояла въ томъ, что молитву слишкомъ растягивали. Сами раввины порицали долгія молитвы и тѣ изъ раввиновъ, которые на общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ произносили краткія молитвы, прославились. Но это тѣмъ именно и объясняется, что общее направленіе было какъ разъ противоположное. Взявшись самымъ точнымъ образомъ опредѣлить все, что относится до молитвы, книжники дошли даже до того, что стали указывать, какъ должно было произноситься какое слово молитвы, и даже его буквы. „Есть

¹⁾ Ibid. В. II, s. 409.

²⁾ Wünsche, s. 80—81.

преданіе, говорится въ Талмудѣ, что Симмахъ сказалъ: кто протягиваетъ въ крышмѣ слово *ahad*, того дни и годы протянутся“. Но естественно спросить, какъ же долго тянуть это слово? „Нѣтъ необходимости, чтобы ты тянулъ это слово послѣ того, какъ въ своемъ умѣ ты вспомнешь и прославишь Бога, Царя вышнихъ и низшихъ, и четыре страны неба“, отвѣчаетъ другой раввинъ. Но такъ какъ упомянутое слово состоитъ изъ трехъ буквъ, то спрашивается, всѣ-ли ихъ одинаково долго нужно протягивать голосомъ. Нѣтъ, оказывается. „Равв. Аха увѣщаетъ, что особенно долго должно протягивать звукъ, выражаемый буквой *далеть*, а равв. Азе замѣчаетъ, что особенно должно остерегаться протягивать букву *хетъ*“. Но этого мало. Со временемъ стали рекомендовать тянуть указанное слово еще дольше. „Кто протягиваетъ букву *далеть* въ словѣ *ahad* до тѣхъ поръ, пока уста его не накалятся (*incalescat*), тотъ вступаетъ на дорогу, которая поднимается отъ земли до неба и переходитъ чрезъ седьмое небо“, замѣчаетъ Талмудъ. Что касается того, почему же именно такое предпочтеніе отдается буквѣ *далеть* предъ другими, то это понять довольно трудно. „Съ единствомъ Божіимъ долженъ быть соединяемъ страхъ, поэтому необходимо, чтобы *далеть* въ словѣ *ahad* протягивался, потому что онъ великъ“¹⁾. Вотъ прекрасный примѣръ того, до какихъ нелѣпыхъ крайностей могла доводить книжниковъ и фариисеевъ механическая точка зрѣнія на молитву, ясно показывающій въ то же время, что этой молитвѣ недоставало уже искренности, свѣжести, чувства, той внутренней жизни и силы, которыя сами указываютъ человѣку, на чемъ онъ долженъ остановить свое вниманіе въ данную минуту молитвы, и какъ долго. Это было уже лицемѣріе, только видъ молитвы, но не молитва. Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ произнесенія, молитва очень затягивалась. Но ее затягивали зачастую специально для того только, чтобы затянуть, такъ какъ для того времени, въ теченіе котораго должно молиться, опредѣленъ былъ только минимумъ, но не максимумъ. Въ этомъ отношеніи идеаломъ служили религіозные люди древности, которые, по Талмуду, въ те-

1) Объ всемъ этомъ у Schoettgenius'a, p. 200, seq.

ченіе цѣлаго часа до начала молитвы сидѣли и настраивали себя на соотвѣтственный ладъ, молились затѣмъ въ теченіе цѣлаго часа и въ теченіе-же часа сидѣли еще послѣ молитвы въ цѣляхъ сохраненія и укрѣпленія въ душѣ молитвеннаго настроенія. Отсюда для всякаго, кто хотѣлъ быть болѣе или менѣе безукоризненнымъ въ отношеніи исполненія своихъ молитвъ, возникло правило: готовиться къ молитвѣ часть, молиться часть и размышлять по окончаніи молитвы тоже часть ²⁾). Итакъ, не меньше трехъ часовъ за разъ. Но это минимумъ, а больше, отъ усердія или, скорѣе, въ силу желанія показаться особенно благочестивымъ, можно было, сколько угодно. Если мы примемъ во вниманіе, что моленія приурочены были къ тремъ моментамъ дня, то ясно, что благочестивый фари́сей долженъ былъ проводить въ молитвѣ не меньше девяти часовъ въ сутки. На самомъ же дѣлѣ они употребляли на молитву гораздо больше времени. Въ этомъ то обстоятельствѣ и заключается на первый взглядъ неуловимая связь между пояданіемъ имущества вдовъ и ихъ обычаемъ долго молиться. Въ самомъ дѣлѣ, сколько времени оставалось у книжниковъ или фари́сеевъ для ихъ домашнихъ дѣлъ, если они на одну молитву удѣляли девять, а можетъ быть и больше часовъ. Само собою понятно, что при такомъ незначительномъ количествѣ времени, которымъ могъ воспользоваться для совершенія своихъ дѣлъ, своихъ работъ или ремесленныхъ какихъ нибудь занятій, фари́сей, онъ не могъ сколько нибудь обезпечить себя и свою семью. Но въ такомъ случаѣ, откуда же могли получать и какими путями могли добывать себѣ матеріальныя средства книжники и фари́сеи? „Если они каждый день посвящаютъ молитвѣ девять часовъ, то какимъ образомъ они пекутся о своихъ мірскихъ дѣлахъ? спрашиваетъ Талмудъ,—а „тѣмъ именно, что они благочестивы“—отвѣчаетъ онъ тотъ-часъ же ¹⁾). Такимъ образомъ, они, выражаясь народной поговоркой, двухъ зайцевъ сразу ловятъ: и заповѣдь о молитвѣ во всей ея полнотѣ выполняютъ, и хлѣбъ себѣ насущный зарабатываютъ. Какимъ-же это образомъ? Вѣроятно же всего путемъ привлеченія къ себѣ

²⁾ Lightfooti, p. 430.

¹⁾ Lightfootii, p. 430.

благотворителей. Всѣ, кто могъ сознавать, сознавали, что этимъ благочестивымъ людямъ заниматься мірскими дѣлами невозможно, отсюда, со стороны тѣхъ, кто цѣнилъ это благочестіе, готовность оказать имъ посильную поддержку и помощь. Чѣмъ больше кто удѣлялъ времени на молитву, тѣмъ болѣе, понятно, нуждался въ этихъ благотворителяхъ,—а послѣдніе не могли также не понимать этой простой и очевидной истины и стекались къ подобному богомольцу тѣмъ въ большемъ числѣ. Такимъ путемъ, оказалось, гораздо легче можно было заработать себѣ не только потребное для жизни, но даже и гораздо больше того. Молитва теперь перестала уже быть просто молитвой, а стала средствомъ для совершенно иныхъ цѣлей. Фарисеи и стали специализироваться въ эксплуатаціи этого источника дохода. Главный контингентъ ихъ благотворителей состоялъ, конечно, изъ женщинъ, которыя, какъ отмѣчаетъ еврейскій историкъ, были особенно преданы фарисеямъ, такъ какъ благочестіе послѣднихъ привлекало ихъ къ нимъ. Фарисеи, какъ и всякій ремесленникъ, стремились извлечь изъ своего ремесла возможно большія выгоды, а потому неудивительно, что благотворители ихъ, при малѣйшей оплошности съ своей стороны или излишней довѣрчивости, моментально были обираемы дочи́ста. Несомнѣнно, что жертвами фарисейскаго лукавства и алчности были не однѣ вдовы, а и жены мужей, и очень вѣроятно, что и самые мужья; если же Христосъ говоритъ о вдовахъ, то потому, что, будучи учителями Закона и образцами нравственности, они спокойно грабили и вдовъ, которыхъ такъ защищаетъ тотъ же Законъ: самые учителя вопіющимъ образомъ нарушали то, чему учили другихъ.

Зато примете тѣмъ большее осужденіе... продолжаетъ Христосъ. „Ибо, кто подъ видомъ добра дѣляетъ зло, достоинъ большаго осужденія“ ¹⁾. „Если всякій дѣлающій зло, заслуживаетъ наказаніе, то гораздо жесточайшему наказанію подлежитъ тотъ, кто, принявши на себя образъ благочестія, употребляетъ оное для прикрытія своихъ злыхъ дѣлъ“ ²⁾. „Всякій согрѣшающій достоинъ наказанія, а тотъ, кто дѣляетъ доброе

¹⁾ Благов. Блаж. Теофил., стр. 303.

²⁾ Св. Злат. Бесѣды, стр. 338.

дѣло, чтобы чрезъ это имѣть потомъ возможность совершить какой-либо грѣхъ, будетъ наказанъ строже“³⁾). Молитва—это сердце внутренняго, взору чужого недоступнаго святилища души, это единственное сокровище, которымъ человекъ по справедливости долженъ дорожить. Злоупотребленіе, эксплуатація ея, это, по энергичному выраженію Кейма, „проституція молитвой“⁴⁾), съ одной стороны, грабительство вдовъ, стоящихъ подъ особымъ покровительствомъ Закона, съ другой, и грабительство со стороны тѣхъ, кто проповѣдывалъ этотъ самый Законъ; съ третьей, все это указываетъ на крайнее нравственное извращеніе фарисеевъ, заслуживающее особаго осужденія.

Свящ. Григорій Мозолевскій.

(Продолженіе будетъ).

---

³⁾ Ев. Зигабенъ. 339.

⁴⁾ Keim, *ibid.* В. I, с. 265.

Можетъ ли древность религіозныхъ вѣрованій и учрежденій служить доказательствомъ ихъ истинности?

„Всякій, кто можетъ возвыщать истину и не возвыщаетъ ея, будетъ осужденъ Богомъ“. (Св. Іустинъ Философъ „Разговоръ съ Триф. іуд.“ стр. 82).

Быстрое распространеніе христіанской религіи въ языческомъ мірѣ, получившее себѣ блестящее начало, благодаря самоотверженнымъ трудамъ первыхъ, уполномоченныхъ свыше, миссіонеровъ—апостоловъ, приняло особенно широкіе размѣры во II и III в.в., когда христіанское общество, пополняя свои ряды цѣлыми тысячами лицъ всякаго пола, возраста и состоянія, все болѣе и болѣе разросталось въ своемъ числѣ. Такой поразительный для окружающихъ, но вполне заслуженный успѣхъ христіанства нанесъ весьма ощутительный ударъ глубоко-коснѣвшему дотолѣ въ тинѣ „закоренѣлаго суевѣрія“ язычеству, оторвавъ значительную часть его послѣдователей и угрожая безопасности его дальнѣйшаго существованія. Враждебно настроенные противъ христіанъ язычники, видя всю силу опасности со стороны своихъ противниковъ, въ свою очередь рѣшили всѣми мѣрами отстоять прежній авторитетъ своей религіи и „искоренить“ широко-развѣтвляющіеся корни новой вѣры, „этого, по ихъ мнѣнію, врага рода человѣческаго“¹⁾. Такимъ образомъ, неминуемое столкновеніе христіанства съ язычествомъ вызвало со стороны послѣдняго сильную реакцію, которая была двоякаго рода: съ одной стороны, грубая, матеріальная, выразителемъ которой былъ Римъ, а съ другой,—духовная, литературная, имѣвшая своими представителями ученыхъ эллиновъ.

¹⁾ Patrologiae cursus complectus. Migne. tom. I. Tertull. „Apologeticum“, cap. 40.

Въ Римѣ сильная вражда язычниковъ противъ христіанъ выразилась прежде всего и главнымъ образомъ въ томъ, что государственная власть совмѣстно съ народною массою возводила на нихъ многочисленныя серьезныя обвиненія религіознаго и политическаго характера. Такъ ихъ ложно обвиняли въ „безбожіи“¹⁾, въ общественныхъ несчастіяхъ, каковы: голодъ, моровая язва, наводненіе, землетрясеніе²⁾ и др.,—въ безнравственныхъ поступкахъ: въ умерщвленіи дѣтей, яденіи ихъ мяса, въ кровосмѣшеніи³⁾, и др., а также—въ преступленіяхъ уголовно-политическаго характера, напр., во введеніи новаго, недозволеннаго культа (*crimen laesae divinitatis*), въ устройствѣ тайныхъ собраній, въ оскорбленіи императорскаго величества (*crimen laesae majestatis*), въ удаленіи отъ общественной жизни⁴⁾ и пр.

Но этимъ ненависть римскихъ властей и народа противъ христіанъ не исчерпывалась. Прикрывая свой ярый фанатизмъ личиною истиннаго правосудія, они, наконецъ, подняли на христіанъ кровавыя гоненія, по своей крайней жестокости и продолжительности, не имѣвшія себѣ ничего подобнаго во всей истекшей исторіи человѣчества. Трудно даже вообразить себѣ, что должны были претерпѣть христіане въ эту страшную пору

1) Ibidem. cap. 17. 24; „Памятники древней христіан. письменности въ рус. перев. Сочиненія древ. хр. апологетовъ т. III св. Іуст.“ „Апология“ I, гл. 6. 13. 16; т. V. Аппинагоръ. „Прошеніе о христ.“ гл. 3. 4. 10. 14; св. Теофилъ Антиох. „Три книги къ Автолву о вѣрѣ христ.“ 3 кн., гл. 4; Минуцій Фел. „Октавій“ гл. 18; „Nova bibliotheca veterum patrum et scriptorum ecclesiasticorum“ t. I. Arnobii „disputationum adversus gentes“ lib. I, c. 25.

Примѣчаніе. Среди обвиненій, возводимыхъ на христіанъ язычниками, самымъ распространеннымъ и важнымъ было—обвиненіе въ „безбожіи“. Оно было настолько распространено, что слова „христіанοί и ἄθεοι“ сдѣлались почти синонимами на народномъ языкѣ. „Αἶρε τοὺς ἄθεοις!“ кричалъ народъ проконсулу, требуя наказать христіанъ (Евсев. Н. Е. IV, 15).

2) Ibidem. c. 40; Nova bibliotheca veterum patrum et scriptorum ecclesiasticorum. t. I. Arnobii „disputationum adversus gentes“ lib. I, c. 1. 2. 3. 5. 8. 12. 20. 22.

3) Ibidem. c. 7. 8. 9. 39; св. Іуст. „Апология I“, гл. 13. 27; „Апология II“, гл. 12. 14; Татианъ „Рѣчь противъ эллиновъ“ гл. 25. 32; св. Теоф. Антиох. „Три кн. къ Авт.“ 3 кн. гл. 4; Минуцій Феликсъ „Октавій“ гл. 9. 10. 30.

4) Ibidem. c. 4. 6. 24. 28. 30. 31. 35. 39. 42; св. Іустинъ „Апол.“ I, гл. 11. 12; св. Теоф. Ант. „I книга къ Автолву о христ. вѣрѣ“, гл. 11. 17; Arnobii „disputationum adversus gentes“ lib. I, c. 4.

гоненій. Тогдашняя римская власть испробовала на христіанахъ, кажется, всѣ возможные способы мученія: однихъ изъ нихъ во время народныхъ торжествъ бросали на растерзаніе звѣрямъ, другихъ живыми, съ камнемъ на шеѣ, — въ море, третьихъ повергали на раскаленное желѣзо, четвертымъ, наконецъ одинъ за другимъ отрубали члены, отсѣкали головы, и невинная христіанская кровь тогда текла широкимъ потокомъ по греко-римской имперіи.

Но эти кровавыя преслѣдованія со стороны разсвирѣпѣвшихъ язычниковъ не въ силахъ были задержать быстрого распространенія христіанства. Древніе христіане, одушевляемые чувствомъ всепрощающей и всеобъемлющей любви, терпѣливо и съ радостію переносили всѣ бѣдствія, пытки, оковы и даже мученическую смерть. Подъ бременемъ скорбей и страданій сердце ихъ ширилось отъ теплоты чувства, которое росло тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше встрѣчалось препятствій. Любовь разсѣвала тучи, готовая было охватить ихъ, и сіяла ярче, проявляя силу тамъ, гдѣ, повидимому, все угрожало паденіемъ.

Дѣйствительно, лучшіе образованные умы языческаго міра, близко къ сердцу принимавшіе интересы своей религіи, и потому искренно желавшіе предотвратить ея паденіе, ясно сознавали полнѣйшую несостоятельность такого рода ея защиты, т. е. при помощи ложныхъ обвиненій и насильственныхъ мѣръ. Обвиненіе христіанъ въ „небывалыхъ“¹⁾ преступленіяхъ, не имѣвшихъ себѣ ровно никакихъ основаній въ дѣйствительности, въ ихъ глазахъ было явною несообразностію. Безчеловѣчныя же гоненія, съ слѣпою яростію поднимаемыя на христіанъ, нисколько не задерживая быстрого потока христіанства, напротивъ, еще болѣе усиливая его, также не приводили къ желанной для нихъ цѣли. Въ виду этого ученые эллины избрали другой путь и другія средства для болѣе успѣшной борьбы съ христіанствомъ и для поддержки и спасенія язычества.

Не раздѣляя взглядовъ римскаго правительства и народа, старавшихся подавить христіанство посредствомъ грубой внѣшней силы, путемъ внѣшнихъ жестокихъ и принудительныхъ

¹⁾ Памят. древн. христ. письмен. въ рус. перев. т. III. Св. Іуст. „Апология“ II, гл. 14.

мѣръ, образованные язычники рѣшили перенести борьбу изъ сферы внѣшней грубой силы въ сферу идей и убѣжденій и противопоставить христіанству, непобѣдимому совнѣ, своего рода внутреннюю силу—языческую науку. Образованные эллины при помощи послѣдней вооружились уже не противъ христіанъ, какъ извѣстной политической секты, а противъ христіанства, какъ извѣстной религіозной доктрины.

Краеугольный камень язычества, жизненный нервъ, обезпечивавшій прочность и благоденствіе всего его прошлаго, они видѣли въ его древности, авторитетъ которой и старались выдвинуть на первый планъ, какъ „членъ вѣры“¹⁾. „Не стану говорить“, съ сильнымъ воодушевленіемъ заявляетъ отъ лица всего ученаго язычества Цецилій, „о многочисленныхъ событіяхъ временъ отдаленныхъ, опущу также и пѣсни поэтовъ о рожденіи боговъ, ихъ милостяхъ и благодѣяніяхъ, пройду молчаніемъ и предсказанія оракуловъ, чтобы не показалась вамъ древность слишкомъ баснословною. Обратите вниманіе на храмы и капища, которые служатъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденіемъ Рима“²⁾. „Власть и могущество Римлянъ“, немного раньше замѣчаетъ тотъ-же образованный язычникъ, „обнимаетъ весь міръ, простирается за предѣлы океана, далѣе лучей солнечныхъ,— отъ того, что они даже на войнѣ показываютъ свою религіозность, укрѣпляютъ города построеніемъ храмовъ, ищутъ повсюду чужестранныхъ боговъ и дѣлаютъ ихъ своими, строятъ жертвенники даже неизвѣстнымъ богамъ. Такимъ образомъ, перенося къ себѣ религіозные культы всѣхъ народовъ, Римъ заслужилъ быть царемъ міра“³⁾. Называя языческую религію „древнѣйшею и спасительною“⁴⁾, Цецилій имѣлъ право сказать: „не лучше-ли всего и почтеннѣе слѣдовать урокамъ предковъ, какъ залогамъ истины, держаться

1) Patrologiae curs. compl. Migne. Tertull. „Apologeticum“ с. 19: „у васъ почти за членъ вѣры почитается, чтобы истину чего-либо доказать изъ древности“ (apud vos quoque religionis est instar, fidem de temporibus asserere); ср. „Память древ. христ. писъм.“ т. 5. Мелитонъ „Рѣчь предъ имп. Антониномъ“.

2) „Памятники древ. христ. писъм. въ рус. перев. Сочиненія древ. христ. апологетовъ т. V. Минуцій Феликсъ „Октавій“ гл. VII.

3) Тамъ-же гл. VI; ср. гл. VII.

4) Тамъ-же гл. VIII.

преданной религіи, почитать боговъ, которыхъ родители внушили бояться прежде, чѣмъ мы ближе узнали ихъ? Не должно намъ разсуждать о богахъ, а должно вѣрить предкамъ, которые въ вѣкъ еще простой и близкій къ началу міра удостоились имѣть этихъ боговъ благодѣтелями и царями“¹⁾).

Украшая свою религію сѣдинами глубокой древности, имѣющей свое начало еще въ золотомъ вѣкѣ и покоющейся на извѣстномъ преданіи отцевъ и дѣдовъ²⁾, ученые язычники вмѣстѣ съ тѣмъ старались всенародно „унизить начала (initia) христіанской религіи“³⁾, считая её явленіемъ „недавняго“ времени, „новымъ“, совершенно не имѣющимъ своей исторіи въ прошломъ⁴⁾, всѣ-же возвышенныя ея истины—не собственнымъ ея достояніемъ, но рабскимъ заимствованіемъ у языческихъ философовъ⁵⁾. Такъ, извѣстный язычникъ Цельсъ, не стѣсняясь, прямо заявляетъ, что въ „христіанскомъ ученіи нѣтъ чего-либо великаго (magni) и новаго (novi)“⁶⁾.

Разумѣется, такія явно противорѣчащія справедливости обвиненія и униженія, посылаемая по адресу христіанской религіи тогдашнимъ образованнымъ язычествомъ съ цѣлью лишить её историческаго права на законное существованіе, должны были побудить выйти изъ безмолвія и твердо стать на постъ храбрыхъ борцовъ и ревностныхъ защитниковъ христіанской истины всѣхъ тѣхъ, которымъ безъ цѣны были дороги интересы послѣдней. Дѣйствительно, II и III вв. христіанской эры, когда въ составъ христіанства стали вступать люди образованные и даже философы и когда въ литературѣ и въ жизни христіанъ ярко и преимущественно выражалась борьба новой вѣры

1) Тамъ-же гл. VI.

2) Тамъ-же. Мелитонъ „Рѣчь предъ Импер. Антониномъ“.

3) Patrologiae curs. compl. Migne Graecae. t. XI. Origenes. „Contra Cels“. lib. I, c. 14.

4) „Памятники древ. христ. письменности въ рус. перев. т. V, св. Теофилъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ“. 3 кн., гл.: 3. 4. 16. 29; ср. Patrol. cursus compl. Migne tom. I. Tertull. „Apologeticum“ с. 21, 46; Nova bibliotheca veterum patrum et scriptorum ecclesiasticorum. tom. I, Arnobii disputationum adversus gentes. lib. II, с. 28.

5) Patrologiae cursus complectns. Migne. graecae. tom. XI Origenes. Contra Cels. lib. VI, с. 1; ср. lib. VII. с. 59.

6) Ibidem. lib. I, с. 14.

съ заблужденіями и фанатизмомъ язычества, представляютъ пышный расцвѣтъ христіанской апологетики. Это время сформировало и выдвинуло столько талантливыхъ защитниковъ христіанства, сколько позже не представила ни одна эпоха. Въ церковной литературѣ этого періода мы встрѣчаемся съ именами такихъ замѣчательныхъ писателей, какъ св. Іустинъ Философъ, Татіанъ, Аѣиногоръ, Мелитонъ, Минуцій Феликсъ, Оригенъ, Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій, Арнобій и др.

Относя происхожденіе своей религіи къ „началу міра“¹⁾ и, слѣдовательно, лишая этой маститой древности христіанство, языческіе ученые тѣмъ самымъ уже опредѣляли тотъ путь, по которому должны были слѣдовать христіанскіе апологеты, при защитѣ своей религіи, и даже тѣ предѣлы, которыми эта защита должна быть ограничена. И древніе первостепенные умы и таланты христіанства, не замедливъ воспользоваться оружіемъ, предоставленнымъ имъ самими же язычниками, со всею силою непоколебимаго убѣжденія шли къ одной и той-же цѣли—смѣло и разумно отстоять „auctoritas vetustatis“ христіанской религіи отъ несправедливыхъ обвиненій языческой мудрости. Слѣдовательно, древніе церковные писатели доказывали историческую достовѣрность христіанства единственно въ прямой противовѣсъ усиленнымъ стремленіямъ языческой учености—возвысить въ глазахъ современнаго ей общества древность клонящагося къ паденію язычества въ ущербъ христіанства.

Теперь, обратившись къ драгоцѣннымъ литературнымъ трудамъ древнихъ апологетовъ, посмотримъ, какіе аргументы они приводили въ пользу „auctoritas vetustatis“ христіанской религіи, и какъ они обосновывали ихъ.

По пастойчивому утвержденію образованныхъ эллиновъ, святость обрядовъ и священныхъ учрежденій тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ они древнѣе²⁾, происхожденіе-же языческой религіи одновременно съ „началомъ міра“³⁾; слѣдовательно, такая почтенная древность послѣдней ясно уже говоритъ за

1) „Памятники древ. христ. писемъ, въ рус. перев.“ т. V. Минуцій Феликсъ „Октавій“ гл. VII.

2) Тамъ-же гл. VI.

3) Тамъ-же гл. VII.

истинность и законность ея существованія преимущественно предъ всѣми остальными религіями, особенно предъ христіанскою, которая есть продуктъ „новаго и недавняго времени“¹⁾! „Секту эту (христіанскую)“, замѣчаетъ Тертуліанъ, „весьма многіе считаютъ за секту повую (povellam), своимъ появленіемъ современную Тиберію“²⁾.

Древніе апологеты, ясно сознавая всю несостоятельность подобныхъ доводовъ язычества, въ свою очередь старались доказать, что христіанскій міръ, имѣя свой корень въ іудейскомъ, составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Поэтому, эти два міра, по ихъ мнѣнію, не должны быть безусловно разграничиваемы между собою, напротивъ, должны быть всегда разсматриваемы въ тѣсной связи и въ полномъ соотвѣтствіи, такъ какъ исторія того и другаго имѣетъ между собою много точекъ взаимнаго соприкосновенія. Такъ, согласно словамъ Оригена, „христіанство происходитъ (habens originem) отъ іудеевъ“³⁾, которыхъ поэтому другіе церковные писатели называютъ „предками“⁴⁾ и „праотцами нашими“⁵⁾.

Отъ этихъ-же евреевъ „христіане получили и священныя книги“⁶⁾, которыя, по вѣрному замѣчанію Тертуліана, „служатъ основаніемъ (esse suffultam) христіанской религіи“⁷⁾. Все зданіе послѣдней зиждется исключительно на св. Ветхозавѣтномъ Канонѣ, который Тертуліанъ называетъ „сокровищемъ (thesaurus), гдѣ помѣщены (collocatus) всѣ тайнства христіанской религіи“⁸⁾. Въ христіанствѣ нѣтъ ни одной истины, ко-

1) Тамъ-же, св. Теофілъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. III, гл. 3. 4. 29; ср. Patrologiae curs. compl. t. I. Tertull. „Apologeticum“ гл. 21 и 46; Nova bibliotheca veterum patrum et scriptorum ecclesiasticorum. t. I. Arnobii disputationum adversus gentes. lib. II, c. 28.

2) Patrologiae curs. compl. tom. I. Tertull. „Apologeticum“ с. 21.

3) Patrologiae curs. compl. Migne. Graecae. t. XI. Origenes. „Contra Cels.“ lib. I, c. 14; ср. Patrologiae curs. compl. t. I. Tertull. „Apologeticum.“ cap. 40.

4) „Памятники древней христ. письменности“ въ рус. перев. Сочиненія древ. христ. апологетовъ, т. IV, св. Іуст. „Увѣщаніе къ эллимамъ“ гл. 8.

5) Тамъ-же, т. V, св. Теофілъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. III, гл. 20.

6) Тамъ-же.

7) Patrologiae curs. compl. t. I. Tertull. „Apologeticum“ с. 21.

8) Тамъ-же, гл. 19; ср. Памятники древ. христ. письм. т. IV, св. Іустинъ мучен. „Увѣщаніе къ эллимамъ“ гл. 13; Patrologiae cursus completus. tomus XI. Origenes. „Contra Cels.“ lib. II, cap. 4.

торая бы не была раньше предсказана Іудеямъ, ибо „пророки“, по словамъ св. Теофила Антиохійскаго, „говорили согласно другъ съ другомъ и предвозвѣщали будущія событія всего міра“ ¹⁾. Они предсказали и прошедшее такъ, какъ оно совершилось, и настоящее такъ, какъ оно совершается, и будущее въ томъ видѣ, какъ оно исполнится“ ²⁾. Поэтому „все, что мы знаемъ и во что вѣруемъ, въ томъ“, по Афинагору, „имѣемъ свидѣтельство пророковъ, которые, по вдохновенію отъ Божественнаго Духа, возвѣщали о Богѣ и о вещахъ Божественныхъ“ ³⁾. Ибо „какимъ образомъ“, пишетъ св. Іустинъ Философъ, „повѣрили-бы мы человѣку Распятому, что Онъ Первенецъ нерожденнаго Бога, и произведетъ судъ надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, если бы не находили свидѣтельствъ, предсказанныхъ о Немъ прежде, нежели Онъ пришелъ и сдѣлался человѣкомъ, и если бы не видѣли, что такъ и сбылось“ ⁴⁾. Отсюда вполне понятны слова Оригена, по которымъ „священныя писанія Моисея и другихъ пророковъ служатъ приготовленіемъ (*introductio* или *είσαγωγή*) къ христіанству“ ⁵⁾, или, какъ выражается Климентъ Александрійскій, „руководителемъ евреевъ ко Христу“ ⁶⁾. Въ виду этого древніе апологеты не разъ увѣщеваютъ своихъ образованныхъ противниковъ „оставить заблужденія своихъ предковъ и, обратившись къ предсказаніямъ пророковъ, научиться у нихъ истинной религіи, которая приводитъ къ вѣчной жизни“ ⁷⁾.

Имѣя начало и основаніе въ іудействѣ, христіанство въ то же время служитъ завершеніемъ этого послѣдняго. Только въ христіанствѣ іудейская религія получаетъ свое значеніе и свою

1) Памятники древней христ. письменности. Сочиненія древнихъ христ. апологетовъ, т. V, св. Теофилъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. 3, гл. 17.

2) Тамъ-же, кн. I, гл. 14; ср. кн. II, гл. 9; т. III, св. Іуст. „Апологія“ I, гл. 52.

3) Тамъ-же. Афинагоръ „Прошеніе о христ.“ гл. 7; ср. св. Теофилъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. III, гл. 17.

4) Тамъ-же, т. I, св. Іуст. муч. „Апологія“ I, гл. 53.

5) *Patrologiae cursus compl. t. XI. Origenes. „Contra Cels.“ lib. II, c. 4.*

6) „Строматы“, твореніе учителя Церкви Климента Александ. въ переводѣ Н. Корсунскаго. Ярославль. 1892 г. кн. I, гл. 5 и 26.

7) „Памятники древ. христ. письменности“, т. IV, св. Іуст. муч. „Увѣщаніе къ эллинамъ“ гл. 35; ср. т. V, св. Теоф. Антиох. „Три кн. къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. II, гл. 35.

надлежащую оцѣнку, такъ какъ, по мнѣнію Тертуліана, когда явился Іисусъ Христосъ, то привелъ съ собою законъ и пророковъ ¹⁾).

Итакъ, христіанство, благодаря своей столь очевидной и непосредственной связи съ іудействомъ, по праву приобретаетъ себѣ „*summam auctoritatem*“ ²⁾).

Вслѣдъ за этимъ христіанскимъ апологетамъ оставалось доказать, что іудейское Откровеніе несравненно древнѣе религіи и философіи язычества, чего они и стараются достигнуть во всеоружіи историко-хронологическаго знанія. Такъ, они „неоспоримымъ“ признаютъ то положеніе, что „еврейское любомудріе древнѣе всякаго другаго“ ³⁾ и что „философія, содержащаяся въ заповѣдяхъ, изложенныхъ въ (іудейскихъ) Писаніяхъ, началась раньше эллинской“ ⁴⁾. Кромѣ того, еврейскіе пророки и ихъ писанія, по мнѣнію древнихъ апологетовъ, гораздо древнѣе языческихъ писателей и ихъ сочиненій. Такъ, св. Іустинъ въ своей „Апологіи“ упоминаетъ о Моисеѣ, какъ „о первомъ и древнѣйшемъ пророкѣ, нежели эллинскіе писатели“ ⁵⁾. „Моисей“, по словамъ того же писателя, „былъ древнѣе всѣхъ языческихъ мудрецовъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и законодателей“ ⁶⁾, почему и исторія его гораздо древнѣе всѣхъ свѣтскихъ исторій“ ⁷⁾. „Всѣ другіе пророки жили послѣ (*postulant*) Моисея“, пишетъ Тертуліанъ, „но и позднѣйшіе (*extremisimii*) изъ нихъ древнѣе (*retrosiores deprehenduntur*) всѣхъ вашихъ первѣйшихъ мудрецовъ“ ⁸⁾, такъ какъ, добавляетъ св.

1) *Patrologiae cursus completus*. tom. 1. Tertull. „*Apologeticum*“. с. 19. 20. 21.

2) *Ibidem*. с. 19.

3) Климентъ Алекс. „*Строматы*“ въ рус. перев. Н. Корсунскаго. Ярославль 1892 г. кн. I, гл. 21.

4) Тамъ-же гл. 15; ср. гл. 14.

5) Памят. др. христ. писмен. т. III. св. Іустинъ муч. „*Апологіи*“ I, гл. 59; ср. гл. 54.

6) Тамъ-же т. IV. св. Іуст. Мучен. „*Увѣщаніе къ эллинамъ*“ гл. 9; ср. гл. 10-12. 35; т. V. св. Теофилъ Антиох. „*Три книги къ Автол. о вѣрѣ христ.*“ 2 кн. гл. 30 кн. 3, гл. 16. 23; *Patrologiae cursus compl. t. I. Tertull. „Apologeticum“* с. 19; *Patrol. curs. compl. t. XI. O rigenes. „Contra Cels.“ lib. VI, с. 7; „Строматы“*, твореніе учит. цер. Клим. Александр. въ перев. Н. Корсунскаго. Ярославль. 1892 г. кн. I, гл. 21, 24.

7) Тамъ-же гл. 12.

8) *Patrologiae cursus compl. Migne. t. I. Tertull. „Apologeticum.“* с. 19; ср.

Феофилъ Антиохійскій, „послѣдній изъ пророковъ, именемъ Захарія, процвѣталъ въ царствованіе Дарія. И всѣ законодатели ваши издали свои законы послѣ того“ ¹⁾).

Нѣкоторые изъ апологетовъ II и III вв., какъ, напр., Татианъ ²⁾, Феофилъ Антиохійскій ³⁾, св. Іустинъ Мученикъ ⁴⁾, Климентъ Александрійскій ⁵⁾ и Тертулліанъ ⁶⁾, желая въ прямую противоположность эллинамъ, у которыхъ, по свидѣтельству ихъ, „не было ни одного письменнаго историческаго памятника“ ⁷⁾ и вообще—„истинной исторіи“ ⁸⁾, сообщить своимъ доказательствамъ въ пользу „auctoritas vetustatis“ христіанской религіи научную достовѣрность ⁹⁾, выступаютъ въ своей аргументаціи съ историческими документами въ рукахъ, представляя въ своихъ сочиненіяхъ фактическую исторію не однихъ евреевъ и грековъ, но и халдеевъ, египтянъ, персовъ и другихъ восточныхъ націй, при томъ исторію, основанную „на строго хронологическихъ данныхъ“ ¹⁰⁾.

Въ своихъ хронологическихъ таблицахъ эти древне-церковные апологеты для большей убѣдительности своихъ доводовъ нерѣдко пользуются даже свидѣтельствами языческихъ писа-

---

Памятн. древ. христ. писм. т. V, св. Феоф. Антиох. Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ. кн. 3, гл. 29.

Примѣчаніе. По мнѣнію Климента Александрійскаго, „Гомеръ и Гезіодъ жили позже пророковъ—Иліи и Елисея“ („Строматы“, твор. учит. цер. Климента Александр., перев. Н. Корсунскаго. 1892 г. кн. I, гл. 21), а „пророки—Аггей, Захарія и Малахіи, жившіе на второмъ году царствованія Дарія Гпстаспа, древнѣе Пинеагора и Фалеса“. (Тамъ-же).

¹⁾ Памятники древ. христ. писм. т. V. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ. кн. 3, гл. 23.

²⁾ Тамъ-же т. IV. „Рѣчь противъ эллиновъ“ гл. 31—41.

³⁾ Тамъ-же т. V. «Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.» кн. 3, гл. 20—30.

⁴⁾ Тамъ-же т. IV. „Увѣщаніе къ эллинамъ“ гл. 9.

⁵⁾ „Строматы“, твор. учит. церк. Климента Алекс. перев. Корсунскаго. 1892 г. кн. I, гл. 21.

⁶⁾ Patrologiae curs. complet. tom. I. Migne. Tertull. „Apologeticum“. с. 19.

⁷⁾ Памятники древ. христ. писм. т. IV. Татианъ. „Рѣчь противъ эллиновъ“, глава 39.

⁸⁾ Тамъ-же т. V. Феофилъ Антиох. „Три книги къ Автолику о вѣрѣ христ.“ кн. 3, гл. 30.

⁹⁾ Тамъ-же гл. 23.

¹⁰⁾ „Строматы“, твор. учит. церк. Климента Алекс. перев. Н. Корсунскаго. 1892 г. кн. I, гл. 14, 15, 21.

телей ¹⁾). Климентъ Александрійскій, напр., приводитъ хронологическія таблицы, принятыя не у однихъ только евреевъ, но и у эллиновъ, египтянъ, персовъ и римлянъ, и, въ цѣляхъ большого правдоподобія своихъ хронологическихъ данныхъ, цитируетъ сочиненія многихъ древнѣйшихъ исторіографовъ, напр., Апіона Грамматика, Діонисія Галикарнасскаго, Ктезія, Акузилая, Платона, Діонисія Аргивянина, Гомера, Аполлодора, Аполлонія Родосскаго, Пиндара Беотіянина, Гезіода, Іосифа Флавія и многихъ другихъ ²⁾). Подобно Клименту Александрійскому, Тертуллианъ въ подтвержденіе своихъ хронологическихъ вычисленій такъ же ссылается на свидѣтельства древнихъ историковъ: Манеона египетскаго, Бероза халдейскаго, Герома финикійскаго, Мевандра ефесскаго, Димитрія фалерскаго и Іосифа Іудейскаго ³⁾).

* * *

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Памятникъ древ. христ. писемъ. т. IV. Татіанъ „Рѣчь противъ эллиновъ“ гл. 36; св. Іустинъ Мучен. „Увѣщаніе къ эллинамъ“ гл. 9—25; „О елиновластительствѣ“ гл. 2. 3; т. V, св. Теоф. Антиох. „Три евангелія къ Автолибу о вѣрѣ христ.“ кн. 3, гл. 23.

²⁾ „Строматы“, переводъ Н. Корсунскаго. Ярославль. 1892 г. кн. I, гл. 21.

³⁾ Patrologiae curs. complet. t. I. Tertull. „Apologeticum“ с. 19.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА VI.

Необходимость, полезность и пригодность религіи сверхъестественной. Разборъ возраженій Милля.

Истинная религія по тому самому, что она истинна, возлагаетъ на насъ обязанность, во-первыхъ, принять или исповѣдывать ее, какъ считается обязательнымъ для человѣческаго ума принятіе, на примѣръ научныхъ истинъ; во-вторыхъ, признать ее *полезной*, а отсюда и *пригодной*. Полезность религіи есть прямое послѣдствіе ея истинности, ибо, какъ говоритъ Милль: „если бесполезная вещь—владѣть неопровержимымъ познаніемъ порядка и управленія міромъ, съ которымъ насъ связала судьба, то что же можетъ быть полезнымъ? Когда кто либо находится въ пріятномъ или непріятномъ мѣстѣ, во дворцѣ или въ темницѣ, то развѣ не полезно ему знать, гдѣ онъ“ (Essais, p. 63 et 64). Но полезная вещь несомнѣнно *пригодна*; пригодность есть почти синонимъ полезности и въ строгомъ смыслѣ это слово означаетъ ту сторону вещи, которая немислима и не возможна безъ полезности. Откровенная религія проповѣдуетъ истинное воззрѣніе на міръ и людей; каждому отдѣльному человѣку необходимо поставить себя въ извѣстныя отношенія къ міру и людямъ; а это возможно только въ томъ случаѣ, если міръ и людей знаетъ онъ съ ихъ истинныхъ сторонъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1896 г. № 10.

Справедливость этихъ словъ не можетъ отрицать и Милль. Правда, его трактатъ о полезности религіи показываетъ, что религія, по его понятію, не только бесполезна, а даже и вредна, откуда уже само собой слѣдуетъ отрицаніе и ея пригодности; но эти мысли Милля касаются собственно не религіи вообще, иначе говоря: не психическихъ условій религіи, а лишь проявленія ихъ въ извѣстной совокупности вѣрованій. Скажемъ опредѣленнѣе: Милль возстаетъ только противъ сверхъестественной религіи, находя ее бесполезной, даже прямо вредной и потому непригодной. вмѣсто нея онъ изобрѣтаетъ новую религію, которую можно назвать религіею естественною, потому что предметъ почитанія указывается ею среди естественнаго порядка вещей, именно: всечеловѣчество. Такъ какъ первая религія бесполезна, прямо вредна и непригодна, то само собой разумѣется, что замѣняющая ее вторая должна почитаться полезной и пригодной.

Создавая свою новую религію, Милль указываетъ, какія психическія условія сопутствуютъ религіозному сознанію, и перебираетъ ихъ въ слѣдующемъ опредѣленіи религіи: сущность религіи состоитъ во внушеніи сильнаго и серьезнаго направленія волненій и эмоцій къ идеальному предмету, признаваемому высочайшимъ совершенствомъ и законно возвышающемся надъ всѣми предметами эгоистическаго желанія“ (Essais, p. 102). Относясь съ должной научной строгостью къ этому опредѣленію, мы находимъ, что оно недостаточно по своей общности. Оно было-бы вѣрно только при условіи, если бы отдѣлъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ эмоцій всецѣло совпадалъ съ отдѣломъ психическихъ состояній, условливающихъ собою всякую религію. Изъ предшествующихъ доказательствъ мы знаемъ, на какое психическое основаніе опирается религія. Оно исчерпывается комбинаціей, найденной нами принудительной: Богъ—Высочайшій Духъ—поклоненіе; въ области психическихъ явленій эти три члена комбинаціи связаны между собою причинной зависимостью и суть несомнѣнныя реальности. Но объемъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ эмоцій шире объема указанной религіозной комбинаціи. Чтеніе, напримѣръ, поэтическаго произведенія или созерцаніе прекрасной статуи—суть источники

возвышеннѣйшихъ и ужь конечно безкорыстнѣйшихъ эмоцій; однако эти эмоціи и религію раздѣляетъ весьма значительное разстояніе. Вторымъ выдающимся недостаткомъ Миллева опредѣленія религіи является его неопредѣленность. Число возвышенныхъ и безкорыстныхъ эмоцій можетъ быть исчерпано въ слѣдующихъ названіяхъ: эмоцій гносеологическихъ, художественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ. Миллево опредѣленіе религіи упускаетъ изъ виду это разграниченіе; оно не указываетъ прямо и положительно, который же типъ эмоцій входитъ въ религію, и въ то же время не даетъ основанія заключать, чтобы въ религію входили всѣ онѣ заразъ.

Указанные нами недостатки въ Миллевомъ опредѣленіи религіи уже въ корнѣ должны подорвать тѣ доводы, какіе Милль представитъ противъ полезности и пригодности сверхъестественной религіи, основываясь на своемъ пониманіи психическихъ условій всякой религіи. Впрочемъ мы могли бы еще сойтись съ Миллемъ. Главнымъ психическимъ условіемъ религіи, какъ показано нами, является религіозное психическое постоянство. На существованіе его, не смѣемъ думать, чтобы случайно, проглядываетъ намекъ и въ Миллевомъ ея опредѣленіи,—направленіе эмоцій къ идеальному предмету трудно поставить въ зависимость отъ другой причины. Остальные типы эмоцій, какъ и эмоція религіозная, въ свою очередь также опираются на соответствующее психическое постоянство—идеи: истины, красоты, добра. Такъ какъ постоянство не заключаетъ въ себѣ начала раздѣльности, то мы по необходимости должны мыслить между ними полнѣйшую, болѣе, чѣмъ даже нерасторжимую связь, а отсюда ясно, что религіозная область не только имъ не чужда, но, быть можетъ, вполне родственна: всѣ четыре идеи стоятъ другъ къ другу въ одномъ и томъ же отношеніи, составляютъ одно и то же. Если Миллеву опредѣленію религіи придать именно такой смыслъ, то оно можетъ быть допущено. Стоитъ только предположить, что источникъ всѣхъ четырехъ идей или ихъ причина заключается въ Богѣ,—и тогда каждой идеѣ можно будетъ придать религіозное значеніе. Но Милль разумѣетъ совсѣмъ другое. Дальнѣйшее развитіе его религіознаго проекта показываетъ, что ему нужны были соб-

ственно тѣ случайныя единообразія, которыя порождаются параллельнымъ существованіемъ психическихъ постоянствъ и явленій природы. На основаніи такихъ единообразій онъ выводитъ возможность связи между всечеловѣчествомъ и возвышенными эмоціями—содержаніе новой его религіи. Но хотя этотъ выводъ поставляется Миллемъ въ непосредственную связь съ его пониманіемъ религіи,—тутъ дѣлается явный скачекъ. Эмоціи входятъ въ особую область существованія, чѣмъ то, что означается словомъ всечеловѣчество. Человѣчество относится къ предметамъ внѣшней природы; въ этой природѣ заключаются всѣ условія его существованія; напротивъ того, эмоціи относятся къ міру внутреннему, и условія ихъ существованія заключены здѣсь. Поэтому связь между эмоціями и всечеловѣчествомъ можетъ быть только случайной, въ ней нѣтъ никакой необходимости, упрочить ее нельзя никакими силами. Этого скачка не могъ замѣтить Милль, которому вообще не пришло въ голову глубже проникнуть въ психологическую природу предмета.

Итакъ оказывается, что 1) торжествуетъ наше пониманіе религіи, 2) привлеченіе всечеловѣчества къ области религіи не имѣетъ достаточнаго основанія; а потому необходимо согласиться съ нами, что сверхъестественная религія есть именно такая совокупность явленій или психическихъ состояній, которую, въ понятномъ смыслѣ, только и можно назвать именемъ религіи. Стало быть, всякое исканіе новой религіи является уже ничѣмъ не подтверждающейся странностью. Сверхъестественная религія есть выраженіе или имя цѣлой части дѣйствительности, т. е., значить, оказывается словомъ, имѣющимъ несомнѣнно существующее содержаніе и именно съ тѣми признаками, какіе указываются самымъ смысломъ его. Мы должны признать ее истинною религіею, отсюда *единственно полезною* и *единственно пригодною*, если только ужъ дѣло касается изобрѣтенія такой религіи. Но Милль далекъ отъ этихъ соображеній. Онъ выступаетъ съ проэктомъ новой религіи, который хочетъ осуществить на развалинахъ старой.

Первая его мысль состоитъ въ томъ, что будто-бы религія не самостоятельная сила и въ своемъ развитіи сама зависитъ

отъ развитія или улучшенія человѣческихъ чувствъ. Сила, являющаяся самымъ дѣятельнымъ двигателемъ прогресса, дѣйствуетъ, по нему, не только помимо религіи, но и часто исправляетъ ее саму. Общность этой мысли Милля настолько очевидна, что едва ли есть нужда напоминать объ этомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, разумѣть подъ прогрессомъ? Какія чувства улучшаетъ онъ? Въ чемъ состоитъ сила, движущая имъ самимъ? Какимъ образомъ дѣйствию этой силы подчиняется наконецъ и религія?—Вотъ сколько вопросовъ требуется разобрать, чтобы уяснить въ надлежащей степени дѣло. Попытаемся заняться этимъ. Судя по дальнѣйшимъ мыслямъ Милля, надо полагать, что подъ чувствами, отъ улучшенія которыхъ зависитъ степень высоты религіи, слѣдуетъ разумѣть чувства, возбуждающіяся въ человѣкѣ отношеніями его къ себѣ подобнымъ, какъ-то: 1) чувства любви и симпатіи, 2) эгоистическія чувства ненависти, вражды, недоброжелательства, мести. Первыя чувства побуждаютъ каждаго изъ насъ желать и дѣлать ближнему то, чего мы желали бы себѣ; вторыя, наоборотъ, не вызываютъ никакого желанія заботиться о другихъ, а знать только себя. Соответственно такому дѣленію чувствъ подъ улучшеніемъ ихъ надо будетъ понимать постепенно усиливающееся преобладаніе первыхъ надъ вторыми; только тогда скажутъ, что чувства людей улучшились, когда люди будутъ обнаруживать болѣе наклонностей любить своихъ собратій, и поэтому дѣлать имъ добро, чѣмъ ненавидѣть ихъ, смотрѣть на нихъ, какъ на естественныхъ соперниковъ въ пользованіи дарами природы, подобное чему происходитъ въ животномъ царствѣ, и вслѣдствіе этого истреблять ихъ, всячески стараться нанести имъ вредъ. Не рѣшая вопроса о томъ, прирождены ли человѣку оба указаные разряда чувствъ или они пріобрѣтены тяжелымъ жизненнымъ опытомъ, мы, не противорѣча ничему, можемъ смотрѣть на тѣ и другія какъ на естественныя свойства человѣческой природы. Но спрашивается: въ силу какихъ причинъ должно происходить улучшеніе чувствъ? Что условливаетъ его? На это можно дать три отвѣта: 1) или это улучшеніе зависитъ отъ самихъ же чувствъ, или 2) отъ сознанія людьми его пользы, или 3) отъ какого либо внѣшняго указанія. Что касается пер-

ваго предположенія, то невозможность его очевидна. Чтобы произошло улучшение чувствъ, т. е., преобладаніе любви предъ эгоистическими побужденіями, для этого необходима большая въ сравненіи съ послѣдними напряженность первой. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается далеко не то. Если даже и теперь, когда въ нравахъ людей произошло значительное смягченіе по сравненію съ временами древними, подвиги любви, самопожертвованія являются рѣдкостью; то такихъ подвиговъ мы должны ждать еще менѣе въ ту пору, когда опасность для подвижника удесятерилась, благодаря грубости нравовъ,—грубости, одни воспоминанія о которой способны навести ужасъ на насъ. Стоитъ только посмотрѣть на рисунки различныхъ орудій казни, ограждавшихъ въ былое время дѣйствующія условія жизни отъ посягательствъ со стороны какихъ либо непризнанныхъ преобразователей, чтобы убѣдиться, съ какою силою долженъ былъ работать въ тѣ времена самый отвратительный изъ инстинктовъ—инстинктъ самосохраненія. А гдѣ замѣшало, хотя въ малой долѣ, чувство личной безопасности, тамъ не жди проявленій любви и состраданія къ бѣдствіямъ человѣческимъ;—какое мнѣ дѣло до страданій другого, когда и собственной моей жизни угрожаетъ то же самое,—вотъ образъ мыслей человѣка, проводящаго жизнь кругомъ въ опасностяхъ. Да и вообще непонятно, почему чувство любви должно было въ концѣ концовъ возобладать, такъ какъ противоположное ему чувство всегда является во столько разъ сильнѣе его, во сколько собственныхъ страданій ощущаются живѣе страданій другихъ. Нельзя согласиться и со вторымъ объясненіемъ. Сознаніе пользы могло стать побужденіемъ для дѣятельности людей только подъ тѣмъ условіемъ, если бы оно обратилось въ мотивъ, въ чувство. Но это сознаніе если и можетъ сопровождать собою вообще дѣйствія любви, то въ какихъ либо частныхъ случаяхъ оно вовсе не является чувствомъ, а потому не можетъ дать и никакихъ указаній для поступка. Сознаніе пользы есть дѣло вывода, результатъ отвлеченной мысли; между тѣмъ наши дѣйствія всегда суть слѣдствія и большею частію мгновенныя слѣдствія чувства, побужденія. Мое сердечное движеніе не ждетъ приговора мысли, напротивъ, приговоръ мысли зависитъ отъ

сердечнаго движенія. Сверхъ того, само понятіе пользы до такой степени неопредѣленно и такъ можетъ различаться во взглядахъ различныхъ людей, что трудно и ожидать, какимъ бы образомъ оно дало, при различныхъ обстоятельствахъ, такой одинаковый результатъ, какъ преобладаніе чувства любви. Въ этомъ понятіи рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы предупредило возможность счесть полезнымъ такое дѣло, которое является слѣдствіемъ не чувства любви, а чувствъ ему противоположныхъ. Вотъ почему сознаніе пользы съ одинаковою силою свидѣтельствуетъ какъ за то, что благодаря ему могло утвердить свое господство чувство любви, такъ равно и за то, что оно могло сослужить эту службу и какому нибудь злему чувству. Теперь остается остановиться на третьемъ рѣшеніи вопроса. Изъ числа внѣшнихъ указаній, съ помощію которыхъ было бы объяснимо, отчего чувство любви взяло верхъ надъ склонностями людей, можно съ вѣроятностію остановиться на природѣ и на человѣкѣ. Но самъ Милль сильно и весьма основательно доказалъ, что если за образецъ для нравственной дѣятельности брать природу, тогда обществу людей грозитъ опасность снова упасть на степень первобытной дикости и звѣрства. Въ ней нѣтъ ни одной черты, которая хотя сколько нибудь узаконяла бы чувство любви, давала бы перевѣсъ ему въ борьбѣ съ склонностями звѣря, какимъ является добрая половина человѣческаго существа. Взаимная вражда, поѣданіе, истребленіе слабыхъ сильными, равнодушное и въ то же время роковое, неумолимое давленіе бездушнаго физическаго закона, который ни за что не остановится, хотя бы по милости его гибли тысячи чувствующихъ созданій,—вотъ что представляетъ собою жизнь природы. Гдѣ же тутъ почерпнуть урокъ для назиданія? Что вышло бы, если бы человѣкъ вздумалъ подражать ей? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что и по сію пору мы можемъ наблюдать въ царствѣ животныхъ, т. е., полное отсутствіе того, что называютъ цивилизаціей—въ обширномъ значеніи этого слова. Точно также трудно согласиться со вторымъ предположеніемъ, т. е., будто человѣкъ самъ для себя являлся указателемъ, куда должны быть склонены вѣсы коренящихся въ немъ чувствъ и влеченій. Какимъ образомъ онъ могъ-бы

сдѣлать это? Не иначе какъ вызвавши въ себѣ такое состояніе, которое являлось бы побужденіемъ, съ одной стороны, увеличивающимъ силу чувства любви, съ другой ослабляющимъ силу всѣхъ противодѣйствующихъ ему чувствъ. Такимъ образомъ требуется создать цѣлую способность, потому что въ противномъ случаѣ непонятно, откуда могло возникнуть побужденіе, вдругъ ставшее на сторону чувства любви и склонившее борьбу въ его пользу. Но въ силахъ ли человѣкъ что нибудь прибавить къ своей природѣ или убавить отъ нея? Разумѣется нѣтъ, между тѣмъ передъ нами фактъ: звѣрскія склонности человѣка значительно ослаблены добрыми чувствами. Гдѣ же искать причины этому явленію? Для рѣшенія этого вопроса необходимо предположить по крайней мѣрѣ существованіе особаго душевнаго мотива, въ силу котораго одни чувства достигаютъ преобладанія передъ другими. Такъ какъ всякое чувство, будетъ ли оно доброе или злое, есть психическая реальность, то таковою-же должно быть и все то, что способно содѣйствовать или противодѣйствовать которому либо изъ этихъ чувствъ. Мотивъ, побужденіе и есть психическая реальность. Итакъ, для объясненія того, почему злыя чувства человѣка оказываются въ концѣ концовъ все таки слабѣе добрыхъ, необходимо признать существованіе особаго побужденія, можно сказать такъ же—чувства, которое бы обезпечивало побѣду чувства любви, присоединившись къ нему. Какъ бы мы ни назвали это чувство, какова бы ни была его природа, оно обязательно должно составлять принадлежность религіи. Милль называетъ религію направленіемъ нашихъ склонностей къ совершенному предмету. По нашему мнѣнію, это направленіе возможно только такимъ образомъ, если идея совершеннаго пробуждаетъ во мнѣ чувство, которое по своей напряженности даетъ перевѣсъ чувству любви. Стало быть чувство, склоняющее побѣду на сторону любви, вызывается посторонней причиной—идеей совершеннаго или, что одно и то же, религіей; потому что признакъ совершенства отличаетъ тотъ самый предметъ, къ которому относится религія; но это не мирится съ утвержденіемъ Милля, по которому религія поставляется въ зависимость отъ нашихъ

чувствъ, и оно слѣдовательно падаетъ само собою. Впрочемъ такое предположеніе еще возможно для Милля; стоитъ только доказать, что идея совершеннаго есть произведеніе тѣхъ же человѣческихъ чувствъ, и тогда будетъ вполнѣ вѣрно, что чувства руководятъ религіею, а не она чувствами. Однако этого Миллю никогда не удастся доказать. По смыслу предыдущихъ положеній, идея совершеннаго должна мыслиться такою психическою реальностью, которая бы могла послужить побужденіемъ вполнѣ равносильнымъ тѣмъ чувствамъ, которыя она устрояетъ; а если такъ, то она должна уже существовать, прежде чѣмъ чувства человѣка примутъ какой либо новый оборотъ. Вѣкъ ея также длиненъ, насколько длиненъ вѣкъ всѣхъ побѣжденныхъ ею чувствъ; она началась вмѣстѣ съ нами, съ нами же и окончитъ свое существованіе.

Подобно разсмотрѣннымъ, также несостоятельными являются и остальные доводы Милля, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ подтвержденіе своей мысли о зависимости религіи отъ чувствъ. Такія слова, какъ „прогрессъ“, „сила движущая“ или и улучшающая чувства, не говорятъ уму ни о чемъ ясномъ и опредѣленномъ. Во - первыхъ „прогрессъ“ имѣетъ то единственное содержаніе, какое можно почерпнуть изъ факта движенія, т. е., говоря яснѣе, изъ факта смѣны однихъ чувствъ человѣка другими. Значитъ, тутъ нельзя мыслить никакой психической реальности. „Сила, движущая прогрессъ“ означаетъ, очевидно, причину смѣны указанныхъ душевныхъ состояній. Но такую причиную можетъ быть только психическая же реальность и именно, какъ то выходитъ изъ предыдущаго, идея совершеннаго, т. е., сила, движущая прогрессъ, теряетъ свое особое, ей только свойственное какое либо содержаніе, она является лишь другимъ названіемъ того, чему уже присвоено какое слѣдуетъ наименованіе. Что касается улучшенія чувствъ, то ясно, отъ какихъ причинъ оно должно зависѣть. И здѣсь оказывается, что оно происходитъ вслѣдствіе идеи совершеннаго, т. е., религіи.

Кромѣ разобранныхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ, по Миллю, религія, ее условливаетъ еще „авторитетъ“. Что авторитетъ, т. е., лицо, къ которому мы питаемъ безотчетное довѣріе, имѣетъ громадное значеніе въ томъ возрастѣ,

когда человекъ начинаетъ знакомиться съ религіей, это несомнѣнно. Но это и значитъ только то, что первыя убѣжденія человека въ дѣтскомъ возрастѣ возникаютъ не изъ дѣятельности болѣе или менѣе правильной, основательной мысли, а пріобрѣтаются путемъ непосредственной увѣренности въ справедливости того, что сообщается взрослыми. Однако, что отсюда слѣдуетъ? Милль хочетъ сказать, что то вліяніе, которое оказываетъ на нравы религія, вполне можетъ оказать и авторитетъ, силою котораго она дѣйствуетъ. Это было бы такъ конечно, если бы авторитетъ составлялъ собою какую либо особую силу, дѣйствующую въ человѣческихъ обществахъ на подобіе, напримѣръ, голода, служащаго основаніемъ и двигателемъ общественнаго труда. Между тѣмъ подъ авторитетомъ не скрывается равно никакой подобной силы. Слово авторитетъ указываетъ лишь на фактъ, который состоитъ въ томъ, что съ одной стороны существуетъ лицо, пріобрѣтшее уже какія либо убѣжденія, съ другой—лицо, принимающее ихъ отъ него по простому довѣрію къ истинѣ ихъ, а не на основаніи доводовъ разсудка. Такимъ образомъ, если подъ авторитетомъ разумѣть нравственную силу, то эта сила цѣликомъ должна заключаться въ отношеніяхъ другъ къ другу людей, изъ которыхъ одни составляютъ убѣжденія, а другіе заимствуютъ эти убѣжденія у составителей, исключительно по довѣрію къ нимъ. Но такъ какъ, очевидно, сами составители убѣжденій выходятъ изъ подъ вліянія авторитета, потому что кто нибудь долженъ же быть первымъ авторитетомъ, то эта сила можетъ простираться только на часть человѣчества, т. е., только у части его могутъ возникать убѣжденія по довѣрію къ другимъ. Далѣе, и эта половина человѣчества, на долю которой выпала печальная судьба жить чужимъ умомъ, получая свои убѣжденія отъ считаемыхъ ею высшими лицъ, подчиняется въ этомъ случаѣ не одному довѣрію. Про само довѣріе надо сказать, что оно означаетъ не какую либо психическую силу, а является выраженіемъ душевнаго факта, который слагается изъ ряда дѣйствій нѣсколькихъ душевныхъ силъ; эти силы и суть въ концѣ концовъ та пружина, которая управляетъ самимъ авторитетомъ. Что наша мысль вѣрна, доказательствомъ тому слу-

жить фактъ всеобщаго единообразія, если не нравственныхъ истинъ, то побужденій, подъ вліяніемъ которыхъ нравственныя истины воплощались въ дѣйствіяхъ людей. Легко указать безчисленное количество дѣйствій, совершенныхъ когда либо людьми въ цѣляхъ добра; эти дѣйствія могутъ различаться другъ отъ друга до противоположности; но во всѣхъ нихъ будетъ участвовать единое побужденіе—желаніе сдѣлать добро. Это побужденіе добра, чувство добра, идея добра, все равно, которое изъ этихъ названій мы ни выберемъ, дѣйствуетъ въ каждомъ человѣкѣ и тогда, когда ему предстоитъ принять отъ авторитета какую нибудь нравственную истину. Все, согласное съ чувствомъ добра, будетъ усвоено слушающимъ, а несогласное отвергнуто, если, разумѣется, не будетъ употреблено со стороны авторитета насилія. Помимо этого чувства добра никакой авторитетъ, кромѣ безусловнаго, не въ состояніи внѣдрить въ добровольно подчиняющихся ему лицахъ ни одного нравственнаго убѣжденія. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ непременно прибѣгнетъ къ такому способу выраженія:—это дурно, не хорошо, постыдно, позорно и пр., т. е., употребить всѣ старанія вызвать сердечное движеніе, возбудить волненіе чувства, принудить подать свой голосъ за идею добра. И такъ, не авторитетъ и не довѣріе къ нему младенчеству части человѣчества движетъ нравственностью людей, а идея добра; какая либо нравственная истина принимается не потому, что ее сказало высокое во мнѣніи людей лицо, а потому, что она оказалась согласной съ идеей добра, являющейся настоящей психической силой.

Та же самая идея добра, которая условливаетъ собой довѣріе со стороны неразвитой части человѣчества къ представителямъ развитейшей половины его, дѣйствуетъ и въ людяхъ, самостоятельно составляющихъ свои убѣжденія и потому ускользающихъ изъ подъ дѣйствія авторитета. Въ самомъ дѣлѣ, если я считаю воровство дурнымъ поступкомъ потому, что такъ думаетъ уважаемое мною и пользующееся моимъ довѣріемъ лицо, отъ котораго я объ этомъ и узналъ, то откуда могло почерпнуть названную нравственную истину это послѣднее? Или отъ другого авторитета или выдумало само,—вотъ только что можно отвѣтить на этотъ вопросъ. Но первымъ, какъ уже показано, мы

дѣла не уяснимъ; потому что рядъ авторитетовъ, по необходимости, долженъ гдѣ нибудь оборваться; остается значитъ второе рѣшеніе. Посмотримъ, какова его сила. Какъ знаніе есть умственное выраженіе связи, какая соединяетъ другъ съ другомъ внѣшніе предметы; такъ придумываніе, созданіе есть произвольное сочетаніе душевныхъ состояній, не соотвѣтствующее дѣйствительному порядку объективныхъ вещей. Солнце свѣтитъ—это знаніе; Жаръ Птица прилетаетъ въ садъ отца Иванушки Дурачка,—это выдумка. То и другое утвержденіе есть связь психическихъ состояній; но первое отличается отъ второго тѣмъ, что означаемая имъ связь внушена внѣшнимъ явленіемъ, тогда какъ во второмъ внѣшнія явленія соотвѣтствуютъ только тѣмъ единичнымъ душевнымъ состояніямъ, изъ соединенія которыхъ образовалось содержаніе утвержденія. Прилагая это къ какой либо нравственной истинѣ, мы находимъ, что она не похожа ни на то, ни на другое; а потому и судить о ней съ точки зрѣнія факта или выдумки совершенно нельзя. Предположимъ, мы имѣемъ нравственную истину—„красть дурно“. Выражаетъ ли она какую либо связь? Никакой—въ томъ смыслѣ, какой можно соединять со словомъ „знаніе“ или „выдумка“. Слово красть обозначаетъ извѣстное дѣйствіе, слово дурно не означаетъ никакого внѣшняго предмета, согласно или несогласно которому оно высказывалось бы. Хотя первая половина мысли свидѣтельствуетъ о внѣшнемъ явленіи; вторая говоритъ только о нашемъ отношеніи къ внѣшнему предмету, она есть *оцѣнка* его. Но всякая оцѣнка предполагаетъ не только то, что оцѣнивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, чѣмъ или сообразно чему производится оцѣнка, обсужденіе. Именно о такой оцѣнкѣ и даетъ знать выраженіе—„красть дурно“. Такъ какъ здѣсь оцѣнкѣ подвергается не что иное, какъ внѣшній предметъ, и на ряду съ нимъ нѣтъ еще никакого другого предмета, между тѣмъ указывается сама оцѣнка, то на ней и нужно сосредоточить все вниманіе. О чемъ же свидѣтельствуетъ она? О томъ, что извѣстное внѣшнее явленіе возбуждаетъ въ насъ чувство неодобренія, иначе: о томъ, что подъ впечатлѣніемъ отъ извѣстнаго внѣшняго явленія намъ дѣлается нехорошо, дурно, мы испытываемъ непріятное состояніе. Такимъ

образомъ данный внѣшній предметъ оцѣнивается нами тѣмъ, что онъ возбуждаетъ въ насъ дурное настроеніе, не удовлетворяетъ какой-то нашей потребности. Возьмемъ теперь другой примѣръ: пусть мы имѣемъ предложеніе—помогать ближнему хорошо. Эта истина весьма подобна предыдущей, за исключеніемъ того, что предметъ, съ которымъ она имѣетъ дѣло, вызываетъ въ насъ чувство, противоположное тому, какое вызывалось въ прежнемъ случаѣ. Говоря, что помогать ближнему хорошо, мы даемъ знать о переживаніи нами пріятнаго настроенія,—о томъ, что наша душа наполняется чувствомъ одобренія. Мы чувствуемъ себя удовлетворенными. Итакъ, нравственные истины предполагаютъ оцѣнку, оцѣнка же производится дѣятельностью чувства; но всякое чувство возбуждается тогда, когда удовлетворяется или не удовлетворяется существо нашей души, какая либо ея потребность,—отсюда выводъ: въ человѣкѣ существуетъ нравственная потребность. Ничто не препятствуетъ намъ назвать эту потребность идеей добра.

Вотъ къ чему приводитъ внимательное отношеніе къ природѣ или содержанію нравственныхъ истинъ. Теперь ясно, что утверждать, будто составители нравственныхъ убѣжденій вымышляютъ, придумываютъ послѣднія, значитъ еще не рѣшить вопроса ни въ одной части, ибо слово вымысль въ примѣненіи къ нравственнымъ истинамъ непонятно. Нравственные истины, какъ то выходитъ изъ сдѣланнаго нами разсмотрѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказываются выраженіемъ настроенія человѣка, когда онъ подвергается дѣйствию со стороны предметовъ или явленій, затрагивающихъ потребность его души. Они суть показатели того, что *чувствуетъ* человѣкъ, въ случаѣ удовлетворенія или неудовлетворенія нравственной потребности своей. Въ этомъ настроеніи или въ этой потребности и содержится источникъ, откуда проистекаютъ нравственные истины, составляющія содержаніе нравственныхъ убѣжденій.

Но если авторитетъ означаетъ, такимъ образомъ, явленіе, которому есть свои причины и причины эти суть дѣйствительныя психическія силы, то ставить его на ихъ мѣсто, какъ дѣлаетъ Милль, и приписывать ему то, что не только не рож-

дается отъ него, а напротивъ, его же и обусловливаетъ, значить идти противъ факта, насиловать правила логики. Авторитетъ есть мнимая сила, вліяніе, которое оказываетъ на умы будто бы онъ, въ дѣйствительности принадлежащихъ не ему; онъ самъ былъ-бы невозможенъ, если бы не дѣйствовали другія, совершенно отъ него не зависящія силы,—какія именно, это мы видѣли.

Нравственная беспомощность „авторитета“ обнаруживается еще съ большей наглядностью въ томъ случаѣ, если мы взглянемъ на него, какъ на руководство въ дѣлѣ усвоенія нравственныхъ истинъ, а такъ же въ дѣлѣ осуществленія приобрѣтенныхъ этимъ путемъ нравственныхъ понятій въ поступкахъ, въ жизни людей. До сихъ поръ мы разбирали вопросъ о сущности авторитета, о томъ, есть ли онъ сила; и доказали, что на самомъ дѣлѣ силой его назвать нельзя; теперь посмотримъ, что бы вышло, если бы, слѣдуя Миллю, мы придали авторитету это несвойственное ему значеніе нравственной силы, нравственнаго руководства. Первое неудобство, скажемъ даже прямо,—первое безнравственное слѣдствіе, какое повело бы за собою возведеніе авторитета на степень нравственнаго указателя, состоитъ въ необходимости цѣлую половину рода человѣческаго держать во тьмѣ невѣдѣнія, всѣми мѣрами стараться положить непреодолимая препятствія для тѣхъ, которые заявили бы поползновеніе вступить въ ту завидную область свѣта, гдѣ живутъ осчастливленные судьбой люди. Такъ какъ каждый человѣкъ растетъ и развивается и такъ какъ образованіе, въ числѣ другихъ своихъ плодовъ, приноситъ и тотъ, который развязываетъ узлы ума, приучая его къ сознательному отношенію ко всему, съ чѣмъ приходится сталкиваться человѣку, вызывая и укрѣпляя въ немъ привычку какъ можно осторожнѣе пользоваться „авторитетомъ“ и не расточать слишкомъ довѣрія къ недоказаннымъ мнѣніямъ; то понятно, что всякое образованіе есть естественный врагъ авторитета. Силы послѣдняго доставляются тьмою; тьма—его ближайшая помощница. Авторитетъ можетъ дѣйствовать, пока онъ въ силахъ приказывать, и пока существуютъ люди, способные безпрекословно принимать и живо приводить въ дѣй-

ствіи его приказанія. Но какъ только въ какомъ нибудь изъ подчиненныхъ его вліянію появится критическое движеніе мысли, какъ только онъ начнетъ обсуждать приказанія авторитета, обаяніе послѣдняго исчезаетъ; тогда авторитетъ разомъ теряетъ всю ту силу, на которую онъ могъ разсчитывать помимо насилія. Съ другой стороны, если значеніе авторитета и можетъ держаться, пока лица, на которыя онъ дѣйствуетъ, находятся въ дѣтскомъ возрастѣ, то вліяніе его начинаетъ постепенно колебаться по мѣрѣ того, какъ движется впередъ возрастъ людей. Отъ его вліянія освобождаются не только люди, получающіе такъ называемое систематическое образованіе, но и тѣ, которымъ отказываютъ во всякомъ образованіи; то, что въ первомъ случаѣ дѣлаетъ просвѣщаемый наукою умъ, во второмъ, хотя быть можетъ и не въ столь высокой степени, естественное его возрастаніе. Правда, можно указать случаи, когда авторитетъ съ не меньшей силой дѣйствуетъ какъ на умы непросвѣщенные, такъ и на просвѣщенные. Но такіе случаи составляютъ весьма рѣдкое исключеніе; вообще же вліяніе авторитета относительно очень ограничено. Если бы было иначе, то несомнѣнно люди не преминули бы воспользоваться этимъ весьма удобнымъ по легкости средствомъ подчинить себѣ добрую половину рода человѣческаго; однако на дѣлѣ ничего подобнаго мы не видимъ. Чего бы, на примѣръ, стоило правительству какого угодно государства привести въ дѣло свои распоряженія, по крайпей мѣрѣ тѣ, которыя касаются темнаго народа, пользуясь такой легкой возможностью сдѣлать это? Между тѣмъ, сколько иногда требуется усилій, напраснаго труда, даже борьбы, чтобы достигнуть того, что такъ легко и удобно—исполнимо казалось бы съ точки зрѣнія Милля. Но практическая неприменимость указываемаго Миллемъ нравственнаго руководителя простирается еще далѣе. Спрашивается: если авторитетъ можетъ составлять нравственную силу самъ по себѣ, независимо ни отъ какихъ постороннихъ источниковъ—вопреки тому, что нами говорилось объ этомъ выше, то чьимъ племемъ онъ долженъ дѣйствовать? Вѣдь нельзя же предположить, чтобы авторитетъ раздавалъ приказанія, не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Пусть толпа безропотно выслушаетъ его, пусть она, далѣе, съ такою

же безотчетною покорностью приведетъ въ исполненіе его волю; но чѣмъ будетъ руководствоваться сама воля авторитета? Ради какихъ цѣлей будетъ онъ дѣйствовать? Ради личныхъ? Но тогда съ челоуѣчествомъ повторится то, что было въ древнія времена: образуются касты, снова воскреснетъ рабство со всѣми ужасами своими и уродствами ¹⁾. Ради цѣлей другихъ людей? Но для этого нужно предположить двѣ вещи, равно гибельныя для авторитета. Во-первыхъ, способность дѣйствовать ради цѣлей другихъ лицъ возможна только тогда, когда уровень нравственнаго настроенія общества достигъ уже высокой степени. Стало быть, авторитетъ является здѣсь излиш-

¹⁾ Будучи по природѣ такими же слабыми смертными, какъ и остальные люди авторитеты непременно раздѣлились бы на ся. Одинъ авторитетъ сталъ бы утверждать одно, другой другое—всякій сообразно своему вкусу и личнымъ склонностямъ. Имъ недоставало бы основного свойства, безъ котораго никакой нравственный руководитель не можетъ принести благихъ плодовъ,—это единства и опредѣленности. Такъ какъ нравственныя качества людей очень много зависятъ отъ условій воспитанія, а этихъ условій столько, сколько, можно сказать, послитателей, то едва ли можно будетъ найти и двухъ авторитетовъ, которые бы согласились между собою по какому нибудь нравственному вопросу. Это разъ. Далѣе, самолюбіе и гордость, всегда очень рѣзко отличающія людей тонкаго развитія, какими обязательно должны быть авторитеты, положили бы между многими въ нихъ непроходимую пропасть. къ этому примѣшалось бы потомъ многое множество такихъ чувствъ, всегда очень щекотливыхъ и болѣзненныхъ, какъ чувство преобладанія, зависти къ успѣхамъ другихъ, чувство уязвленнаго себялюбія, затѣмъ ненависти, вражды и пр. Но что бы стало тогда съ нравственными понятіями людей? Воспринималъ отъ авторитетовъ—руководителей общественной нравственности безчисленное множество нравственныхъ истинъ такъ же похожихъ другъ на друга, какъ день и ночь, свѣтъ и тьма, бѣлое и черное, несчастная толпа стала бы въ тупикъ, или же, чего не дай Богъ, бросилась бы исполнять надѣлъ велѣніе своихъ кумировъ, перевернувъ вверхъ дномъ весь общественный строй. Нравственность тогда не утвердилась бы, а была бы изгнана изъ отношеній людей; возникла бы общественная безурядица, которой некому было бы сдерживать, потому что люди, призванные къ тому своимъ положеніемъ на верху лѣстницы, вкусившіе отъ древа познанія добра и зла, и были бы ея первыми виновниками. (Не забудемъ, что мы разсуждаемъ исключительно объ авторитетѣ, не имѣя въ виду чувства добра, которое, какъ мы выше доказали, управляетъ самимъ авторитетомъ и господствуетъ надъ нимъ). Кажется, подобныя этому примѣры дѣйствительно были въ жизни народовъ. Вспомнимъ хотя средневѣковую Италію, когда въ ней борьба другъ съ другомъ нѣсколькихъ уважаемыхъ и вліятельныхъ, авторитетныхъ значить, домовъ чуть не привела къ упадку и окончательному разоренію цѣлаго государства, цѣлой страны. Подобное зло очень хорошо извѣстно и намъ, Русскимъ, вынесшимъ когда-то на себѣ иго монголовъ, благодаря розни князей, бывшихъ въ свое время также авторитетами, за которыми слѣдовала толпа.

нимъ; или если угодно, онъ появится самъ собой, какъ прямое послѣдствіе прекрасныхъ дѣлъ великодушія, самопожертвованія и т. д., т. е., онъ будетъ не средствомъ и не силой, а слѣдствіемъ, не болѣе. Высоко-нравственнаго человѣка всегда уважаютъ, и, значитъ, въ этой высокой нравственности все дѣло. Если же авторитетъ можетъ дѣйствовать только въ зависимости отъ условій высокой нравственности, то, во-вторыхъ, необходимо въ человѣкѣ перевѣсъ и значительный перевѣсъ добра надъ зломъ. Но развѣ можно серьезно утверждать, чтобы человѣкъ былъ болѣе склоненъ по природѣ къ самоотверженной жизни для другихъ, чѣмъ къ своекорыстному разсчету? Говорить такъ, значитъ прямо закрывать глаза предъ дѣйствительностью, печальная картина которой уже не разъ служила поводомъ для поэтовъ и моралистовъ къ грустнымъ думамъ и сожалѣніямъ о родѣ человѣческомъ. Въ частности Миллю мы можемъ напомнить о его соотечественникѣ Байронѣ—знаменитомъ пѣвцѣ „отчаянія и слезъ“.

Итакъ, одна сила, которую указалъ Милль въ замѣнъ религіи должна быть признана призрачной. Точно такими же призрачными силами являются и другія, указываемыя имъ, нравственные руководства.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА VIII.

Практическое значеніе идеи человѣка.

Идея человѣка или человѣческой природы есть то, что оправдываетъ наши сужденія о человѣкѣ и о жизни. Съ другой стороны, ею же опредѣляется и то, каково должно быть наше поведеніе и какое употребленіе мы должны дѣлать изъ своей жизни.

Природа живаго существа есть совокупность его существенныхъ признаковъ, а также—законъ его развитія и самый принципъ движенія, посредствомъ котораго совершается это развитіе. Такимъ образомъ, природу живаго существа можно разсматривать или съ точки зрѣнія *статики* (и тогда мы находимъ *форму* его образованія), или же—съ точки зрѣнія *динамики* (и тогда открывается внутренній принципъ этого образованія). Въ обоихъ случаяхъ мы открываемъ его *законъ*.

Но такъ какъ въ каждомъ существѣ необходимо различать то, чѣмъ оно является въ данный моментъ, отъ того, чѣмъ оно будетъ, чѣмъ можетъ или должно быть, чѣмъ ему слѣдовало бы быть; то природа всякаго существа обнимаетъ въ своей богатой сложности и фактъ настоящій, и фактъ будущій,—всѣ возможности, равно какъ и всѣ необходимыя условія существованія и даже, наконецъ, условія достиженія имъ свойственнаго

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11, за 1896 г.

ему совершенства. Природа есть или то, что выражено въ дѣйствительномъ фактѣ—*natura estura*; или же то, чѣмъ этотъ фактъ опредѣляется—*natura archetura*. Въ первомъ случаѣ это основаніе, изъ котораго происходитъ то, что существуетъ, и типъ создается, повидимому, по данной реальности; въ послѣднемъ случаѣ это—идеаль, сообразоваться съ которымъ стремится все, что происходитъ, по которому образуется всякая реальность, имѣющая быть или начинающая существовать.

Существо живое имѣетъ форму,—форму своего вида, *εἶδος*,—которую оно стремится осуществить посредствомъ нѣкоторой, присущей ему, силы. Это и есть идея,—если и не для него, т. е., не какъ принадлежащее ему мысленное представленіе, которое онъ сознавалъ бы, то по крайней мѣрѣ для насъ, которые его разсматриваемъ. Это *εἶδος* въ смыслѣ Аристотеля, *εἶδος* не трансцендентный и не отдѣлимый отъ существа (*χωριστόν*), но *εἶδος τὸ κατὰ τὸν λόγον*, т. е., выраженіе сущности, дѣлающее существо понятнымъ, выраженіе всѣхъ основаній его бытія, а слѣдственно и понятности для насъ,—того, что дѣлаетъ вещь понятной для мысли, для человѣческаго разума. Но эта же самая идея, разсматриваемая внѣ и независимо отъ ума, ее постигающаго со стороны объективной, въ самомъ существѣ является чѣмъ то въ родѣ имманентнаго разума или разумнаго сѣмени, какъ говорили стоики,—словомъ является управляющей или руководящей идеей, *principale aliquid*, *τὸ ἡγεμονικόν*, началомъ, управляющимъ развитіемъ существа, эволюціею его жизни. Но такъ какъ идея включаетъ въ себѣ для существа возможность вполнѣ быть самимъ собой и даже до нѣкоторой степени какъ бы возвышаться надъ собою, обнаруживать избытокъ силъ и такимъ образомъ достигать свойственнаго ему совершенства, то ей (идеѣ) мы должны усвоить не только направляющій импульсъ (толчекъ), но и нѣкоторую пропульсивную силу,—силу движенія впередъ: она какъ бы толкаетъ и побуждаетъ идти впередъ и все дальше и выше, если ничто не препятствуетъ.

Такова-же и въ человѣкѣ его природа и его идея. Въ известномъ смыслѣ можно сказать, что человѣкъ создаетъ его

идея: вѣдь именно она объясняетъ въ каждомъ человѣкѣ движеніе впередъ и, въ связи съ закономъ наслѣдственности, объясняетъ прогрессъ человѣчества въ цѣломъ. Прежде всего эта идея обнаруживается въ инстинктахъ. Еще не сознаваемая, она уже побуждаетъ дѣйствовать. Есть соотвѣтствующія ей и ее выражающія склонности, стремленія и желанія. Напримѣръ, естественно стремленіе сохранять свое бытіе; естественно и влеченіе къ другимъ. Требования *человѣка—звѣря* столь же естественны, какъ и высокія стремленія *человѣка* въ собственномъ смыслѣ.

Затѣмъ выступаетъ сознаніе и наконецъ—рефлексія (размышленіе). Тогда является стремленіе овладѣть идеєю, напечатлѣть ее въ своемъ сознаніи и представить требуемую ею форму жизни. Тогда взорамъ мыслящаго человѣка ясно и отчетливо представляется природа человѣческая,—какъ она существуетъ фактически и въ идеѣ. Фактъ есть нѣкоторое осуществленіе идеи. Идея возводитъ фактъ къ себѣ, возвышаетъ до себя.

И такъ, повторимъ еще разъ: идея есть не только совокупность условій бытія даннаго существа; но и то, что требуется, чтобы это существо въ возможно большей и лучшей степени являлось самимъ собою, чтобы оно выражало свою сущность и даже нѣкоторый излишекъ, совершенство, превосходство, отвѣчающее его сущности или требуемое ею. Въ состояніи безсознательномъ, направляющая идея, если ничто ей не мѣшаетъ, побуждаетъ человѣка къ раскрытію его силъ, къ просвѣтлѣнію, къ блеску, какъ бы къ лучеиспусканію, если можно такъ выразиться. Но и будучи сознана, она сохраняетъ этотъ свой пропульсивный характеръ и такимъ образомъ становится практическимъ принципомъ.

Тогда является то, что называется сообразностью, достоинствомъ, красотой жизни. Есть образъ жизни благородный, благопристойный, заключающій въ себѣ величіе или прелесть,—образъ жизни прекрасный. Представленіе о такой жизни заманчиво и привлекательно. Оно производитъ на человѣка дѣйствіе особаго рода: оно внушаетъ желаніе сдѣлать что нибудь великодушное, великое; побуждаетъ поступать достойнымъ его

образомъ и помогаетъ въ этомъ; вызываетъ въ существѣ стремленіе, какъ бы порывъ къ себѣ; расширяетъ его, сообщаетъ ему силу экспансивности, энергію покорять другихъ, чтобы руководить, по указанію идеи, ихъ поведеніемъ, дѣйствіями и жизнью. вмѣстѣ съ тѣмъ и по этому самому, она побуждаетъ къ осторожности и сдержанности: вѣдь красота, которую мы видимъ, предполагаемъ, какъ бы предчувствуемъ или угадываемъ, привлекая къ себѣ, внушаетъ отвращеніе ко всему, что могло бы ей вредить. Нельзя смотрѣть на красоту жизни, зная въ чемъ она состоитъ и въ то же время быть несдержаннымъ въ своихъ желаніяхъ, не обуздывать себя и не избѣгать всего, ей враждебнаго. И такимъ-то образомъ это понятіе о сообразности, достоинствѣ, красотѣ, силою связанныхъ съ нимъ чувствъ влеченія къ одному и отвращенія отъ другаго, оказываетъ практическое вліяніе.

Я еще не считаю, однако, здѣсь оконченнымъ изслѣдованіе объ идеѣ, какъ практическомъ принципѣ: скорѣе, я только лишь начинаю его. Но мнѣ необходимо здѣсь остановиться такъ какъ изъ этихъ начальныхъ элементовъ развивается цѣлое понятіе о человѣческой жизни, разсмотрѣть которое теперь вполне своевременно.

Г Л А В А IX.

Наука и жизнь.

Все, что мы сказали, повидимому, не переступаетъ границъ самаго строгаго научнаго детерминизма ¹⁾. При такомъ пониманіи человѣка, повидимому,—замѣтьте, я говорю *повидимому*—для его объясненія не нужно прибѣгать ни къ какому метафизическому принципу. Вѣдь онъ составляетъ часть природы, подчиняется тѣмъ же законамъ, связанъ въ концѣ концовъ тою же необходимостью. Онъ исполняетъ свою задачу точно такъ-же, какъ и муравей или пчела—свою. Правда, въ

¹⁾ Такъ называется направленіе философіи, связывающее всѣ явленія міра *необходимую* связью (причинъ и дѣйствій, законовъ и т. д.) и не оставляющее въ немъ мѣста свободѣ.

нѣкоторыхъ отношеніяхъ его задача выше, такъ какъ ее ставитъ сознательное мышленіе. Но какою бы прекрасною она ни казалась, во всякомъ случаѣ это лишь одна точка среди обширной вселенной и, притомъ, если мы не ставимъ въ вину (въ смыслѣ нравственномъ) множеству людей то, что они еще не поднялись надъ состояніемъ животности, то и превосходство, котораго достигаютъ лишь избранники, собственно говоря, не ихъ заслуга. Каждый есть то, чѣмъ онъ можетъ быть. Между животнымъ и человѣкомъ существуетъ непрерывный рядъ посредствующихъ ступеней. Надо, — говорятъ, смотрѣть на вещи съ одной и той же точки зрѣнія и судить о нихъ на основаніи однихъ и тѣхъ же принциповъ: вѣдь одна и та же наука ихъ объясняетъ.

Изъ подобныхъ взглядовъ образуется своего рода жизненная философія, — печальная, но безропотная, спокойная, ясная, никого и ничего не презирающая, однако довольно надменная, такъ какъ, хотя все интересуется ученаго, потому что все имѣетъ свое мѣсто во всемирной эволюціи и происходитъ въ силу одного и того же необходимаго закона, однако лучшія, такъ сказать отобранныя произведенія природы ему все-же нравятся больше, вслѣдствіе ихъ сравнительной важности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по ихъ благотворности. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не предпочесть, на примѣръ, дикарю, въ которомъ ежеминутно готовы вспыхнуть наклонности гориллы, — человѣка культурнаго, образованнаго, въ которомъ низшіе инстинкты обузданы и мысль приноситъ уже свои лучшіе плоды? Даже и среди образованныхъ людей возможно ли не предпочесть, на примѣръ, черезчуръ утонченному остряку, испорченному резонеру, склонному къ отвлеченнымъ тонкостямъ, всему этому отродю софистовъ и фразеровъ, — прямой и здравый умъ ученаго, котораго наука излечила отъ всѣхъ этихъ умственныхъ болѣзней и сдѣлала въ нѣкоторомъ смыслѣ господиномъ надъ самимъ собой и надъ вещами, такъ какъ открыла ему часть міровой тайны.

Итакъ, подъ вліяніемъ науки, открывающей верховный законъ вселенной, образуется благородное и прекрасное понятіе

о жизни,—понятіе истинно аристократическое, хотя и не безъ примѣси нѣкоторой надменности и исключительности, такъ какъ оно образовано лишь для нѣкоторыхъ, для ученыхъ и мудрецовъ, и запрещено для черни, которую, впрочемъ, ученые и мудрецы не порицаютъ и не осуждаютъ. Жалѣютъ ли они ее? Да,—по естественной симпатіи; но не тревожатся о ней. Хотятъ ли они ей добра? Да, и опять такъ—по естественной симпатіи; но не даютъ себѣ бесполезнаго труда возвысить ее до себя. Наука—вотъ ихъ единственная забота, ихъ единственный объектъ. Ради нея они работаютъ и трудятся. Чего бы они ни сдѣлали, лишь бы пріобрѣсти вѣрное понятіе, точную идею, прибавить хотя-бы лишь одну новую истину къ истинамъ уже извѣстнымъ? И вотъ почему и вотъ въ какомъ отношеніи жизнь въ ихъ глазахъ серьезна: она ставитъ опредѣленную задачу и указываетъ важное дѣло,—попятъ, насколько возможно, законы вселенной. Кто способенъ къ занятію наукой, тотъ отдается ей тѣломъ и душой. Она становится главнымъ дѣломъ жизни; въ ней его честь и его радость; она облагораживаетъ человѣка, придаетъ смыслъ существованію, и обуславливаетъ цѣнность жизни. Человѣкъ, преданный наукѣ, уже не диллетантъ и не проводитъ жизнь въ праздности, какъ „знатокъ“ или бесплодный „любитель“. Нѣтъ. Это именно ученый, а это уже совершенно иное дѣло: онъ работаетъ ради пріобрѣтенія знанія, а это трудное занятіе, которое уноситъ силы. Повторю еще разъ: красота и достоинство жизни состоятъ въ томъ, чтобы исполнять эту истинно человѣческую задачу,—задачу ученаго, который наблюдаетъ, стремится понять то, что наблюдаетъ, и которому никогда не наскучиваетъ это занятіе. Принадлежать къ числу тѣхъ, кому на долю выпалъ этотъ жребій,—это рѣдкое счастье. Можно-ли, однако, надѣяться, что со временемъ число участниковъ въ этомъ несравненномъ счастіи увеличится?—Безъ всякаго сомнѣнія,—восклицаютъ нѣкоторые. Наука, говорятъ, преобразуетъ міръ и, благодаря ей, человѣчество достигнетъ, наконецъ, своего золотого вѣка. Но люди, наиболѣе ученые, не такъ довѣрчивы. Сама наука говоритъ намъ, что въ нѣдрахъ человѣчества еще

много разныхъ другихъ элементовъ, которые наука изучаетъ, но которые не сводимы на науку, т. е., иной природы въ сравненіи съ природою идей и разума. Все это, всё эти, отличные отъ идей и разума, элементы, хотя и вполнѣ реальны и, какъ такіе, могутъ быть наблюдаемы, анализируемы, подчиняемы извѣстнымъ законамъ, однако не покорны мысли и даже непроницаемы для нея (*indisciplinables*) по самому существу: такова, на прим., грубая чувственность, животная жестокость, страсть, чувство, воображеніе и т. д. Это—пружина жизни, грубая или тонкая,—ея двигатель, колесо міровой машины, часть міроваго организма. Наука никогда не будетъ въ состояніи подавить этихъ элементовъ, а пока они будутъ существовать, до тѣхъ поръ на свѣтѣ будетъ существовать нѣчто иное кромѣ ученыхъ и мудрецовъ. Эти послѣдніе могутъ, слѣдовательно, надѣяться на нѣкоторое улучшеніе человѣчества благодаря все возрастающему свѣту науки; могутъ сказать себѣ, что, распространяя науку, они уменьшаютъ человѣческія бѣдствія, поскольку они зависятъ отъ человѣческой глупости или невѣжества. Но эта надежда не велика и, такъ какъ при этомъ и честолюбіе ихъ умѣренно, то скромно и ихъ усердіе. Они благожелательны, толерантны, добры къ слабымъ и униженнымъ,—„маленькимъ“ людямъ; они съ радостью встрѣчаютъ людей съ твердымъ и живымъ умомъ, стараются укрѣпить ихъ и освѣжить, вникаютъ въ ихъ мысли, предостерегаютъ отъ увлеченія мечтою, отъ слишкомъ широкихъ желаній, даютъ указанія, какъ возможно лучше употреблять свои умственные силы для открытія какой либо прочной истины, которая приумножила-бы сокровище человѣческихъ знаній. Они любятъ и привѣтствуютъ появленіе всего, что составляетъ цвѣтъ активности чело-вѣка: искусство и его чудныя произведенія, добродѣтель и т. д. Ничто имъ не чуждо. И человѣчество, въ свою очередь, получаетъ отъ нихъ, вмѣстѣ съ новыми понятіями, уроки научной честности, скромности, независимости, кротости, простоты, мужества, въ трудѣ—въ виду непопулярности, соблазновъ, угрозъ властей, болѣзни и, наконецъ, смерти. Эти уроки, безъ сомнѣнія, ни-

когда не затеряются въ великомъ и непрерывномъ потокѣ вещей, которымъ управляетъ безстрастная Необходимость ¹⁾).

Могутъ-ли я остановиться на этомъ понятіи о жизни? Я нахожу въ немъ серьезность, которой ищу; сообразность съ законами жизни, которую я призналъ необходимой; опредѣленную задачу жизни, благородную идею человѣка и, такъ какъ я принадлежу къ числу тружениковъ науки, то естественъ вопросъ: не пригодна-ли изложенная теорія и для меня?

Я, однако, колеблюсь отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, такъ какъ прежде всего я упрекаю эту теорію въ томъ же, въ чемъ упрекалъ и диллетантизмъ,—именно въ томъ, что она пригодна лишь для избранниковъ: она слишкомъ аристократична, а это уже плохой признакъ.

Затѣмъ, по моему мнѣнію, объявлять, что между животнымъ и человѣкомъ существуетъ непрерывный рядъ посредствующихъ ступеней, т. е., что у человѣка нѣтъ будто-бы собственнаго закона,—утверждать это, по моему мнѣнію, значитъ идти далѣе того, на что уполномочиваютъ факты. Мнѣ кажется, что идея человѣка, если вникнуть въ нее глубже, можетъ ввести въ новую и высшую область. Не есть-ли, однако, это ожиданіе простое предчувствіе, неимѣющее никакого значенія? Приступимъ къ самому изслѣдованію и посмотримъ, есть ли это ожиданіе на самомъ дѣлѣ иллюзія, или же дѣйствительно мы стоимъ въ преддверіи новаго міра.

Г Л А В А X.

Нравственная обязанность.

Изслѣдуя идею человѣка, я констатировалъ одну привлекательную черту,—ея пропульсивную силу. Идеаль человѣческой природы оказываетъ на меня практическое вліяніе. Возвратимся

---

¹⁾ Нужно-ли говорить, что, не смотря на общераспространенность содержанія настоящей главы, она въ большей своей части заимствована у Тэна. Многое здѣсь напоминаетъ объ его сочиненіяхъ. Кто былъ лично съ нимъ знакомъ, тотъ услышитъ здѣсь какъ бы эхо его бесѣдъ. Особенно на послѣдней страницѣ оги замѣтятъ черты его характера и даже, такъ сказать, самой его жизни.

къ этому важному вопросу и постараемся проникнуть въ него нѣсколько глубже.

Рѣчь идетъ о красотѣ жизни. И вотъ о чемъ я себя спрашиваю: если, признавая эту красоту идеаломъ человѣческой жизни, я, однако, стану пренебрегать ею, то какого мнѣнія я буду о самомъ себѣ?

Во всемъ остальномъ красота имѣетъ для меня такую притягательную силу, что если, имѣя возможность ея достигнуть, я не воспользуюсь этою возможностью, то буду испытывать неприятное чувство.

Опредѣлимъ положеніе дѣла точнѣе: обнаруживать, раскрывать свои силы, свои способности, свои таланты, если они есть, въ области прекраснаго, въ области искусства,—это одна изъ возможныхъ частныхъ цѣлей моей дѣятельности. И вотъ, имѣя возможность развивать свои силы въ этомъ направленіи, я пренебрегаю ею. Что отъ этого произойдетъ? Я буду собой недоволенъ. Почему? Потому что тѣмъ самымъ я лишаю себя тонкихъ наслажденій и большихъ выгодъ; потому что, далѣе, лѣнь моя достойна порицанія: вѣдь въ моемъ влеченіи къ прекрасному, безъ сомнѣнія, сказывалось указаніе на мое призваніе, а я, по небрежности или по слабости, отказываюсь дѣлать то, для чего, повидимому созданъ.

Будемъ, однако, осторожны: здѣсь совершенно новая идея, которой до сихъ поръ мы еще не встрѣчали. Мы констатировали привлекательныя черты идеи человѣка,—говорили о пристойности, объ изяществѣ и благородствѣ жизни, словомъ обо всемъ томъ, что производитъ на насъ особенное и сильное, чарующее дѣйствіе. Здѣсь, очевидно, разумъ начинаетъ являться намъ уже въ новомъ видѣ. Онъ уже не предлагаетъ намъ лишь прекрасную идею. Онъ является здѣсь со своимъ собственнымъ, своеобразнымъ характеромъ,—какъ способность повелѣвать и повелѣваться властно.

Въ самомъ дѣлѣ, мой разумъ упрекаетъ меня въ лѣнности. Что это значитъ? Это значитъ, что существуетъ какое-то дѣло, которое мнѣ необходимо сдѣлать. Однако, это не слѣпая необходимость, а, съ другой стороны, здѣсь нѣчто большее про-

стой привлекательности или влеченія. Слѣдуетъ нѣчто сдѣлать; но меня не принуждаютъ къ этому насильно. Слѣдуетъ сдѣлать..... и, если я дѣлаю то, чего не слѣдуетъ, то я неправъ. Здѣсь есть приказаніе, настоятельное повелѣніе. Я оказываюсь внутренно связаннымъ. Законъ,—ибо вѣдь здѣсь рѣчь идетъ о настоящемъ законѣ,—таковъ, что его недостаточно соблюдать внѣшнимъ образомъ, но необходимо внутренно повиноваться ему по чувству уваженія, такъ что я долженъ внутренно подчинить ему все свое существо, обнаружить полное внутреннее согласіе съ нимъ и признать хорошимъ все то, чего онъ требуетъ.

Фактъ этотъ былъ тысячу разъ описанъ; но необходимо разсмотрѣть его ближе и серьезнѣе.

Этотъ фактъ есть *обязанность*, обязанность *нравственная*. Формула его такова: „ты *долженъ* сдѣлать“. Замѣтимъ это хорошенько: ты *можешь* сдѣлать иначе, но ты *долженъ* сдѣлать такъ. Вотъ это-то именно въ сравненіи со всѣмъ предыдущимъ, и составляетъ новость,—новость значительную, *огромную*. Въ самомъ дѣлѣ, если формула вѣрна, то вѣдь ни одно правило мышленія, ни одинъ методъ изъ всѣхъ, доселѣ употреблявшихся, не идетъ такъ далеко, не можетъ равняться съ этою формулою: мы вступаемъ въ совершенно новую область.

Въ данный моментъ мнѣ нѣтъ необходимости изслѣдовать происхожденіе идеи обязанности. Я долженъ лишь разсмотрѣть, въ чемъ она состоитъ, *his et nunc*. Это первая задача разума въ виду факта: констатировать его, описать и представить въ ясномъ, точномъ и раздѣльномъ выраженіи.

Однако, когда я вижу и признаю себя обязаннымъ сдѣлать одно и не дѣлать другого, то можетъ случиться и дѣйствительно случается, что мнѣ очень захочется сдѣлать именно то, чего я не *долженъ* дѣлать. И вотъ я, со всѣми моими горячими силами, остановленъ: чѣмъ? Идеєю. Эта идея можетъ усилиться до того, что станетъ мнѣ повелѣвать, потребуетъ, чтобы я всѣмъ пожертвовалъ ради нея, чтобы рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить ей. Я здѣсь ничего не выдумываю и не впадаю въ декламацію. Я просто констатирую фактъ. Ежедневно,

въ разной формѣ и степени, ради идеи человѣка совершеннаго, я жертвую тѣмъ дѣйствительнымъ человѣкомъ, каковъ я есмь на самомъ дѣлѣ. Я убиваю, предаю на смерть что нибудь въ себѣ, какую нибудь часть себя самого ради того, чтобы быть въ соотвѣтствіи съ этимъ идеаломъ жизни. Бываютъ случаи, когда, ради этого, жертвуютъ всею жизнью. И когда такимъ образомъ законъ умерщвляетъ человѣка, то можетъ случиться, что человѣкъ упустилъ изъ виду самую красоту (достоинство, величіе) жертвы и станетъ повиноваться закону, не понимая его. Вотъ что такое законъ. *Dura lex, sed lex*. Я уже не вижу болѣе, почему законъ достоинъ уваженія; но я вижу, что это законъ и что онъ достоинъ уваженія. Я вижу такъ же, что это универсальный законъ,—что онъ обязателенъ для всѣхъ умовъ и всѣхъ волей. Я преклоняюсь предъ нимъ и молчу.

Повторяю еще разъ, что это фактъ.

Поэтому жизнь въ моихъ глазахъ принимаетъ особенную важность. Это *долгъ* быть человѣкомъ въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ этого слова; это долгъ жить сообразно съ идеаломъ человеческой природы. И все это такъ ясно, просто и опредѣленно.

Затѣмъ мнѣ кажется, что разъ долгъ доступенъ всѣмъ, въ томъ смыслѣ, что не требуетъ утонченной культуры, то жизнь,—жизнь, достойная человѣка,—уже не составляетъ привилегіи лишь нѣкоторыхъ посвященныхъ или возвышенныхъ натуръ. Мнѣ кажется, что, вслѣдствіе этого, и народныя массы или чернь, какъ принято говорить теперь, способна смотрѣть на жизнь такъ, какъ и слѣдуетъ на нее смотрѣть, и дѣлать изъ нея такое употребленіе, какое и должно. Мнѣ кажется, наконецъ, что съ этой точки зрѣнія жизнь дѣйствительно оказывается серьезною, получаетъ смыслъ и является къ чему нибудь пригодною. Отгадка и лозунгъ, значеніе и правило, объясненіе и направленіе жизнь,—развѣ мы не обладаемъ теперь всѣмъ этимъ? На всѣ, осаждающіе насъ, вопросы мы можемъ отвѣтить теперь однимъ, великимъ и вмѣстѣ простымъ, словомъ:

Долгъ!

ГЛАВА XI.

Нравственное сознание и положительная наука.

Достаточно-ли установить фактъ долга, въ которомъ резюмируется, повидимому, вся философія жизни, чтобы затѣмъ уже отложить всякіе поиски? Могу ли я отказаться отъ всякаго вопроса по поводу самаго долга? Развѣ это такая тайна, передъ которой остается лишь преклоняться? Но разумно-ли и сообразно ли съ требованіями научнаго духа такое преклоненіе предъ чѣмъ-либо „необъяснимымъ“. Жизнь озарилась для меня свѣтомъ долга. Я готовъ былъ сказать себѣ, что разгадалъ жизнь и знаю ея лозунгъ: я въ этой жизни для того, чтобы исполнить свой долгъ. Вотъ причина моего существованія,— причина жизни. „Человѣкъ, исполняй свой долгъ“: это высшая формула! Этимъ все сказано и то, что должно дѣлать изъ жизни, заключается здѣсь въ сокращеніи или, лучше сказать, въ своей сущности. И вотъ я съ довѣріемъ принималъ этотъ чудный и великій свѣтъ и начиналъ уже нѣчто понимать въ жизни,—понимать, какое должно дѣлать изъ нея употребленіе. На вопросъ: чего требуетъ отъ меня жизнь?—у меня былъ отвѣтъ: она требуетъ исполненія долга. А на другой вопросъ: чего требую я отъ жизни?—у меня опять таки былъ отвѣтъ: я требую отъ нея средствъ къ исполненію своего долга и именно отсюда я ожидаю всего того, что составляетъ славу и радость жизни. Все объяснялось, такимъ образомъ, долгомъ. Съ этой точки зрѣнія я видѣлъ въ новомъ свѣтѣ и съ большею отчетливостью, чѣмъ прежде, все то, что въ началѣ этого изслѣдованія я называлъ „серьезностью“ жизни, „достоинствомъ“ и „превосходствомъ“ жизненной задачи, достоинствомъ и превосходствомъ человѣка, значеніемъ жизни, употребленіемъ жизни. Нравственный законъ или правило жизни давало мнѣ болѣе глубокое понятіе о самой жизни и объясняло ее гораздо лучше, чѣмъ все остальное.

Но вотъ мною начинается овладѣвать безпокойство. Я спрашиваю себя: могу ли я такъ отдаваться внушеніямъ своего сознанія. Наука меня останавливаетъ. Нѣтъ сомнѣнія,—гово-

ритъ она,—что долгъ, какъ фактъ, существуетъ: въ той цивилизованной странѣ, гдѣ я живу, являясь наслѣдникомъ долгихъ вѣковъ цивилизаціи, я дѣйствительно имѣю чувство и понятіе о нравственной обязанности и нѣтъ надобности, да и нельзя подвергать сомнѣнію этотъ фактъ. Но довольствоваться лишь этимъ и утверждать, что передъ долгомъ надо только преклоняться и молчать,—не значитъ ли это отрекаться отъ науки? Вѣдь наука требуетъ объясненія всякаго факта: а объяснять предметъ не значитъ-ли сравнивать его съ какимъ либо другимъ, разложивъ его сначала посредствомъ анализа на его составныя части? Предполагать, будто нравственная обязанность сама по себѣ ускользаетъ отъ всякаго объясненія и опасаться всякой попытки сравненія ея съ чѣмъ либо другимъ,—не значитъ-ли это вовсе отказаться отъ яснаго понятія о ней? Говоря иначе, не значитъ-ли это отказаться отъ того, что считается по преимуществу научнымъ приемомъ, именно—отъ анализа? А это не значитъ ли становится въ оппозицію съ научнымъ разумомъ? Выдѣлять такимъ образомъ нравственную обязательность и усвоить ей какос-то, какъ-бы привилегированное положеніе, ставить ее внѣ всякихъ научныхъ обсужденій, какъ нѣчто простое, первоначальное и не сводимое ни на что другое: не странно-ли все это? Между нравственнымъ сознаніемъ и положительной наукой происходитъ, такимъ образомъ, столкновеніе, конфликтъ. Какая сторона должна уступить? Едва-ли, повидимому, наука. Она, правда, еще несовершенна, не все объяснила; но она пытается расширять свои владѣнія все далѣе и далѣе и надѣется, что со временемъ объяснитъ все. Въ вопросѣ о нравственной обязательности—для нея ключъ къ міровой тайнѣ: стоитъ только, —говорятъ,—обратиться къ идеѣ эволюціи и тогда сами собою исчезнутъ всѣ иллюзіи о „простомъ“, „первоначальномъ“, „не сводимомъ“, „ускользающемъ отъ анализа и не поддающемся никакому объясненію“, понятіи. Этимъ способомъ наука надѣется открыть образованіе, генезисъ и зарожденіе всѣхъ нашихъ чувствованій и понятій. Съ этой точки зрѣнія ясно все, что прежде казалось непонятнымъ: вмѣсто страннаго факта оказывается фактъ, подчиняющійся тому же закону, какъ и

все остальное; вмѣсто тайны, встрѣчающей насъ, такъ сказать, на порогѣ нравственной жизни, получается ея научное объясненіе и сознаніе узнаетъ отъ науки тайну своего скромнаго происхожденія и своей постепенно возрастающей власти.

Итакъ, что-же,—ужели все обращается въ вопросъ?—Все, за исключеніемъ лишь того, что самый фактъ нравственной обязанности, по крайней мѣрѣ *hic et nunc*, есть фактъ несомнѣнный.

Но и этотъ фактъ ускользаетъ-ли отъ анализа, какъ практикують его положительныя науки? Вотъ, въ точной формѣ, вопросъ, подлежащій теперь нашему разсмотрѣнію.

Для этого я хочу, насколько возможно, проникнуться научнымъ духомъ. Если, теперь, я скажу, что научный духъ требуетъ, чтобы всякій данный фактъ подходилъ подъ факты, уже извѣстные, или вступалъ въ ихъ ряды,—то будетъ ли это истинно научнымъ утвержденіемъ? Отнюдь нѣтъ, такъ какъ это значило-бы утверждать то, чего я не знаю. Научный духъ заставляетъ брать факты такъ, какъ они есть и никогда не насиловать ихъ: онъ требуетъ ихъ точной установки и объясненія и, такъ какъ второе требованіе не можетъ противорѣчить первому, то изъ этого слѣдуетъ, что научный духъ требуетъ вообще, чтобы объясненіе не уничтожало факта, подлежащаго объясненію, не измѣняло его сущности, не искажало его и чтобы, съ другой стороны, включая его въ извѣстный порядокъ или классъ фактовъ, оно не поставляло на мѣсто его что-либо другое.

Все это очевидно и несомнѣнно и въ то же время слишкомъ элементарно. Это—азбука научнаго метода и отказаться отъ этихъ правилъ значило-бы отречься отъ самого духа науки.

Итакъ, я чувствую и объявляю себя *обязаннымъ*, т. е., связаннымъ, но такими узами, которые ни съ какими другими не имѣютъ никакого сходства: я *долженъ* сдѣлать что-нибудь,—это значить, что я могу сдѣлать или то, или это, но буду неправъ, если не сдѣлаю того, что долженъ. То, что я долженъ сдѣлать, остается тѣмъ же, даже и въ томъ случаѣ, если я не хочу этого дѣлать и не дѣлаю. Это—законъ, достойный ува-

женія даже и тогда, когда его не уважаютъ; ненарушимый даже и тогда, когда его нарушаютъ. Оказывая ему непослушаніе, я поступаю такъ, какъ будто онъ для меня не существуетъ,—я его подавляю и, насколько отъ меня зависитъ, уничтожаю; я хочу, чтобы онъ не существовалъ больше, и дѣлаю все отъ меня зависящее для того, чтобы его не было и, однако,— онъ продолжаетъ надо мною господствовать! Вопреки всѣмъ моимъ усиліямъ его уничтожить, и не смотря на то, что я чрезъ свои поступки опровергаю его самымъ дѣломъ, онъ все таки существуетъ: это законъ и при томъ такой законъ, который меня осуждаетъ. Я не могу помѣшать ему меня обвинять. Съ другой стороны, если я и исполню его, однако не въ силу уваженія предъ нимъ,—такъ какъ мой разумъ и моя внутренняя воля съ нимъ несогласны,—то и въ этомъ случаѣ я не могу сказать, что повинуюсь ему: повиновеніе закону будетъ лишь въ томъ случаѣ, когда его уважаютъ и исполняютъ изъ уваженія. Надо желать, чтобы онъ существовалъ и сообразовываться съ нимъ изъ уваженія и любви къ нему.

Чувство это существуетъ въ человѣчествѣ, равно какъ и понятіе: напримѣръ, сейчасъ, въ данный моментъ, они существуютъ и у васъ, читателей этихъ строкъ, и у меня, ихъ пишущаго. Это фактъ и фактъ положительный. Именно этотъ-то фактъ и хотятъ объяснить. Но если такъ, то его не слѣдуетъ ни уничтожать, ни измѣнять, ни искажать объясненіемъ. Научный духъ и научный методъ требуютъ, чтобы объясненіе факта сохраняло его во всей неприкосновенности и подлинности.

Мнѣ предлагаютъ видѣть въ нравственномъ долгѣ послѣднюю ступень медленной эволюціи. *A priori* я отъ этого не отказываюсь; но такъ же *a priori*, во имя яснаго, опредѣленнаго и точнаго понятія о самой эволюціи, я объявляю, что, когда ссылаются на эволюцію, необходимо признать уже въ самомъ началѣ процесса зародышъ, изъ котораго время вывело бы, чрезъ рядъ послѣдовательныхъ развитій, ея (эволюціи) окончательный продуктъ: иначе онъ будетъ чѣмъ то совершенно новымъ,—явленіемъ совсѣмъ другаго порядка и въ такомъ случаѣ мы придемъ къ *эпигенезису*, творенію. Вы общаете мнѣ нечув-

ствительный переходъ; я же вижу здѣсь рѣзкій скачокъ. Эволюція объясняетъ мнѣ большое дерево съ его плодами, но—лишь потому, что въ его зародышѣ уже дано до извѣстной степени то, что со временемъ превратится въ дерево. Возьмите зародышъ и посѣйте на его мѣсто камень: у васъ ничего не получится.

Точно такъ-же, если уже въ самомъ началѣ процесса не было ничего подобнаго нравственной обязанности; то вы напрасно будете прилагать время къ времени: длинная серія вѣковъ не дастъ, въ концѣ концовъ, ничего похожаго на обязанность. Если ея нѣтъ въ зародышѣ,—не будетъ и въ концѣ развитія.

Въ настоящее время обязанность не есть внѣшнее принужденіе и страхъ не есть уваженіе. Какимъ же образомъ то, что первоначально было принужденіемъ могло сдѣлаться обязанностью, а то, что первоначально было страхомъ, могло сдѣлаться уваженіемъ? Посредствомъ какого преобразованія, идущаго наперекоръ всѣмъ законамъ вещей? Совершенствованіе (*raffinement*) не есть перемѣна природы; если преобразование подставляетъ на мѣсто прежняго или добавляетъ къ прежнему что-либо новое, то это равносильно творенію: это не будетъ уже болѣе развитіемъ, распусканіемъ, цвѣтомъ жизни, но чѣмъ то такимъ, чего раньше не было,—явленіемъ, котораго начало процесса не обѣщало, не содержало и не могло произвести.

Можно, благодаря опыту жизни, лучше понимать свои выгоды; нѣкоторыя чувства могутъ, подъ вліяніемъ наслѣдственности, усиливаться, брать верхъ надъ остальными и, вслѣдствіе этого, казаться намъ новыми; нѣкоторыя привычки могутъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, и такимъ образомъ, развиваться, упрочиваться и окрѣпнуть въ родѣ; нѣкоторыя понятія могутъ усовершенствоваться, усложниться и т. д. Въ сферѣ нравственности также могутъ возникнуть новые виды долга: обязанности постепенно измѣняются, расширяются, опредѣляются, увеличиваются и усложняются; чуткость сознанія утончается и т. д. Все это мы можемъ наблюдать какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ и человѣческихъ группъ.

пахъ, такъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Пусть называютъ это нравственной эволюціей: я не буду этого оспаривать! Но чтобы тамъ, гдѣ первоначально не было ничего, кромѣ наклонностей, инстинктовъ, стремленій и способности обдумать все это,—чтобы на этой почвѣ могло возникнуть то удивительное духовное явленіе, которое мы называемъ нравственною *обязанностью*, которое побуждаетъ насъ къ самоотверженной дѣятельности и даже къ самопожертвованію: можно-ли это допустить и понять? Если бы даже вы признали въ началѣ процесса такъ называемыя *альтруистическія* чувствованія, наряду съ *поистиннымъ* направленіемъ жизни; то и это нисколько не объяснило бы обязанности жертвовать эгоизмомъ въ пользу альтруизма. Вы можете наслоять столѣтія на столѣтія; но этимъ вы ничего не достигнете и не обеспечите успѣха. Простыя, инстинктивные влеченія, умноженныя, накопленныя, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію и какъ бы увѣковѣченныя этой передачей, все таки останутся не чѣмъ инымъ, какъ тѣми же влеченіями: ихъ интенсивность (напряженность) возрастетъ, ихъ сила, быть можетъ, сдѣлается непреодолимою, но природа и сущность вещей не измѣнится и эта непрерывно возрастающая сила не сдѣлается ни авторитетомъ, ни долгомъ, ни обязанностью. Даже *иллюзіи* нравственной обязанности нельзя объяснить этимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ чистый инстинктъ могъ принять такую странную форму,—столь мало соответствующую его происхожденію? Если разумъ, размышляя о бессознательной работѣ вѣковъ, когда нибудь разсѣетъ иллюзію, указавъ, на примѣръ, на безуміе,—въ смыслѣ выгоды,—безкорыстія и жертвы, которыхъ требуетъ нравственная обязанность; то какимъ образомъ этотъ самый разумъ могъ бы возстановить „иллюзію“, указывая на основанія выгоды безкорыстія, самопожертвованія и жертвы? Выгоды, какъ бы значительны онѣ ни были, какими-бы человѣчными ихъ ни считали, будутъ всегда лишь выгодами: обязанность-же есть нѣчто совершенно иное. Вѣдь повиновеніе естественнымъ законамъ жизни еще не есть нравственная обязанность.

Итакъ, такъ называемая нравственная эволюція можетъ дать въ результатъ что либо истинно *нравственное* лишь въ томъ случаѣ, если въ началѣ процесса въ зародышѣ уже дано что нибудь истинно *нравственное*. Истинно нравственнымъ же мы можемъ назвать лишь дѣятельность или, — лучше, — желаніе дѣятельности, проникнутой уваженіемъ къ разумному закону, который, повелѣвая намъ, выражаетъ не то, что есть, но то, что быть *должно*, и который требуетъ отъ воли, чтобы своимъ дѣйствіемъ она вызывала къ бытію то, что быть должно. Паскаль говоритъ: „разумъ приказываетъ гораздо повелительнѣе, чѣмъ господинъ: не повинуюсь послѣднему, становишься лишь несчастнымъ; не повинуюсь-же первому, становишься глупцомъ“. Но разумъ практической, сознание нравственное повелѣваетъ еще болѣе властно и, не повинуюсь ему, становишься человѣкомъ безчестнымъ.

Можно, конечно, создавать подобныя системы для объясненія нравственности; но онѣ лишь компрометируютъ ее и рискуютъ уничтожить. Однако, каковы бы ни были системы, едва ли кто захочетъ, даже опираясь на нихъ, быть безчестнымъ человѣкомъ, — повторяю это здѣсь еще разъ. Это безспорный фактъ. Обратитесь къ нравственному сознанію каждаго и, называя вещи ихъ собственными именами, замѣняя абстрактныя понятія конкретною дѣйствительностью, спросите, напримѣръ, такъ: *что* вы предпочитаете, — быть честнымъ человѣкомъ или безчестнымъ? Онъ, конечно, отвѣтитъ, что желаетъ быть честнымъ. Вотъ — строгая и точная постановка вопроса, научно правильная и законная. И такой пріемъ здѣсь вполне уместенъ: такъ какъ научный методъ заставляетъ брать факты такъ, какъ они ссть, то я и хочу обращаться нравственно съ вопросами и предметами нравственными.

Для большей точности я ограничусь лишь однимъ вопросомъ и, обращаясь къ мыслителю, ищущему объясненія нравственной обязанности, скажу ему: „Вотъ вы теперь ваходитесь въ началѣ вашего изслѣдованія, равно какъ и я. Если вы не шарлатанъ, то для васъ существуетъ, должно существовать нѣчто такое, что вы считаете неоспоримымъ, а именно убѣжденіе, что искренность,

серьезность и прямота суть вещи вполне достойныя уваженія и вы хотите или должны хотѣть быть въ вашихъ изслѣдованіяхъ искреннимъ, серьезнымъ, правдивымъ, равно какъ желаете, чтобы и я, слѣдуя за вами, поступалъ точно такимъ же образомъ.

Однако, что же это такое? Не скажете ли вы, что все это есть не что иное, какъ наши общественныя условности, отношенія, приличія, „предразсудки“, если угодно?—Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ едва ли вы допустите мысль, что могло бы существовать общество, въ которомъ искренность и прямота не были бы достойны уваженія. Вы ни на минуту не допускаете, слѣдовательно, что наука можетъ когда нибудь найти способъ обходиться безъ нихъ.

Итакъ, очевидно, существуетъ нѣчто, что *должно* быть, хотя и не всегда осуществляется на самомъ дѣлѣ. И что мы постигаемъ нѣчто, что *должно* быть,—это фактъ.

Вотъ это-то и есть въ нашей внутренней жизни элементъ новый по отношенію ко всему остальному. Нравственная обязанность составляетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ все остальное. И это фактъ,—положительный фактъ: *есть* нѣчто совершенно другаго порядка, чѣмъ всѣ остальные факты.

Попытка анализа въ примѣненіи къ нравственной обязанности указываетъ намъ, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ нѣчто, что не поддается обычнымъ приѣмамъ анализа. Или нравственная обязанность не есть соединеніе, комбинація, ассоціация предшествовавшихъ элементовъ,—не есть ихъ результатъ; или же она ровно ничего не значитъ. Это простая, непроверяемая, первоначальная данная; или же она сама собой уничтожается и гибнетъ. Самая попытка ее анализировать представляетъ непроверяемое доказательство этого утвержденія.

Но тогда это быть можетъ какая нибудь таинственная идея?—Это великое слово часто теперь употребляютъ, но я его пока устраняю, такъ какъ не знаю еще навѣрно, что оно значитъ въ данномъ случаѣ. Въ замѣнъ этого я пытаюсь опредѣлить, съ возможною точностью, тотъ необыкновенный, ни съ чѣмъ

несравнимый, единственный въ своемъ родѣ фактъ, который я назову теперь нравственнымъ фактомъ.

Фактъ этотъ состоитъ, говоря кратко, въ томъ, что человѣкъ чувствуетъ и видитъ, что онъ *долженъ* то или другое сдѣлать,—*долженъ* хотѣть этого, и что, съ другой стороны, это властное требованіе—порядка *разумнаго*, т. е., требуетъ внутренняго согласія и одобренія, такъ какъ законъ долженъ исполняться изъ уваженія къ самому закону.

Этотъ дѣйствительный, положительный и достовѣрный фактъ не сводимъ ни къ какому другому. Здѣсь безсиленъ анализъ,—въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; никакое механическое или тому подобное объясненіе здѣсь невозможно.

Значитъ ли это, однако, что фактъ этотъ *не нужно* изучать? Вовсе нѣтъ.

Анализъ, который разлагаетъ данное цѣлое на простые элементы, не можетъ здѣсь имѣть примѣненія, такъ какъ всѣ эти предполагаемые элементы были бы разнородны съ цѣлымъ. Но существуетъ другой анализъ, а именно тотъ, который различаетъ въ самой природѣ или внутреннемъ существѣ даннаго предмета то, что онъ въ себѣ заключаетъ. Такой анализъ излагаетъ, показываетъ, какъ бы развертываетъ, развиваетъ содержаніе факта или идеи, которая и сама, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть фактъ или дана въ фактѣ,—съ помощью нѣсколькихъ точныхъ словъ онъ дѣлаетъ яснымъ то, что сокращенно выражено въ одномъ словѣ. Здѣсь цѣлое разлагается не для того, чтобы открыть его простые элементы;—въ этомъ смыслѣ оно неразложимо, будучи *первоначальнымъ* цѣлымъ, но для того, чтобы ясно показать его содержаніе. Этотъ второй видъ анализа въ примѣненіи къ нравственности и возможенъ, и желателенъ, и необходимъ.

Нравственная обязанность доступна подобнаго рода изслѣдованію.

Такъ какъ теперь для насъ стало яснымъ, что первый видъ анализа непримѣнимъ къ обязанности, то слѣдуетъ ли отсюда что обязанность есть будто бы не что иное, какъ поэтическая мечта,—нѣчто, произвольно предполагаемое или утверждаемое нравственной волей по капризу практическихъ потребно-

стей, до которыхъ научному разуму нѣтъ никакого дѣла?— Отнюдь нѣтъ. Думать такъ значило бы забывать, что нравственность дана, какъ фактъ. Чѣмъ больше ее разсматриваютъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаются въ томъ, что она внѣ и выше такъ называемой природы и что, слѣдовательно, она другаго, высшаго порядка,—есть, если угодно, принципъ метафизическій. Однако, если она одновременно и *выше* насъ и *внутри* насъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что она есть нѣчто таинственное? Безъ сомнѣнія; но лишь въ томъ смыслѣ, что я еще ничего не могу пока сказать о ея метафизическомъ происхожденіи и основаніи, и что, повидимому, мнѣ и никогда не удастся проникнуть въ ея глубочайшую сущность и послѣднее основаніе. Отъ этого, однако, обязанность сама по себѣ не становится ни менѣе ясной, ни менѣе понятной: не становится менѣе ясной потому, что это фактъ и фактъ положительный, истинныя свойства котораго вполнѣ очевидны; не становится и менѣе понятной, такъ какъ изслѣдованіе настолько обнаруживаетъ ея содержаніе, что даетъ мышленію возможность видѣть ея свойства, зависимость и слѣдствія. И такъ, вотъ совершенно особенный фактъ, чисто нравственный фактъ. Онъ совершенно другаго порядка чѣмъ то, что называется *природой* въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ объ ней науки о природѣ или въ какомъ, на прим., говорятъ о законахъ природы. Это фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто *трансцендентное* (превышающее опытъ), о чемъ, однако, у насъ есть ясная, точная и раздѣльная идея.

Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, состоитъ наше несогласіе съ научнымъ разумомъ, да и существуетъ ли оно? Я этого не вижу. Я скорѣе вижу, что нѣтъ ничего болѣе соответственнаго истинному научному духу, какъ брать факты такъ, какъ они даны, и отбрасывать всякое объясненіе, которое не сохраняетъ ихъ въ ихъ полной неприкосновенности и искажаетъ ихъ образъ. Если существуетъ фактъ, который отличается отъ всѣхъ остальныхъ и ставитъ насъ какъ-бы въ преддверіе иного міра въ сравненіи съ міромъ, доступнымъ наукѣ, то мы будемъ вѣрны духу науки, если, признавая этотъ фактъ, съумѣемъ, такъ сказать, подняться выше науки.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Іюня № 12. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Отчетъ о состояніи эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1895 годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковского Епархіального женскаго училища.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковского Епархіального женскаго училища за 1895/96 уч. годъ.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Кулянскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Кулянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему доводу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 19 день минувшаго мая, на сопрічисленіе за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *Св. Владимира 3-й степени*, протоіерея Вознесенской церкви въ слободѣ Ефремовкѣ, Волчанскаго уѣзда, Петра Острогорскаго.

ОТЧЕТЪ

о состояніи эмеритальной кассы духовенства Харьковской Епархіи за 1895 годъ (первый годъ по открытіи кассы).

Въ теченіе 1895 года поступило:

I. Наличными деньгами:

а) Отъ Харьковского Епархіального Попечительства остатокъ запаснаго капитала, который соби-
рался съ 1882 года въ составъ фонда эмериталь-
ной кассы . . . . .

167 р. 88 к.

б) Взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ	28765 р. 1 к
в) Отъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода установленнаго взноса	17000 „ — „
г) Отъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ погашеніе долга	3679 „ 88 „
д) Свободныхъ суммъ изъ капитала, собраннаго въ пользу семействъ умершихъ священно-и-церковно-служителей	15719 „ 70 „
е) Процентовъ на капиталъ кассы	5679 „ 80 „
ж) Штрафныхъ денегъ—за просрочку взносовъ	30 „ 8 „
з) Взносовъ на управленіе кассою	1895 „ 47 „
и) Оборотныхъ денегъ—за проданные билеты, для обмѣна на болѣе крупныя	1101 „ 26 „
<hr/>	
Всего наличными деньгами поступило:	74039 р. 8 к.

II. Билетами:

а) Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства неприкосновеннаго капитала	500 р. — „
б) Приобрѣтено за наличныя деньги	72100 „ — „
в) Отъ Харьковской Конторы Государственнаго Банка въ обмѣнъ за билеты 4 ⁰ / ₀ -го внутренняго займа (оборотныхъ)	3500 „ — „
<hr/>	
Всего билетами поступило:	76100 р. — „

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода.

а) Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства—неприкосновеннаго капитала	153679 р. 88 к.
б) На отданныя взаимобразно Правленію свѣчнаго завода процентныя бумаги	12000 „ — „
<hr/>	
Итого	165679 р. 88 к.

Всего въ 1895 году—наличными, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода поступило на приходъ: . . 315818 р. 96 к.

Въ теченіе 1895 года поступило въ расходъ:

I. Наличными деньгами.

а) На покупку процентныхъ бумагъ	72049 р. 2 к.
б) „ жалованье служащимъ въ кассѣ	978 „ 41 „

в) „ канцелярскіе расходы	148 р. 60 к.
г) „ на поѣздки по дѣламъ кассы	15 р. 20 к.
д) „ застраховку выигрышнаго билета 1-го внутренняго займа	3 р. 80 к.
е) Возвращены Харьковскому Епархіальному По- печительству ошибочно переданные Попечитель- ствомъ въ кассу	210 р. 25 к.
Итого	73405 р. 28 к.

II. Билетами:

а) Продано билетовъ, для обмѣна на болѣе крупные	1100 р. — к.
б) Обмѣнены билеты 4 ⁰ / ₀ -го внутренняго займа въ Харьковской Конторѣ Государственнаго Банка на свидѣтельства 4 ⁰ / ₀ Государственной ренты	3500 р. — к.
в) Отданы займообразно Правленію Харьков- скаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на три мѣ- сяца, на основаніи резолюціи Его Высокопреосвя- щенства	12000 р. — к.
Итого	16600 р. — к.

*III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго
свѣчнаго завода:*

Правленіемъ Епархіальнаго свѣчнаго завода по-
ташено долга уплатою наличными деньгами . . . . . 3679 р. 88 к.

Всего — наличными, билетами и долговыми кви-
танціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго за-
вода въ 1895 году поступило въ расходъ . . . . . 93685 р. 16 к.

Къ 1-му января 1896 года состоитъ въ остаткѣ:

а) Наличными деньгами	633 р. 80 к. ¹⁾
б) Билетами	59500 р. — к.
в) Долговыми квитанціями Харьковскаго Епар- хіальнаго свѣчнаго завода	162000 р. — к.
А ВСЕГО	222133 р. 80 к.

Предсѣдатель, Ректоръ Семинаріи Протоіерей *Іоаннъ Знаменскій.*

Члены: { Казначей, протоіерей *Александръ Ѳедоровскій.*
Дѣлопроизводитель, протоіерей *Николай Гутниковъ.*

¹⁾ *Примѣчаніе.* Всю сумму остатка въ наличныхъ деньгахъ составляютъ деньги на управленіе кассою.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища пригготовительнаго, 1-го, 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-хъ классовъ, составленный во исполненіе опредѣленія Св. Синода отъ 10—12 января н. г. за № 7.

Мая 11 дня 1896 года.

ПРИГГТОВИТ. КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Богославская Серафима, Булгакова Александра, Быкова Анна—нагр. пох. листомъ, Веселовская Серафима—нагр. пох. листомъ, 5. Войтова 2-я Елисавета, Григоровичъ Надежда, Гордѣенко Лидія, Дементьева Елена—нагр. пох. листомъ, Дзюбанова 1-я Анна, 10. Дзюбанова 2-я Наталія—нагр. пох. листомъ, Доброницкая Марія, Жукова Елена—нагр. пох. листомъ, Знаменская Ольга, Иванова Надежда—нагр. пох. листомъ, 15. Иннокова ВѢра, Касьянова Анна, Калашникова Анна, Кирше Марія, Краснокутская Софья, 20. Кустовская Ларисса, Лонгинова Ольга—нагр. пох. листомъ, Луценкова Зинаида, Матвѣева Варвара, Мухина 1-я Александра, 25. Мухина 2-я Зоя, Насѣдкина Нина—нагр. пох. листомъ, Никулищева Варвара, Пономарева Клавдія, Полтавцева Анна, 30. Попова Евгенія, Санухина Зинаида, Сергѣева Елена, Соболева Марія—нагр. пох. листомъ, Спѣсивцева Елена—нагр. пох. листомъ 35. Степурская Елена—нагр. пох. листомъ, Стефановская Евдокія, Страхова Зоя, Сукачева Дарія—нагр. пох. листомъ, Туранская Любовь, 40. Черняева Ольга, Яновская Анна, Ястремская Евгенія—нагр. пох. листомъ, Ѳедорова Александра—нагр. пох. листомъ, Ѳедоровская Александра.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

45. Войтова 1-я Марія—по счисленію, Хижнякова Марія и Чикова Ольга—по русск. языку.

в) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища за долговременную неявку. Кузьменко Александра.

ПЕРВАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода во второй классъ.

1. Алейникова Анна—нагр. пох. лист., Бажулова Марія, Базелевичъ Ангелина, Богославская Антонина, 5. Бортникова Пелагія, Васильковская Клавдія, Вербницкая Галина, Ведринская Ларисса, Виноградова Антонина, 10. Геневская Елена, Горбунова Александра, Еmlinская Софія, Закрицкая Марія—нагр. пох. лист.,

Знаменская Антонина, 15. Иванова Антонина, Измайлова 1-я Клавдія, Измайлова 2-я Александра, Ильина Анна, Кремновская Евдокія, 20. Лашина Евгенія, Леонтовичъ Анна, Медяникъ 1-я Александра, Медяникъ 2-я Павла, Мигулина Вѣра, 25. Морозова Зинаида, Нестерова Елена, Николаевская Инна, Петрова Александра, Петровская Параскева, 30. Поморцева Наталія, Понировская Лидія—нагр. пох. лист., Попова 1-я Антонина, Рубинская 1-я Олимпіада—нагр. пох. лист., Рубинская 2-я Юлія, 35. Смирнова Софія, Стефанова Людмила, Тихоцкая Зинаида—нагр. пох. лист., Торанская Елена, Тугаринова Лидія, 40. Фенева Елена, Филевская Антонина, Хижнякова Анна—нагр. пох. лист., Черняева Марія, Чугаева Анна, 45. Шемигонова Марія, Шишлова Клавдія, Яковлева Екатерина, Ѳedorova Ольга.

б. Будутъ переведены во второй классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Краснокутская Ѳеоктиста, 50. Пашкова Марія, Панкратьева Варвара, Попова 2-я Александра, Семейкина Надежда и Янзень Лидія—по русскому языку.

ВТОРОГО НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Бортникова Елена, Буткевичъ Елена, Бѣликова Татіана, Васильева Анна, 5. Вербицкая Зинаида, Геновская Екатерина, Грекова Марія, Етлицкая Александра, Калюжная Анна, 10. Климентова Наталія, Корнильева Дарія, Кохановская Евгенія,—нагр. пох. лист., Краснокутская Ольга, Крохатская 1-я Любовь, 15. Лаврова Софія,—нагр. пох. листомъ, Любарская 1-я Марія, Любарская 2-я Анна,—нагр. пох. лист., Минченко Елена, Навродская Анастасія,—нагр. пох. лист., 20. Николаевичъ Клавдія, Никулищева Александра, Полтавцева Дарія, Самойлова Александра, Салухина Елена, 25. Сидорова Елена, Сильванская Анна, Смирнская Александра, Созонтьева Елена, Соколовская Валентина, 30. Стелецкая Софія, Титова 1-я Елена, Филатова Анна, Янзень Екатерина,—нагр. пох. лист., Ястремская Елисавета, 35. Ѳаворова Анастасія, Ѳеденко Инна, Ѳедоровская Елисавета, Ѳоменко Анна.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Антонова Зинаида, 40. Дякарева Матрона, Иванова Зинаида, Лонгинова Надежда, Титова 2-я Агнія,—по русскому языку. Кро-

хатская 2-я Ольга, — по русск. языку, ариѳметикѣ и географіи. 45. Протопопова Любовь, — по русск. языку и ариѳметикѣ, Ракшевская Марія, Сѣвернинова Антонина, — по русск. языку и географіи.

ВТОРОГО ПАРАЛЛЕЛЬНАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Бородаева Елена, Булгакова Марія, Буткова Елена, Василевская Ольга, 5. Войтова Викторія, Вышемирская Марія, Грекова Александра, Григоровичъ Зинаида, Данилова Елена, 10. Дьякова Платонида, Еварницкая Анна, Карташевская Евгенія, Косыменко Александра, Колесникова Варвара, 15. Куницына Ольга, Кунчинская Марія, Куруханова Раиса, Люминарская Софья, Мяхухина Марія, 20. Маслова Агнія, Метвицкая Нина, Мураховская Евдокія, Мухина Анна, Оглоблина Вѣра, 25. Орлова Евдокія, Полянская Евдокія, Проскурникова Надежда, Сенивина Ксенія, Старченко Анастасія. 30. Сумская Татіана, Труфонова Людмила, Фіалковская Марія, Флейнеръ Александра, Шебатинская Евлампія, 35. Ѳедоровская Елена.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

Вышнякова Елена, Любарская Александра, Чиркина Анастасія — по русскому языку, Морозова Лидія, 40. Павлова Марія, Ходяковская Александра — по ариѳметикѣ, Ладухина Людмила, Сѣдашова Марія, Твердохлѣбова Ольга — по русск. языку и ариѳметикѣ.

ТРЕТЬЯГО НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Алейникова Анна — нагр. пох. лист., Богославская Марія, Васильковская Марія, Вербицкая Анисія, 5. Груздева Мавра, Еллинская Анна, Иванова Александра — нагр. пох. лист., Капустянская Надежда, Карабакъ Александра, 10. Кириллова Ларисса, Колосовская Татіана, Коханова Анна, Купріанова Ольга, Лутовинова Надежда, 15. Морозова Анна, Мураховская Софья, Мухина Марія, Назаревская Елена — нагр. пох. лист., Новикова Анастасія. 20. Оглоблина Анастасія, Остроумова Вѣра, Павлова Вѣра, Полтавцева Анна, Попова 3-я Александра, 25. Раевская Антонина, Сильванская Зинаида, Соколовская Анна, Торанская Евлампія, Хижнякова Александра, 30. Шишлова Раиса, Щепинская Евгенія, Ястремская Александра, Ѳедорова 1-я Анна, Ѳедоровская Марія, 35. Ѳоменко Евгенія.

б) Будуть переведены въ третій классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Антоновская Антонина, Найдовская Надежда, Пономарева Зинаида, Попова 1-я Елена, 40. Попова 2-я Вѣра, Проконовичъ Марія, Станкова Параскева, Ѳедорова 2-я Надежда—по русскому языку, Зюбина Марія—по русск. языку и ариѳмет., 45. Съдашова Варвара—по ариѳметикѣ.

ТРЕТЬЯГО ПАРАЛЛЕЛЬНАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Андреевкова Анна, Баженова Маргарита, Бородаева Александра, Васильковская Марія, 5. Васютинская Марія, Власова Марѳа, Власовская Ксенія, Грабовская Марія, Губская Клавдія. 10. Дмитріева Екатерина, Дракина Марія, Исиченко 1-я Татіана, Краснокутская Параскева, Лаврова Елена—нагр. пох. лист., 15. Макухина Елена, Москалева Евгенія, Михайловская Анастасія, Несторенко Ксенія, Нивкитина Наталія, 20. Оржелъская Марія, Панкратѣева Александра, Попова Евдокія, Потанова Татіана, Рышко Екатерина, 25. Слюсарева Евгенія, Сокачовская Клавдія, Стеллецкая Евфосинія, Тумская Антонина, Тычинина 1-я Антонина, 30. Тычинина 2-я Наталія, Чмилевская Ирина, Ястремская Агафія, Ѳедорова Анна, Фокина Евфросинія, 35. Ѳомина Надежда.

б) Будуть переведены въ четвертый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Богословская Анатолія, Лобковская Лидія—по ариѳметикѣ. Боско Римма, Ковалевская Анна, 40. Хижнякова Лидія, Шейко Антонина—по русск. языку и ариѳметикѣ, Полинская Татіана, Исиченко 2-я Анастасія, Ханайченко Вѣра—по русск. языку.

ЧЕТВЕРТАГО НОРМАЛ. КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Баженова Валентина, Бобловская Антонина, Богославская Анастасія, Будянская Татіана, 5. Ваганова Ольга, Васильева Валентина, Васильковская Анастасія, Вербицкая Анна, Власовская 1-я Евдокія, 10. Власовская 2-я Анна, Горайна Марія, Грекова Софья, Добрецкая Нина, Дракина Зиновія, 15. Дюкова Анастасія, Жданова Ольга, Иваницкая Александра—нагр. пох. листомъ, Капустянская Марія, Ковалева 1-я Анна, 20. Ковалева 2-я Марія, Колосовская Анна, Крохатская Марія, Лонгинова Валентина, Люминарская Анна, 25. Макаровская Софья, Морозова Марія, Му-

раховская Анна, Насѣдкина Екатерина, Николаевичъ Анна, 30. Онацкая Евгенія, Павловская Елена, Пилецкая Марія, Цогорѣлова Елена, Пономарева Валентина 35. Попова Любовь, Проскурникова Софья, Пясецкая Зинаида, Рубинская Зинаида, Снегирева Юльянiя—нагр. пох. листомъ, 40. Сѣдикова Лидія, Тупицкая Зинаида, Фихтеръ Надежда, Чумакова Анна, Юркевская Елисавета.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

45. Ветухова Елисавета—по славянск. языку и ариѳметикѣ, Воронцова Александра, Жукова Ольга, Корнильева Θεодора—по славянскому языку, Стефановская Марія, 50. Флеймеръ Ольга, Юшкова Наталія—по славянскому языку, Эвенхова Александра—по ариѳметикѣ.

ЧЕТВЕРТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Артемьева Марія, Бажулова Ольга, Балановская Елена, Барсукова Марія, 5. Борадаева Наталія—нагр. пох. лист., Бѣльева Елена, Васильковская Александра, Данилова Марія, Дикарева Марія, 10. Иваницкая Дарія, Иннокова Евгенія, Ковалевская Марія, Корнильева Ольга, Крыжановская 2-я Марія, 15. Липицкая Клавдія, Мальцева Марія, Маслова Зина, Нобокова Вѣра, Нигровская Любовь, 20. Никитская Наталія, Ольховая Райса, Павлова Анастасія, Панкратьева Марія, Пересыпкина Анастасія, 25. Пестриченко Вѣра, Поморцева Марія, Пономарева Евдокія, Попова 1-я Лидія, Попова 2-я Надежда, 30. Роде Екатерина, Рубинская Марія, Сильванская 1-я Наталія, Сильванская 2-я Елена, Слюсарева Елена, 35. Стелецкая Ольга, Твердохлѣбова Ирина, Толмачева Софья, Торанская Елисавета, Филевская Елисавета, 40. Чебанова Параскева, Червонецкая Марія, Шебатинская 1-я Леоніла, Шебатинская Евфросинія, Шемягонова 1-я Анна, 45. Шемягонова 2-я Юлія—нагр. пох. лист., Шокотова Марина, Якубовичъ Любовь, Ѳеденко Александра—нагр. пох. лист.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Измайлова Зинаида, 50. Ѳедорова Марія—по славянскому языку, Дюкова Марія, Краснокутская Александра, Кремновская Евфросинія, Полтавцева Параскева—по ариѳметикѣ. 55. Крыжановская 1-я Екатерина—по славянск. языку и ариѳметикѣ.

в) Оставляется въ IV классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ опекуна по болѣзни.

Несторъ Екатерина.

ПЯТАГО НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Алексѣева Екатерина—нагр. пох. лист., Архангельская Екатерина, Березовская Олимпіада, Буткова Александра, 5. Веселовская Наталія, Вышемірская Варвара, Грекова Надежда, Дзюбанова Анна, Дорошенко Людмила, 10. Иванова Анна, Ковалевская Елена, Корнильева Марѳа, Кошлакова Марія, Кравцова Анастасія, 15. Кустовская Екатерина, Мантулина Серафима, Назаревская Анна, Пантелеимонова Марія, Полницкая Наталія, 20. Понова Зинаида, Регишевская Анна, Самойлова Надежда, Смрнова Марія, Сѣкирская Елисавета, 25. Татарская Александра, Титова Александра, Хижнякова Антонина, Хандуринна Рахиль, Чебанова Антонина, 30. Чернявская Александра, Якубинская Анна, Яньшина Марія, Омина Целагія.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ наникуль.

Могиланская Надежда—по геометріи, 35. Мухина Анна—по славянск. языку, ариѳмет. и геометр., Пестриченко Антонина, Сирятская Марія—по славянск. язык., Соколова Анна—по ариѳмет. и геом.

в) Оставляется въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни.

Крыжановская Евгенія.

ПЯТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Абдула Анна, Акимова Елена, Андерсонъ Валентина, Бутковская Целагія, 5. Грекова Анна, Дейнеховская Меланія, Ерофалова Павла, Зубарева Валентина, Любарская Марія, 10. Максимова Надежда, Мураховская 1-я Наталія, Мураховская 2-я Ксенія, Несторова Александра, Пересыпкина Дарія, 15. Полтавцева Раиса, Пономарева Серафима, Попова Любовь, Раевская Анна, Ревская Лидія, 20. Рубинская Сусанна, Самойлова Дарія, Селезнева Варвара, Сильванская Елена, Станкова Зинаида, 25. Труфанова Елена, Оеденко Любовь, Оедорова Надежда.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникуль.

Гревизирская Александра, Лободовская Лидія—по ариѳмет., 30.

Григоровичъ Зиновія, Ѳедоровская Марія, Кошѣичикова Елена— по славянск. язык., Губская Евгенія—по арием. и геометр., Иннокова Аполлинарія—по Зак. Божію и дидакт., 35. Капустянская Екатерина—по Зак. Божію, славян. язык. и дидакт., Никитина Елисавета—по геометріи и дидактикѣ.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 18⁹⁵/₉₆ учебн. годъ.

1) Въ 18⁹⁵/₉₆ учебномъ году Совѣтъ Училища составляли: а) предсѣдатель Совѣта, профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, магистръ Богословія, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, протоіерей Никандръ Онিকেвичъ, г) Члены Совѣта отъ духовенства: священникъ Николай Любарскій и священникъ Павелъ Тимоѳеевъ, и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Павловичъ Рыжовъ.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, приготовительный классъ, пять параллельныхъ отдѣленій: во второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ, и одна образцовая церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ изъ 18-ти преподавателей, 15 учительницъ, 12-ти старшихъ воспитательницъ, 12-ти младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 1895—96 учебнаго года въ училищѣ числилось 471 воспитанница.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1895 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища 65 дѣвицъ, именно: въ пригот. клас. 48, въ 1-й клас. 3, во 2-й клас. 5, въ 3-й клас. 4, въ 4-й клас. 2, и въ 5-й клас. 3.

Вслѣдствіе этого 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ начался при пятистахъ тридцати шести воспитанницахъ, которыя по классамъ расиределены были такъ: въ приготовит. клас. 50 воспит., въ I клас. 52 воспит., въ II норм. 46 воспит., въ II парал. 46 воспит., въ III

нормал. клас. 44 воспит., въ III парал. клас. 45 воспит., въ IV норм. клас. 55 воспит., въ IV парал. клас. 56 воспит., въ V норм. клас. 39 воспит., въ V парал. клас. 38 воспит., въ VI норм. клас. 36 воспит., въ VI парал. клас. 29 воспит., итого во всѣхъ клас. 536 воспитанницъ.

5. Въ теченіе 18⁹⁶/₉₆ учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища 9-ть дѣвицъ, а именно: въ приготовит. клас. 2 дѣв., въ I клас. 3 дѣв., въ II норм. клас. 1 дѣв., въ III норм. клас. 2 дѣв., въ IV парал. клас. 1 дѣвицы.

Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ училища пятнадцать воспитанницъ, а именно: изъ подготов. клас. 4 воспит., изъ I клас. 1 воспит., изъ II парал. клас. 2 воспит., изъ III нормал. клас. 1 воспит., изъ III парал. клас. 1 воспит., изъ IV норм. клас. 3 воспит., изъ IV парал. клас. 1 воспит., и изъ V парал. клас. 2 воспитанницы.

6. Къ началу годовыхъ испытаній въ училищѣ воспитанницъ числилось: въ приготовит. клас. 48 воспит., въ I клас. 54 восп., въ II норм. 47 воспит., въ II парал. клас. 44 воспит., въ III норм. клас. 45 воспит., въ III парал. клас. 44 воспит., въ IV норм. клас. 52 воспит., въ IV парал. клас. 56 воспит., въ V норм. клас. 39 воспит., въ V парал. клас. 36 воспит., въ VI нормалн. клас. 36 воспит., въ VI парал. клас. 29 воспит., итого во всѣхъ классахъ 530 воспитанницъ.

Въ ознаменованіе радостнаго для всей Россіи священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣленіемъ своимъ отъ 10—12 января сего года постановилъ произвести въ нынѣшнемъ году испытанія только выпускнымъ воспитанницамъ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній, воспитанниковъ же другихъ классовъ перевести въ слѣдующіе классы безъ экзамена, по годовымъ балламъ, и только получившихъ годовые неудовлетворительные баллы по одному или нѣсколькимъ предметамъ подвергнуть испытанію послѣ каникулъ. Во исполненіе этого опредѣленія Св. Синода въ апрѣлѣ и маѣ сего года произведены экзамены только воспитанницамъ двухъ отдѣленій VI класса. Изъ воспитанницъ-же остальныхъ классовъ

А. Удостоены перевода въ слѣдующіе классы.

Изъ приготовит. класса въ I кл. 44 восп., изъ I клас. во II-й клас. 48 восп., изъ II норм. клас. въ III клас. 38 восп., изъ II парал. клас. въ III клас. 35 восп., изъ III норм. клас. въ IV клас. 35

восп., изъ III парал. клас. въ IV клас. 35 восп., изъ IV норм. клас. въ V клас. 44 восп., изъ IV парал. клас. въ V клас. 48 восп., изъ V норм. клас. въ VI клас. 33 восп., изъ V парал. клас. въ VI клас. 27 восп.

Б. Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ только двѣ воспитанницы по просьбѣ родителей по болѣзни.

В. Предоставлено право держать экзаменъ послѣ каникулъ:

Въ приготовит. классѣ 3 восп., въ I клас. 6 восп., во II норм. клас. 9 восп., во II парал. клас. 9 восп., въ III норм. клас. 10 восп., въ III парал. клас. 9 восп., въ IV норм. клас. 8 восп., въ IV парал. клас. 7 восп., въ V норм. клас. 5 восп., въ V парал. клас. 9 восп.

Г. Окончили полный курсъ Училища 65 воспитанницъ, которымъ, на основаніи III § Устава епархіальн. женск. училища, выдаются аттестаты съ званіемъ Домашнихъ Учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благонравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденій похвальными листами и книгами. Въ приготовит. клас. 14 восп., въ I клас. 6 восп., въ II норм. клас. 5 восп., въ III норм. клас. 3 восп., въ III парал. клас. 1 восп., въ IV норм. клас. 2 восп., въ IV парал. клас. 3 восп., въ V норм. клас. 1 восп., въ VI норм. клас. 9 восп. и въ VI парал. клас. 6 восп.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

11 мая 1896 года.

ПРИГОТОВИТ. КЛАССА.

1. Быкова Анна, Веселовская Серафима, Дементьева Елена, Дзюбанова 2-я Наталія, 5. Жукова Елена, Иванова Надежда, Лонгинова Ольга, Насѣдъина Нина, Соболева Марія, 10. Сиѣсвцева Елена, Степурская Елена, Сукачева Дарія, Ястремская Евгения, Оедорова Александра.

ПЕРВАГО КЛАССА.

1. Алейникова Анна, Закрицкая Марія, Понировская Лидія, Рубинская 1-я Олимпиада, 5. Тихоцкая Зинаида, Хижияьова Анна.

ВТОРОГО НОРМ. КЛАССА.

1. Кохановская Евгенія, Лаврова Софья, Любарская 2-я Анна, Навродская Анастасія, 5. Янзень Екатерина.

ТРЕТЬЯГО НОРМ. КЛАССА.

1. Алѣйникова Анна, Иванова Александра, Назаревская Елена.

ТРЕТЬЯГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Лаврова Елена.

ЧЕТВЕРТ. НОР. КЛАССА.

1. Иваницкая Александра, Снегирева Іульнія.

ЧЕТВЕРТ. ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Бородаева Наталія, Шемигонова 2-я Юлія, Өеденко Александра

ПЯТОГО НОРМ. КЛАССА.

1. Алексѣева Екатерина. _____

Списокъ воспитаницъ VI класса Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Мая 26 дня 1896 года.

ШЕСТОГО НОРМ. КЛАССА.

1. Базилевичъ Леонида, Бородаева Надежда, Веселовская 1-я Людмила, Веселовская 2-я Анастасія, 5. Виноградская Наталія, Власовская Павла—нагр. книгою, Грекова Александра, Гризодубова 1-я Евфросинія, Гризодубова 2-я Рахиль, 10. Дикарева Зоя, Жданова Ксенія, Карпова Софья, Крутьева Анастасія, Крыжановская Александра, 15. Кутенова Матрона, Луценкова Антонина—нагр. книгою, Малярова Іульнія, Мухина Анастасія—нагр. книгою, Насѣдьяна Антонина, 20. Найдовская Вѣра, Николаевичъ Александра—нагр. книгою, Оптовцева Марія, Павлова Ольга, Панкратьева Анна, 25. Проскурникова Ольга, Рубинская Елисавета—нагр. книгою, Самойлова Марія, Сокальская Марія—нагр. книгою, Степурская Антонина—нагр. книг. 30. Стефановская Любовь, Твердохлѣбова Марія, Труфанова Іульнія, Туранская Анна—нагр. книгою, Юшкова Антонина—нагр. книгою 35. Өедорова Антонина, Өедоровская Марія.

ШЕСТОГО ПАРАЛ. КЛАССА.

Андропова Евдокія, Антонова Елена, Бугуцкая Ксенія, Вербицкая Валентина—нагр. книгою, 5. Волобуева Варвара, Горанна Елисавета—нагр. книгою, Дюкова Анна, Жукова 1-я Наталія, Жукова 2-я Любовь, 10. Зеленина Екатерина, Ковалева Евгенія, Ковтунъ Антонина, Козловская Марія, Кривцунъ Надежда—нагр. книг., 15. Леонтовичъ Софья, Любарская Валентина—нагр. книгою, Маслова Евгенія, Михайловская Таясія, Назаревская Антонина, 20. Попова 1-я Анастасія, Попова 2-я Елена, Попова 3-я Алевтина, Посельская Анна—нагр. книгою, Протопопова Анна. 25. Реутская Канрадія, Рождественская Таясія, Савченкова Клавдія, Слюсарева Анна—нагр. книгою и Фокина Θεодосія.

Примѣчаніе. Аттестаты двадцати двухъ сиротъ, окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ специальныхъ училищныхъ средствъ.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища на основаніи выпускныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ сего 1895/6 года, и опредѣленій Св. Синода по случаю Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и утвержденный Его Преосвященствомъ 7-го іюня сего 1896 года.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ Семинаріи:

1-го разряда: 1. Ладенко Василій, Минченко Ѳедоръ, Поллуцкій Евгений, Романовъ Ѳедоръ, награждены книгами, 5. Поморцевъ Николай, Ѳедоровскій Василій, Григорьевъ Алексѣй, Гораннъ Александръ.

2-го разряда: Рубинскій Петръ, 10. Сербиновъ Наркиссъ, Веселовскій Иванъ, Новицкій Константинъ, Карповъ Павелъ, Вербицкій Ѳедоръ, 15. Нестеренко Василій, Хяжняковъ Нектарій, Соловскій Николай, Грызодубовъ Дмитрій, Еллинскій Петръ, 20. Мійовичъ Божидаръ, Браиловскій Иванъ, Бѣлоусовъ Аполлонъ.

Окончили курсъ, но не удостоены перевода въ Семинарію за силою § 114 Семинар. устава:

Семеновъ Иванъ, Невядовскій Стефанъ.

Получать свидѣтельства объ окончаніи курса послѣ переекзаменовокъ въ августѣ:

25. Филоненко Никонъ—по русскому яз. письм., Богуцкій Ѳедоръ—по русскому яз. письм., Дикаревъ Леонтій—по всѣмъ предметамъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Барабоха Викторъ, Щетневъ Александръ, 30. Артюховскій Яковъ.

III КЛАССА.

Переводятся въ IV классъ:

1-го разряда: 1. Капустянскій Михаилъ, Сапухинъ Евгеній, Стадниченко Василій, Артемьевъ Григорій, награждены книгами.

2-го разряда: 5. Торанскій Алексѣй, Гревизирскій Николай, Ѳедоровскій Захарія, Ястремскій Георгій, Заводовскій Иванъ, 10. Лазаревъ Леонидъ, Огинскій Дмитрій, Михайловскій Андрей, Прокоповичъ Петръ, Григорьевъ Антоній, 15. Ястремскій Карпъ.

Подлежатъ испытанію въ августѣ:

Ладенко Василій—по русскому яз. письм., Масловъ Иванъ—по русскому яз. устно, Рубянской Алексѣй—по катихизису.

3-го разряда: Рождественскій Григорій—по географіи и ариѳметикѣ, 20. Яновскій Григорій—по греческому и латинскому языкамъ, Николаевскій Николай—по русскому яз. письм., греческому и латинскому яз., Минченко Михаилъ—по греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, Новицкій Алексѣй—по греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, Думницкій Иванъ—по русскому яз. письм., греческому и латинскому яз., 25. Калашниковъ Павелъ—по русскому и латинскому яз., и ариѳметикѣ, Рождественскій Иванъ—по греческому и латинскому яз., географіи и ариѳметикѣ, Ѳедоровъ Антоній—по русскому, греческому и латинскому яз., географіи и ариѳметикѣ, Хижняковъ Павелъ—по русскому, греческому и латинскому яз., географіи и ариѳметикѣ, Швець Михаилъ—по русскому яз. устно и письменно, латинскому, греческому, географіи и ариѳметикѣ, 30. Буколь-Яснопольскій Николай—по русскому языку устно и письменно, латинскому, греческому, географіи и ариѳметикѣ, Дудкинъ Константинъ—по русскому языку устно и письменно, латинскому, греческому, географіи и ариѳметикѣ, Ѳедоровъ Николай—по катихизису, русскому языку устно и

письм., греческому, латинскому, географіи и ариѳметикѣ, Стеллеккій Иванъ—по катихизису, русскому яз. устно и письм., греческому, латинскому, географіи и ариѳметикѣ. 34. Поливанный Николай—по катихизису, русскому яз. устно и письм., греческому, латинскому, географіи и ариѳметикѣ.

II КЛАССА.

Переводятся въ III классъ:

1-го разряда: 1. Шебатинскій Константинъ, Артюховскій Константинъ, Поповъ Петръ, награждены книгами, Мякшинъ Григорій, 5. Горанинъ Павелъ, Хорошковъ Ѳедоръ, Павловъ Іона, Приходинъ Яковъ.

2-го разряда: Воскобойниковъ Василій, 10. Хижняковъ Александръ, Пигулевъ Александръ, Фіалковскій Михаилъ, Исиченко Димитрій, Должанскій Алексѣй, 15. Хижняковъ Михаилъ, Ястремскій Николай, Еллинскій Александръ, Капустянскій Анастасій, Добрецкій Гавріиль, 20. Авксентьевъ Павелъ, Панкратьевъ Никонъ.

Подлежать испытанію въ августѣ:

Григоровичъ Михаилъ—по русскому яз. письм., Жуковъ Автономъ—по русскому яз. письм., Лѣпскій Андрей—по ариѳметикѣ, 25. Потаповъ Иванъ—по латинскому яз., Меньковскій Иванъ—по латинскому яз., Стесенко Григорій—по латинскому яз., Денисенко Василій—по русскому яз. устно.

3-го разряда: Золотаревъ Константинъ—по русскому яз. письм. и латинскому яз., 30. Торанскій Александръ—по греческому и латинскому яз., Краснопольскій Семень—по латинскому яз. и ариѳметикѣ, Стесенко Даніиль—по греческому и латинскому яз., Сапухинъ Александръ—по русскому яз. письменно, греческому и латинскому яз., Балановскій Филадельфъ—по греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, 35. Горбуновъ Евлампій—по греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, Скубенко Иванъ—по русскому яз. письм., греческому яз. и ариѳметикѣ, Соколовскій Михаилъ—по греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, Рудинскій Алексѣй—по русскому, греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ, Донской Ѳедоръ—по русскому письменно и латинскому яз., 40. Коваленко Димитрій—по Закону Божію, русскому яз. устно и письм. и ариѳметикѣ, Ступницкій Михаилъ—по русскому яз., устно и письм., греческому, латинскому и ариѳметикѣ, Поповъ Александръ—по русскому яз. устно и письм., греческому и латинскому яз.

и ариѳметикѣ, Крыжановскій Василій—по Закону Божію, русск., яз. устно и письм., греческому и ариѳметикѣ, 44. Тригубовъ Ѳедоръ—по Закону Божію, русскому, греческому и латинскому яз. и ариѳметикѣ.

І КЛАССА.

Переводятся во ІІ классъ:

1-го разряда: 1. Василевскій Семень, Никитинъ Николай, Бѣлоусовъ Петръ, награждены книгами, Ястремскій Николай, 5. Новомірскій Ѳедоръ, Понировскій Алексѣй, Ладенко Іона, Чугаевъ Григорій, Артюховскій Николай.

2-го разряда: 10. Яновскій Димитрій, Касьяновъ Стефанъ, Дзюбановъ Андрей, Горайнъ Григорій, Черниговскій Павелъ, 15. Маландѣевъ Александръ, Сукачевъ Гаврилъ, Добрецькій Андрей, Авксентьевъ Василій, Малиженевскій Леонидъ, 20. Браиловскій Левъ, Бѣликовъ Димитрій, Василевскій Михаилъ, Крыжановскій Иванъ, Краснополскій Амвросій, 25. Якубовичъ Ростиславъ, Любинскій Николай, Ѳедоровъ Сергѣй, Яблоновскій Аркадій, Коваленко Владиміръ.

Подлежатъ испытанію въ августѣ:

30. Владыковъ Сергѣй—по русскому яз. письм., Новицкій Павелъ—по ариѳметикѣ, Левицкій Михаилъ—по русскому языку устно и письменно, Ѳедоровъ Андрей—по русскому языку устно и письменно, Серединъ Николай—по русскому языку устно и письменно. 35. Козачекъ Иванъ—по русскому яз. устно и письм.

3-го Разряда: Коваленко Платонъ—по русскому яз. устно и письм. и ариѳметикѣ, Краснокутскій Григорій—по русскому яз. устно и письменно и ариѳметикѣ, Николаевскій Василій—по Закону Божію и русскому яз. устно и письм., Дерюгинъ Константинъ—по Закону Божію и русскому яз. устно и письм., 40. Должанскій Яковъ—по Закону Божію и русскому яз. устно и письм., Бородаевскій Иванъ—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариѳметикѣ, 42. Люминарскій Иванъ—по Закону Божію, русскому яз. устно и письм. и ариѳметикѣ.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переводятся въ І классъ:

1-го разряда: 1. Ильинскій Сергѣй, Хорошковъ Николай, Проскурниковъ Павелъ—награждены книгами, Наумовъ Николай, 5. Антоновъ Григорій, Ѳедоровъ Василій, Сербиновъ Николай.

2-го разряда: Бутскій Филиппъ, Поповъ Иванъ, 10. Матвѣевъ Иванъ, Жуковскій Георгій, Сирмахинъ Федоръ, Торанскій Тихонъ, Рудинскій Василій 15. Ковалевскій Павелъ, Семеновъ Александръ, Роменскій Александръ, Ястремскій Даніилъ, Артюховскій Александръ, 20. Браяловскій Владиміръ, Рубинскій Николай, Матвѣенко Антоній.

Подлежатъ испытанію въ августѣ:

Вѣлогорскій Владиміръ—по русскому яз. письменно.

3-го разряда: Веселовскій Антоній—по Закону Божію и русскому яз. устно и письменно, 25. Яблоновскій Георгій—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариметикѣ, Андреевъ Алексѣй—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариметикѣ, Авесентьевъ Григорій—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариметикѣ, Матвѣевъ Георгій—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариметикѣ, Васильковскій Прокопій—по Закону Божію, русскому яз. устно и письменно и ариметикѣ.

Держать экзамены по всѣмъ предметамъ:

30. Жербинъ Вадимъ, Дикаревъ Иванъ, 32. Сапухинъ Александръ.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) что пріемныя испытанія въ приготовительный и I классы назначены съ 17 по 20 августа, а переводныя для воспитанниковъ училища, неустоенныхъ перевода въ слѣдующіе классы безъ экзамена, будутъ производиться съ 21 по 28 число того же мѣсяца въ слѣдующемъ порядкѣ: 21 августа Законъ Божій и географія, 22 августа письм. по русскому яз. въ I и II кл., 23 августа письм. по греческому яз. въ III кл. и письм. по латинскому яз. въ IV кл., 24 августа письм. по латинскому яз. въ III кл. и письм. по русскому яз. въ IV кл., 26 августа письм. по русскому яз. въ III кл. и устно по греческому яз., 27 августа устныя по русскому и латинскому яз., 28 августа устныя по ариметикѣ.

Вмѣстѣ съ симъ Правленіе сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій, для поступленія въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, имѣется 61, а именно: въ 4 классѣ 5, въ 3 классѣ 2, во 2 классѣ 1, въ 1 классѣ 8 и приготовительномъ классѣ 45.

2. Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 рублей.

3. Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокштное или полукштное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15 августа, съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной о.о. благочиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 руб. въ Правленіе училища на постельный приборъ и 10 руб. на письменныя принадлежности.

5. Правленіе училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ отъ 6 іюня н. г. доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій съѣзда духовенства, имѣющаго быть 24 сентября н. г. назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предъидущаго съѣзда за 1895 годъ; б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1897 году; в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходной книги училища за 1895 годъ; г) разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; д) текущія по Правленію училища дѣла.

Разрядной списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный въ собраніи Правленія училища 31-го мая 1896 года за 189^{5/6} учебный годъ, и утвержденный Его Преосвященствомъ 7-го іюня 1896 года.

IV КЛАССА.

Окончившіе курсъ и признанные достойными перевода въ 1-й классъ Духовной Семинаріи:

Разрядъ 1-й: Кабловъ Дмитрій, Чернявскій Яковъ—съ награжденіемъ книгами.

Разрядъ 2-й: Пипенко Иванъ, Чепуринъ Николай, 5. Залуговскій Николай, Прокофьевъ Сергій, Сѣнцовъ Семенъ, Хижняковъ Павелъ, Линицкій Иванъ, 10. Власовъ Иванъ, Павловъ Александръ, Бутковскій Дмитрій и Ягниченко Ѳедоръ.

Назначается перезкзаменовка послѣ каникулъ:

15. Гончаревскому Ѳедору—по латинскому языку и арифметикѣ, Макарову Виктору—по русскому языку, Роменскому Якову—по русскому и греческому языкамъ, Гнилицкому Михаилу—по катихизису и греческому языку.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ по малоуспѣшн.:
Юшковъ Николай, 20. Твердохлѣбовъ Николай.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не державш. онаго по болѣзни:

Захареву Ивану и Дикареву Ивану.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и великовозрастію:

Линицкій Сергій.

III КЛАССА.

Переводятся въ IV классъ.

Разрядъ 1-й: Богуславскій Евгеній, Недохлѣбовъ Владиміръ, Бесѣда Василій—съ награжденіемъ книгами.

Разрядъ 2-й: Любарскій Иванъ, 5. Саговскій Андрей, Воскобойниковъ Александръ, Поповъ Николай, Любарскій Стефанъ, Морозъ Аркадій, 10. Булдовскій Николай, Поповъ Гавріиль, Чернобаевъ Николай, Приходьковъ Владиміръ, Грековъ Георгій, 15. Шановаловъ Анатолій, Титовъ Николай, Щелоковскій Дмитрій.

Будутъ переведены въ IV классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

Ѳедоровъ Владиміръ—по русскому, греческому и латинскому языкамъ, Пантелеимоновъ Акимъ—по русскому языку письменному, 20. Петровъ Иванъ—по греческому языку, Мухинъ Георгій—по русскому и греческому языкамъ, Титовъ Александръ—по катихизису, русскому и греческому языкамъ и по церковному пѣнію, Роменскій Петръ—по русскому, греческому и латинскому языкамъ, и по церковному пѣнію, Пантелеимоновъ Михаилъ—по Катихизису, русскому и греческому языкамъ, 25. Гончаревскій Николай—по Катихизису, греческому и латинскому языкамъ, Жуковъ Василій—по Катихизису, русскому, греческому и латинскому языкамъ, Краснопольскій Дмитрій—по русскому, греческому и латинскому

языкамъ и по ариѳметикѣ, Капустинъ Михайлъ—по церковному пѣнію.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ:

Каплуненку Ивану, 30. Мухину Николаю.

Оставляются на повторительный курсъ по прошенію родителей:

Шаповаловъ Николай, Макаровскій Михайлъ.

Увольняются изъ училища:

Рубинскій Иванъ, Чернявскій Иванъ, 35. Макаровскій Иванъ—по прошенію родителей, Поповъ Андрей—по малоуспѣшности.

II КЛАССА

Переводятся въ III классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Пипенко Григорій—съ награжденіемъ книгою.

Разрядъ 2-й. Раевскій Веніаминъ, Поповъ Антоній, Ольякъ Дмитрій, 5. Баженовъ Семень, Бутовъ Григорій, Христіановскій Яковъ, Кондратьевъ Иванъ, Нарожный Михайлъ, 10. Ревскій Викторъ, Смирнскій Иванъ, Бутковъ Пантелеимонъ, Инноковъ Николай, Жадановскій Александръ, 15. Ковалевъ Василій, Жуковскій Иванъ, Бутовъ Андрей, Землинскій Константинъ, Пономаревъ Николай.

Будутъ переведены въ III классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

20. Бородаевъ Ѳедоръ—по русскому и латинскому письменнымъ упражненіямъ, Яковлевъ Левъ—по греческому языку, по русскому письменному упражненію и по церковному пѣнію, Вугуцкій Николай—по русскому и греческому языкамъ, по латинскому письменному упражненію и по церковному пѣнію, Жуковскій Ѳедоръ—по русскому языку и ариѳметикѣ, Соколовъ Валентинъ—по греческому и латинскому языкамъ, 25. Трегубовъ Петръ—по Священной Исторіи и по латинскому языку, Дикаревъ Леонидъ—по русскому, греческому и латинскому языкамъ, Леонтовичъ Андрей—по русскому и латинскому языкамъ, по ариѳметикѣ и церковному пѣнію, Лядскій Яковъ—по русскому письменному упражненію, по греческому и латинскому языкамъ, по ариѳметикѣ и церковному пѣнію, Петраковъ Алексѣй—по греческому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ и церковному пѣнію, 30. Поповъ Павелъ—по русскому и греческому языкамъ и ариѳметикѣ, Трегубовъ Па-

вель—по русскому письменному упражненію, по греческому и латинскому языкамъ, Быковцевъ Григорій—по русскому, греческому и латинскому языкамъ, по ариѳметикѣ и по церковному пѣнію.

Увольняются изъ училища по прошенію родителей:

Адарюковъ Андрей, Толмачевъ Иванъ, 35. Самойловъ Илья, Литинскій Андрей, Погорѣловъ Александръ и Климентовъ Григорій.

I. КЛАССА.

Переводятся во второй классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Чернявскій Сергій, Евфимовъ Владиміръ, Тынчинъ Григорій, Матвѣенко Николай, 5) Лядскій Сергій—съ награжденіемъ книгами, Тельневъ Павелъ, Базилевичъ Александръ.

Разрядъ 2-й. Давидовичъ Евгений, Алексѣевъ Стефанъ, 10. Торанскій Александръ, Суховъ Петръ, Арефьевъ Петръ, Пивоваровъ Иванъ, Жуковскій Василій, 15. Базилевичъ Владиміръ, Шишловъ Ипполитъ, Поповъ Иванъ, Чикинъ Иванъ, Козьменко Николай, 20. Салухинъ Александръ.

Будутъ переведены во II классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

Константиновъ Иванъ—по Священной Исторіи, Дмитіевъ Яковъ—по русскому языку и ариѳметикѣ, Киктенко Тихонъ—по Священной Исторіи, ариѳметикѣ, и церковному пѣнію.

Назначается экзаменъ по всѣмъ предметамъ:

Сулимъ Леониду.

Оставляется на повторительный курсъ по прошенію отца:

25. Кузнецовъ Павелъ.

Увольняется изъ училища по прошенію матери:

Прокофьевъ Александръ.

ПРИГОТОВ. КЛАССА.

Переводятся въ I классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Филиппченко Иванъ, Жадановскій Петръ, Твердохлѣбовъ Иванъ, Поповъ Александръ 1-й, 5. Пономаревъ Викторъ, Ѳедоровъ Иванъ—съ награжденіемъ книгами, Смирнскій Тимонъ, Сильванскій Алексѣй, Посуховъ Иванъ.

Разрядъ 2-й. 10. Дзюбановъ Стефанъ, Константиновъ Николай, Якубовичъ Леонидъ, Загоровскій Михаилъ, Поповъ Александръ 2-й, 15. Путилинъ Павелъ, Татариновъ Алексѣй, Ходскій Иванъ, Шиваловъ Дмитрій.

Вудуть переведены въ I классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

Басанскій Алексѣй, 20. Веселовскій Алексѣй—по русскому языку, Краснопольскій Семень—по ариѳметикѣ, Коньковъ Тимофей, Лядскій Тихонъ—по русскому языку, Голяко-Захаржевскій Глѣбъ—по русскому языку и ариѳметикѣ, 25. Феневъ Захарій—по Закону Божію и ариѳметикѣ, Анисимовъ Алексѣй—по русскому языку и ариѳметикѣ, Любичскій Иванъ—по Закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ по прошенію родителей.

Краснокутскій Анатолій, Магилевскій Павелъ.

Увольняется изъ училища по прошенію матери.

30. Булгаковъ Николай.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Программа занятій Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бытъ 18 сентября сего 1896 года, утвержденная Его Преосвященствомъ Петромъ, Епископомъ Сумскимъ, 8 іюня 1896 года.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2. Разсмотрѣніе смѣты прихода суммъ и расхода по содержанію училища въ 1897 году и дополнительной смѣты расхода на текущій 1896 годъ.

3. Разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1895 г.

4. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа за 1895 годъ, а также журналовъ временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.

5. Избраніе членовъ временнаго Ревизіоннаго Комитета, и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1897 годъ.

6. Ассигнованіе потребной суммы на разведеніе сада на училищной усадьбѣ.

7. Ассигнованіе потребной суммы на ремонтъ амосовскихъ печей въ новомъ училищномъ зданіи.

Епархіальныя извѣщенія.

Діаконъ Іаковъ *Огульковъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви сл. Тараповки, Зміевского уѣзда, Петръ *Никитинъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви Сердяго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Бѣлинькой, Изюмскаго уѣзда, *Богуславскій* опредѣленъ на діаконское мѣсто къ Покровской церкви с. Рѣдкодуба, того же уѣзда, а на его мѣсто въ сл. Бѣлинькую переведенъ, согласно прошенію, псаломщикъ сл. Отрады, Зміевского уѣзда, Григорій *Васильковскій*.

— Діаконскій сынъ Николай *Васютинскій* опредѣленъ на должность псаломщика при церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пятидесятилѣтіе службы на пользу государства и церкви Константина Петровича Побѣдоносцева.—Православное миссіонерское общество.—Дѣятельность церковныхъ братствъ.—Заботы духовенства о труженикахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Школьное дѣло въ Сибири.—Награды ученикамъ церковно-приходскихъ школъ.—Мѣры въ улучшенію церковнаго пѣнія.—Сельско-хозяйственная выставка.

15 іюня исполнился полувѣковой юбилей государственной службы Оберъ-Прокурора Св. Синода, члена Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Константина Петровича Побѣдоносцева. Воспитанникъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, юбиляръ началъ службу 15-го іюня 1846 г. въ канцеляріи 8-го департамента Правительствующаго Сената. Назначенный въ 1853 г. оберъ-секретаремъ общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената, Константинъ Петровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ кафедру гражданскаго права въ Московскомъ Университетѣ и печаталъ свои историко-юридическія статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ началѣ 60-хъ годовъ Константинъ Петровичъ приглашенъ преподавать законовѣдѣніе Великому Князю Владиміру Александровичу и въ Возѣ почивающимъ Императору Александру III и Цесаревичу Николаю Александровичу, а въ 1863 году сопровождалъ Цесаревича по Россіи, которое подробно описано Константиномъ Петровичемъ въ книгѣ: «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Рос-

сія отъ Петербурга до Крыма». Съ 1863 по 1865 годъ Константинъ Петровичъ занималъ должность оберъ-прокурора 8-го департамента Сената, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной. Въ 1868 году послѣдовало назначеніе юбиляра сенаторомъ, въ 1872—членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1880—Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода и членомъ Комитета Министровъ. Произведенный въ 1868 году въ тайные совѣтники, въ 1883—въ дѣйствительные тайные и пожалованный въ 1894 г. въ статсъ-секретари, Константинъ Петровичъ въ день Священнаго Коронованія Императорскихъ Величествъ, 14-го минувшаго мая, награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени при рескриптѣ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Съ искреннею любовью содѣйствововали Вы повсемѣстному умноженію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и прилагали стараніе къ оживленію церковной проповѣди, сообразованной съ потребностями прихожанъ. Столь же утѣшительны возстановленіе и открытіе самостоятельныхъ приходоу, а равно преобразованія, направленные къ достиженію желаемого благоустройства въ строѣ учебныхъ заведеній, и тѣ полныя самаго возвышеннаго значенія усилія духовно-просвѣтительной дѣятельности, которыя имѣють цѣлью утвержденіе въ истинахъ православной вѣры части населенія, по невѣжеству пребывающей въ прискорбныхъ заблужденіяхъ». Въ числѣ ученыхъ трудовъ Константина Петровича первое мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ «Курсъ гражданскаго права», выдержавшій нѣсколько изданій и недавно вышедшій въ 4-хъ томахъ. Трудъ этотъ вполне заслуженно считается классическимъ по богатству разработаннаго матеріала, по глубинѣ и самостоятельности взглядовъ, по способу изложенія и является руководящею и справочною настольною книгою для каждаго русскаго юриста, имѣющаго дѣло съ наукою или практикою гражданскаго права. Второй замѣчательный трудъ маститаго юбиляра—недавно появившійся „Московскій Сборникъ“, заключающій съ себѣ рядъ глубокомысленныхъ статей по различнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ—о Церкви и Государствѣ, народномъ просвѣщеніи, воспитаніи, судѣ присяжныхъ, печати и пр. Превосходный стилистъ, человекъ разносторонне образованный, умъ глубокий, гибкій и проницательный, Константинъ Петровичъ въ этомъ „Сборникѣ“ является во всеоружіи своего выдающагося литературнаго таланта. Кромѣ двухъ названныхъ трудовъ, отдѣльными изданіями

вышли: „Историческія изслѣдованія и статьи“ (1876), „Праздники Господни“ (2-е изд. въ 1894 г.), „Вѣчная память“, воспоминанія о почившихъ (1896); переводы: съ латинскаго—Тома Кемпійскаго „О подражаніи Христу“, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей (изд. 6-е въ 1895), съ чешскаго—„Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ и въ тяжелой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года“ (1877) и съ англійскаго—„Побѣда побѣдившая міръ“ (изданіе 4-е въ 1896 г.) Наконецъ, извѣстны еще отпечатанныя не для продажи „Выписки изъ полнаго собранія законовъ“, имѣющія важное значеніе для уразумѣнія дѣйствующаго законодательства. Обширныя научныя познанія Константина Петровича по всѣмъ отраслямъ государствовѣдѣнія, въ связи съ выдающимися дарованіями, всегда приносившія и приносящія столько пользы Церкви и Государству, нашли высокознаменательную оцѣнку Государя Императора въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго рескрипта юбиляру, 14 минувшаго мая: *„Сердечно желаю, чтобы Мнѣ дано было еще на много лѣтъ сохранить Васъ въ числѣ ближайшихъ Моихъ совѣтниковъ“*.

Въ день юбилея въ синодальной церкви предсѣдателемъ училищнаго совѣта преосвященнымъ Гуріемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, на которомъ присутствовалъ: товарищъ Оберъ-Прокурора В. К. Саблеръ и всѣ высшіе чины вѣдомства православнаго исповѣданія. По окончаніи молебствія товарищъ Оберъ-Прокурора въ прочувствованной рѣчи характеризовалъ отсутствовавшаго юбиляра, какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля. Преосвященный Гурій вручилъ В. К. Саблеру для передачи юбиляру отъ лица членовъ училищнаго совѣта прочувствованный адресъ. Чины хозяйственнаго управленія Синода передали художественный образъ Покрова Пресвятой Богородицы. Самъ юбиляръ уклонился отъ чествованія и 14 іюня уѣхалъ изъ Петербурга. 15 числа на квартиру его для принесенія поздравленій явилось нѣсколько депутацій, преосвященный Никандръ, епископъ Гдовскій, Петербургскій Губернаторъ Графъ Толь, временно-управляющій Морскимъ Министерствомъ генераль-адъютантъ Кремеръ и другія лица. Получено много привѣтственныхъ телеграммъ. «Моск. Вѣд.»

— 16 іюня Православное Миссіонерское Общество, по сообщенію «Моск. Вѣд.», праздновало 26-ю годовщину своего существо-

ванія. Изъ представленнаго отчета видно, что всѣхъ членовъ Миссіонерскаго Общества, записавшихся въ 44 отдѣленіяхъ, было въ отчетномъ году 12.803; почетныхъ членовъ состояло 12. Положеніе денежныхъ средствъ Общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1894 года оставалось 1.298.730 руб. 77 коп.; въ 1895 году поступило 360.435 р. 57 к., а израсходовано было 347.321 р. 36 к., такъ что капиталъ увеличился почти на 13.000 р. Къ началу 1896 года оставалось 1.311.844 р. 98¹/₂ к. Въ числѣ пожертвованій, поступившихъ въ совѣтъ особенно значительнымъ представляется пожертвованіе, поступившее по духовному завѣщанію Ѳ. Н. Самойлова, оставившаго 40.000 руб. Кромѣ того, полковникомъ А. В. Елагинымъ пожертвовано 3.000 рублей на устройство двухъ походныхъ церквей въ районѣ дѣятельности киргизской миссіи въ Омской епархіи. Изъ отчета о состояніи Сибирскихъ миссій выяснилось, что въ Алтайской миссіи въ 1895 году находилось на службѣ 79 человекъ при 14 станахъ. Дѣятельность алтайскихъ миссіонеровъ простиралась въ отчетномъ году на восточный и западный Алтай. Трудами ихъ было приобрѣтено для церкви Христовой 290 человекъ. Орудіемъ духовнаго просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ, наряду съ богослуженіемъ, служили миссіонерскія школы, число которыхъ простиралось до 41. Учащихся въ нихъ было 952 мальчика и 294 дѣвочки, а всего 1.246 человекъ. Изъ отчета о состояніи Японской миссіи видно, что къ 1 января 1896 года въ японской православной церкви состояло: церковныхъ общинъ 220, христіанъ въ нихъ 22.576, священно-служителей—29, причетниковъ-учителей церковнаго пѣнія 17, и проповѣдниковъ—158. Крещено за 1895 годъ 826 человекъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ миссіи состояло: въ Тоокію—въ катехизаторскомъ училищѣ 18 учениковъ, въ семинаріи 47, въ причетническомъ училищѣ 6 и въ женскомъ училищѣ 76; во всѣхъ этихъ заведеніяхъ учащихся было 29 человекъ, изъ которыхъ 8 съ академическимъ образованіемъ. Въ Хокодатскомъ станѣ миссіи въ училищахъ обучалось 96 учащихся. Общіе результаты дѣятельности Общества, по имѣющимся свѣдѣніямъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ теченіе отчетнаго года трудами православныхъ миссіонеровъ въ Сибири, Европейской Россіи и въ Японіи приобщено къ церкви Христовой 2.239 новыхъ чадъ. Кромѣ того, въ школахъ, поддерживаемыхъ на средства Православнаго Миссіонерскаго Общества, обучалось 11.615 дѣтей.

— По взгляду церковной власти, церковно-приходская школа, какъ видно и изъ ея названія, есть школа церковно-общественная, содержащаяся преимущественно на приходскія средства и руководимая мѣстнымъ священникомъ при участіи достойнѣйшихъ прихожанъ. Это участіе лучшихъ силъ прихода въ устройствѣ церковныхъ школъ выражается по мѣстамъ чрезъ посредство церковно-приходскихъ братствъ. Для такихъ братствъ въ полтавской епархіи мѣстное Макарьевское братство составило особый уставъ, которымъ и руководствуются новооткрываемыя приходскія братства. О характерѣ послѣднихъ можно судить по тому, что сообщается въ «Пол. Еп. Вѣд.» объ одномъ такомъ братствѣ, открытомъ въ одномъ изъ селъ епархіи. Цѣль братства—заботы о приходской церкви и объ открытіи и содержаніи церковно-приходской женской школы грамоты; членскій взносъ опредѣленъ въ одинъ рубль; записалось въ число братчиковъ 46 человекъ. На донесеніи объ открытіи братства епархіальный преосвященный, благословляя братство, предложилъ мѣстному священнику позаботиться, чтобы братчики собирались въ опредѣленное время для совѣщаній объ обученіи дѣтей, призрѣніи бѣдныхъ и соблюденіи заповѣдей Божіихъ.

— Въ «Киш. Еп. Вѣд.» опубликовано положеніе о пенсіяхъ и пособіяхъ служащимъ въ Кишиневскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. По этому положенію предположено выдавать за 25-лѣтнюю службу слѣдующій годовой окладъ пенсіи: начальницѣ 700 р., инспектору классовъ и законоучителю 750 руб., преподавателямъ съ высшимъ образованіемъ по 650 р., преподавателямъ съ среднимъ образованіемъ по 350 р., учительницамъ и воспитательницамъ по 300 р., врачу, дѣлопроизводителю и эконому по 300 р., фельдшерницѣ 200 руб. За выслугу сверхъ 25 лѣтъ будетъ производиться въ добавокъ къ положеннымъ окладамъ пенсіи по $\frac{1}{6}$ части сихъ окладовъ за каждое выслуженное сплона пятилѣтіе впередъ до выслуги двойнаго оклада пенсіи. За выслугу 20-ти лѣтъ назначается половина пенсіи. Прослужившимъ усердно десять и болѣе до двадцати лѣтъ въ училищѣ, при выходѣ въ отставку, предположено выдавать единовременное пособіе въ размѣрѣ годовой пенсіи, а получающимъ въ годъ менѣе 300 руб. жалованья— въ размѣрѣ годоваго ихъ оклада содержанія. Семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ прежде выслуги срока на пенсію, выдается въ единовременное пособіе за службу мужей или отцовъ, продолжавшуюся менѣе 10 лѣтъ, половина оклада нормальнаго жало-

ванья, свыше 10 лѣтъ полный окладъ нормальнаго жалованья, принявъ за предѣльную цифру 900 руб. для преподавателей съ высшимъ образованіемъ, 420 р. для преподавателей съ среднимъ образованіемъ, а для другихъ лицъ 300 руб.

— Съ ассигнованіемъ изъ государственной казны новыхъ значительныхъ суммъ на народное просвѣщеніе въ церковномъ духѣ, получивъ большую возможность устроить свои школы согласно ихъ назначенію, духовенство прилагаетъ не малыя заботы къ организаціи наблюденія за церковными школами. Дѣло это, по словамъ «Церк. Вѣст.», оказывается особенно труднымъ въ Сибири при тамошнихъ громадныхъ разстояніяхъ и при разбросанности сибирскихъ приходоѡ. Такъ, на иркутскую епархію, по числу пяти ея округоѡ, согласно общимъ правиламъ, полагается пять окружныхъ наблюдателей церковныхъ шкоѡ. Между тѣмъ, округа иркутской епархіи крайне не равномерны по величинѣ своей и разбросанности населенія. Тогда какъ балаганскій округъ заключаетъ въ себѣ всего 37,315 квадр. верстѡ, верхоленскій заключаетъ 66,216 верстѡ, нижнеудинскій—106,823 кв. в., киренскій—359,798 кв. верстѡ. И при этомъ въ послѣднихъ округахъ населеніе расположено гнѣздами, раздѣленными очень значительными пространствами. Особенно это нужно сказать про округъ киренскій, большая часть населенныхъ пунктовъ расположена по теченію р. Лены на пространствахъ около 1,200 в., нѣкоторая часть по теченію Киренги, на пространствахъ 300 в., часть по верхнему теченію р. Тунгузки Нижней, на пространствахъ около 600 в., и цѣлая треть далеко на западъ, по теченію Илима, и по среднему теченію Ангары. Этотъ послѣдній участокъ киренскаго округа, такъ называемый илимскій край, съ селеніями, тянущимися на сотни верстѡ, отдѣленъ отъ остальной части киренскаго округа огромнымъ лѣснымъ пространствомъ. Вслѣдствіе такихъ географическихъ условій епархіальный училищный совѣтъ, открывая отдѣленія совѣта въ округахъ иркутской епархіи, нашелъ необходимымъ въ илимскомъ краѣ открыть особое отдѣленіе—шестое въ епархіи, о чемъ и представилъ на усмотрѣніе центрального управленія.

— Вопросъ и томъ, какъ поддержать знанія учениковъ, оканчивающихъ ученіе въ училищахъ, приобрѣтенныя ими въ шкоѡ, есть, безъ сомнѣнія, пишутъ «Ек. Еп. Вѣд.», одинъ изъ важныхъ въ народномъ образованіи. „Наградныя книги“, которыми надѣлялись ученики, иногда замѣняются похвальными листами. Нельзя не пожалѣть объ этомъ по одному тому уже, что нашъ простой

народъ вообще не богатъ книгами и можно, безъ преувеличенія, сказать, что онъ бѣденъ ими, а потому лишняя, и при томъ даровая книга въ его убогой избѣ далеко не роскошь. Школа, научивъ читать, должна дать и матеріалъ для чтенія, подобно тому, какъ мастеръ ремесленникъ, отпуская своего любимаго ученика изъ ученія на волю, вручаетъ ему в орудія своего производства. Церковныя школы имѣютъ свое особое назначеніе — воспитать молодое поколѣніе въ церковномъ духѣ, въ преданности св. Православной Церкви. По мнѣнію названнаго журнала, всякому понятно, что немного можно успѣть за это короткое время, и предоставить ученика, по выходѣ изъ школы, собственнымъ силами, не давъ ему средствъ продолжать свое ученіе въ томъ же направленіи, едва ли будетъ полезно. Школа научить ученика читать, сообщить ему простыя знанія, а главное, направить его умственныя способности на религіозно-нравственное чтеніе, преимущественно „богослужебное чтеніе“. По выходѣ изъ школы, когда ученикъ будетъ болѣе свободенъ, то въ часы досуга, часто побуждаемый родителями, возьметъ книгу почитать, чтобы не забыть пройденнаго, а въ зрѣломъ возрастѣ и по доброй волѣ обратится къ той же книгѣ, какъ къ дорогому памятнику своего дѣтства и ученія въ школѣ, и снова воскреситъ въ своей памяти читанное и пѣтое нѣкогда въ школѣ. Немало встрѣчается людей старой школы, которые по праздничнымъ днямъ, сидя дома, читаютъ или Псалтирь, или Часословъ, — тѣ книги, по которымъ они когда-то учились; другихъ книгъ у нихъ и не бывало, да они въ нихъ и не нуждались, находя въ этихъ достаточно матеріала для чтенія. Многія изъ такихъ лицъ заучивали Псалтирь и Часословъ почти наизусть отъ постояннаго упражненія въ чтеніи ихъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы воспитать ученика церковно-приходской школы въ любви къ церковному чтенію, необходимо давать ему по выходѣ изъ школы Псалтирь и Часословъ, какъ главныя книги, употребляемыя при православномъ церковномъ богослуженіи. Это будетъ и достойной наградой за его успѣхи въ школѣ, и въ то же время будетъ служить ему орудіемъ для поддержанія духа церковности, который стремится вселить въ него церковная школа. Нужно принять еще во вниманіе то, что эти книги рѣдки, и не всегда ученикъ можетъ пріобрѣсть ихъ на свой счетъ при всемъ своемъ желаніи. Часто приходится спрашивать родителей учениковъ, окончившихъ курсъ, читаетъ ли ихъ сынъ что либо дома? — „Да такъ изрѣдка: купилъ себѣ какую-то

книгу! И оказывается, что мальчикъ пріобрѣлъ или сказку про „сѣраго волка и царевну“, или что либо другое; въ лучшемъ случаѣ житіе какого либо святого! А имѣй онъ дома Псалтирь или Часословъ, онъ непременно готовился бы къ тому, чтобы въ одно прекрасное время порадовать своихъ родителей чтеніемъ въ своей церкви.

— Улучшеніе церковнаго пѣнія въ духѣ церковности въ настоящее время составляетъ заботу многихъ епархіальныхъ начальствъ. Такъ, Ярославскимъ Преосвященнымъ обращено серьезное вниманіе на вѣрское пѣніе въ приходскихъ церквахъ. Чтобы упорядочить пѣніе въ церквахъ, придать ему вездѣ характеръ строго-церковный и внести благозвучіе и единство въ церковныхъ напѣвахъ, учреждена въ Ярославлѣ церковно-пѣвческая школа, существующая теперь уже 10 лѣтъ. Постановка въ ней школьнаго дѣла, какъ свидѣтельствуютъ «Яр. Еп. Вѣд.», прекрасная; громадная польза церковно-пѣвческой школы для епархіи не подлежитъ сомнѣнію, и благотворныя послѣдствія ея уже осязательно успѣли сказаться. Прямая задача ея—приготовлять для приходскихъ церквей способныхъ псаломщиковъ, умѣлыхъ пѣвцовъ и чтецовъ, хорошихъ знатоковъ церковнаго устава. Курсъ школы годичный. Кругъ школьной программы составляютъ—Законъ Божій, уставъ церковный, церковное нотное пѣніе и съ голоса—„наслышкою“. Каждый годъ школа выпускаетъ отъ 20—30 человекъ съ правами поступленія на псаломщическія мѣста въ епархіи наравнѣ съ воспитанниками духовной семинаріи.—Черниговскій преосвященный, по словамъ «Полт. Еп. Вѣд.», обратилъ вниманіе духовенства на церковно-пѣвческіе хоры. По его мнѣнію, нужно постоянно и неуклонно внушать приходскимъ пастырямъ, чтобы они преимущественно заботились о развитіи церковнаго пѣнія такого, которое благословляетъ и одобряетъ высшая церковная власть, которое велось бы по книгамъ и пособіямъ, принятымъ и одобреннымъ Св. Синодомъ. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ преосвященный, неоднократно приходилось встрѣчать или концертное пѣніе, характера театральнаго, или партесное—крикливое, рѣжущее слухъ и неприличное для храма. Церковное чтеніе такъ-же нужно улучшить, согласно тѣмъ указаніямъ, какія сдѣланы или высшею духовною властію, или же рекомендованы духовными журналами.

— Въ г. Чугуевѣ, по сообщенію «Хар. Вѣд.», съ 14 сентября по 1 октября 1896 года Харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства при участіи Харьковскаго губернскаго и Зміевскаго уѣзднаго

земства устраивается сельско-хозяйственная и кустарная выставка. На выставку принимаются экспонаты со всѣхъ мѣстностей Россіи, но премируются только тѣ изъ нихъ, которые доставлены изъ Харьковской губ., Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губ. и Павлоградскаго уѣзда, Екатеринославской губ., за исключеніемъ разнаго скота и земледѣльческихъ орудій и машинъ, которые премируются, откуда бы таковые не были доставлены. Желаящіе представить на выставку свои произведенія обращаются съ заявленіями въ Комитетъ выставки, въ составъ котораго входятъ: Предсѣдатель, члены совѣта и секретарь Харьковскаго общества сельскаго хозяйства, предсѣдатель и члены Зміевской земской управы; въ заявленіяхъ должно быть обозначено: званіе, имя, отчество и фамилія экспонента, его почтовый адресъ и мѣсто производства предметовъ (губернія, уѣздъ, волость, имѣніе или село или городъ); какіе предметы (подробно) имѣютъ быть выставлены, сколько мѣста потребуется для нихъ и въ какомъ помѣщеніи закрытомъ или открытомъ. Заявленія объ отводѣ мѣста и желаніи участвовать въ выставкѣ съ обозначеніемъ экспонатовъ, принимаются до 15 августа, а предварительныя заявленія о количествѣ потребнаго мѣста съ указаніемъ отдѣла до 1 августа; пріемъ экспонатовъ производится съ 20 августа по 12 сентября включительно. Доставка экспонатовъ на выставку и обратно, распаковка, установка и пр. производится самими экспонентами или ихъ повѣренными. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ плата взимается по одному рублю за квадратный сажень; открытыя мѣста отводятся бесплатно. Всѣ приспособленія, какъ въ закрытыхъ такъ и открытыхъ помѣщеніяхъ, производятся за счетъ экспонента. Кустарныя издѣлія, выставленныя крестьянами и мѣщанами, принимаются бесплатно. Желаящіе имѣть свои павильоны, заявляютъ объ этомъ заблаговременно комитету, причемъ должны быть представлены планы и фасады построекъ; отъ платы за мѣста такіе экспоненты освобождаются. Лучшіе экспонаты будутъ премированы серебряными и бронзовыми медалями, похвальными листами и денежными преміями (въ кустарномъ отдѣлѣ). За лучшія крестьянскія хозяйства во время выставки будутъ выданы преміи имени В. В. Черняева земледѣльческими машинами и орудіями на сумму 228 рублей. За предметы, не составляющіе продуктовъ собственнаго производства, наградъ не выдается, но, въ случаѣ особыхъ ихъ достоинствъ, о нихъ можетъ быть данъ особый отзывъ.

Вышла въ свѣтъ 3-я (май—іюнь) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

Содержаніе ея: Н. А. Иванцовъ. Основной принципъ красоты.—В. И. Герье. Философія исторіи Гердера.—Кн. С. Н. Трубецкой. Основаніе идеализма.—В. А. Гольцевъ. Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ.—В. Ө. Чижъ. Возрѣнія пространства и времени.—Д. П. Еониски. Книга о почитаніи родителей (переводъ съ китайскаго).—Баронъ Д. Г. Гинзбургъ. Каббала, мистическая философія евреевъ. Съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева.—Н. Д. Виноградовъ. Психологическія изслѣдованія надъ микро-организмами.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.—В. Вальденбергъ. С. А. Бершадскій (Некрорологъ).—Извѣстія и замѣтки.—А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи. Психіатрической клиники Московскаго Университета.—Объявленія. Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1896 по 1-е января 1897 г.) безъ доставки—6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ копторѣ журнала. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Москва. Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Вышло въ свѣтъ новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества Куно Фишеръ Артуръ Шопенгауэръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. XVI+521 стр., цѣна 3 руб. Лица, подписавшіяся на все сочиненіе и получившія 1-й выпускъ, могутъ получить 2-й выпускъ.

Предсѣдатель Общества
Н. Я. Гротъ.

Редакторы: Л. М. Лопатинъ.
В. П. Преображенскій.

ФАБРИЧНО-ТОРГОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПРЕЕМНИКОВЪ

Н. В. НЕМИРОВА-КОЛОДКИНА

предлагаетъ свои услуги для изготовленія серебряныхъ крестовъ, установленныхъ Святѣйшимъ Синодомъ въ память Коронованія и Священнаго Миропомазанія

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Кресты хорошей работы въ настоящее время изготовляются по слѣдующимъ цѣнамъ: гравированные съ бронзовыми высеребрёнными цѣльями 18 р., такіе же съ серебряными цѣльями 25 и 28 р., и съ рельефными, т. е., накладными распятіями 35 р.

При заказѣ или выпискѣ крестовъ, количествомъ не менѣе 25 шт.—скидка 10⁰/. Адресъ для требованій: Москва, Товариществу Н. В. Немирова-Колодкина.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

изданіе Т-ва А. ГРАНАТЪ и К^о.

ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНІЕМЪ.

Цѣль изданія—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ вопросамъ жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію.

Въ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ приняли участіе: маг. И. С. Абельманъ, проф. Д. Н. Анучинъ, губ. агроп. В. Г. Бажаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, Д. С. Вольпинъ, маг. М. Я. Герцештейнъ, маг. Викт. А. Гольцевъ, инж. А. Н. Гранатъ, И. Н. Гранатъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурляндъ, инженер. А. М. Донде, Гр. А. Джанишевъ, В. Е. Ермиловъ, д-ръ Р. М. Жирмунскій, инж. И. М. Зиповьевъ, Н. Н. Златовратскій, проф. Н. П. Ивановскій, Е. Н. Каменецкая, маг. А. И. Каменка, М. Н. Колубовскій, инж. В. Г. Крапивинъ, В. Ф. Лазурскій, М. Е. Ландау, проф. В. Ф. Ловитскій, д-ръ М. Е. Лѳовъ, прив.-доц. И. Л. Лосъ, проф. И. В. Лучицкій, прив.-доц. П. Н. Мплюковъ, проф. С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, М. М. Нечаевъ, Викт. П. Острогорскій, проф. В. В. Пашутинъ, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, М. В. Познеръ, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свирицевскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, П. П. Сокудинъ, В. Н. Сторожевъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. Щегловъ и мн. др.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ (до 11000 столбцовъ убористой печати). Въ изданіи помѣщено 71890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географическихъ картъ, 150 таблицъ рисунковъ, хромо-и олеографій, статистическихъ таблицъ и картограммъ. Первые шесть томовъ вышли третьимъ стереотипнымъ изданіемъ, 7-ой—вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА полному изданію на обыкновенной бумагѣ безъ перепл.—38 руб., въ переплетѣ—42 руб., ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., при полученіи шести томовъ 5 руб., остальные деньги выплачиваются ежемѣсячными взносами по 2 рубля.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отзывами печати, выдержками имъ текста и условіями разсрочки высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. 5 (Рихтеръ), рядомъ съ университетомъ.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведеніи Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія позванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платопова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.